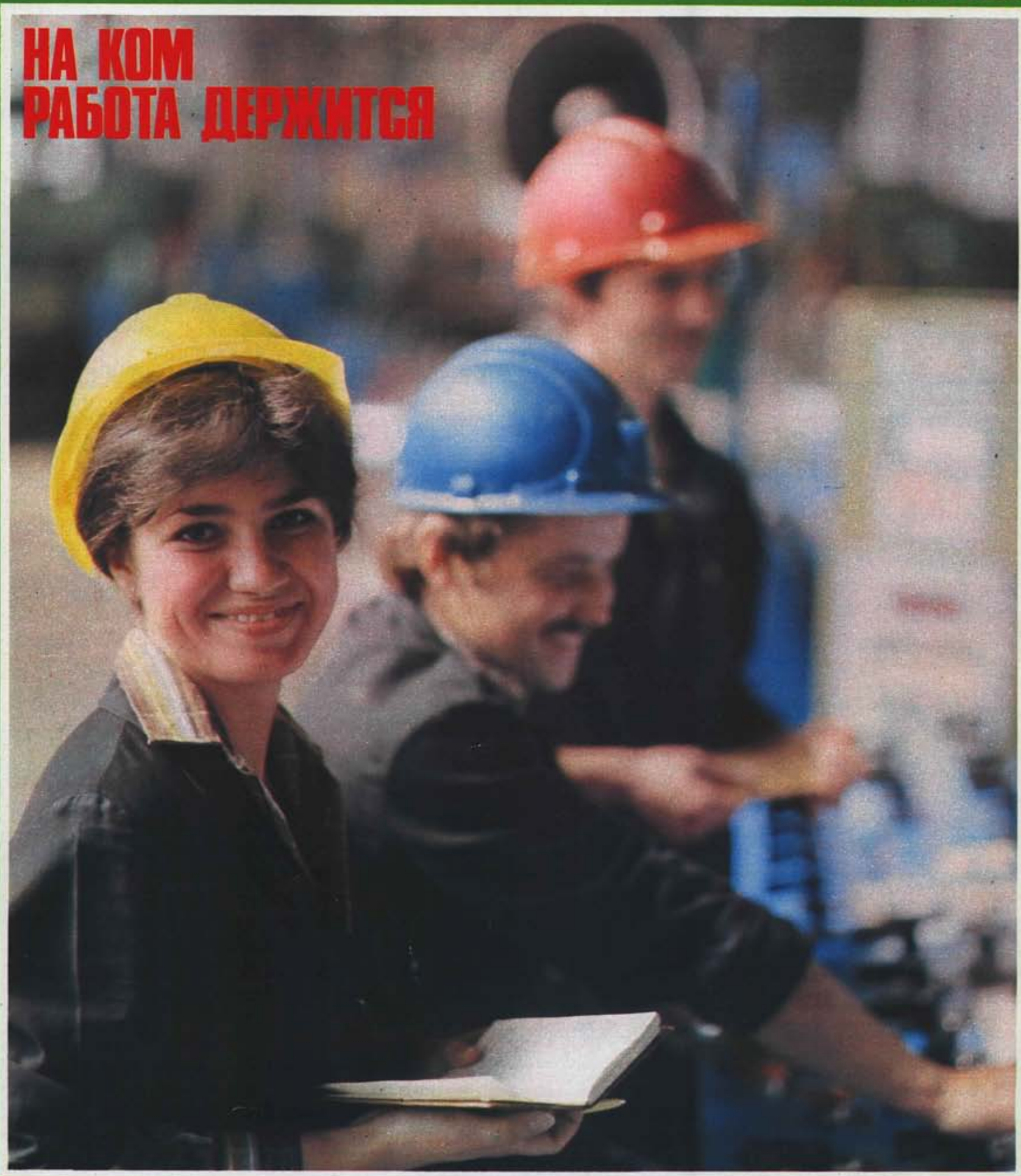

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1983

**НА КОМ
РАБОТА ДЕРЖИТСЯ**

Герой для подражания

ДИСЦИПЛИНА ТРУДА —
ЖИЗНЕННЫЙ ПРИНЦИП
РАБОЧЕГО НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВА

СТАНОЧНИК ПЕРВЫЙ

Юрий РАГОЗИН.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

На газонах цвел клевер, белый и розовый. Густо пахло сырой травой из недавнего детства. Слепой дождь сшибал с деревьев не по-летнему желтые листья. Откуда они взялись, когда еще только начало июля?

— Есть хороший парень,— сказали мне на крупном заводе,— передовик, общественник, его портрет—на Доске почета. Правда, о нем уже писали, кажется, даже по телевидению показывали, но зато проверенный.

Я направился в цех—взглянуть на

парня со стороны. К его станку—на видное место—была прикреплена газетная статья с большой фотографией. Статья о нем. Он вытачивал какую-то деталь и нет-нет да и поглядывал на свое фото.

Соседи по цеху сообщили мне, что времени у молодого передовика постоянно не хватает. То на заседании, то на совещании—ценный опыт передает, то за трехкомнатную квартиру вместо своей двухкомнатной—вне очереди—борется.

Времени не хватает для станка.

Говорили, живет он по инерции, уже давно толком не работая: лавры мешают, да и некогда. На последнем заводском конкурсе профессионального мастера из двенадцати участников не попал даже в пятерку сильнейших. А

речи произносить мастак, потому и всегда на виду.

Похоже, ванны со славой редко для кого бывают целебными.

Из цеха я ушел, так с ним и не познакомившись...

Я смотрел на размашистые, в буйной силе дерева и думал: какие разные у них листья—среди скопища зеленых нет-нет да и мелькнут ярко-желтые, солнцеподобные, словно золотом налитые, тяжелые, оттого и падающие раньше срока.

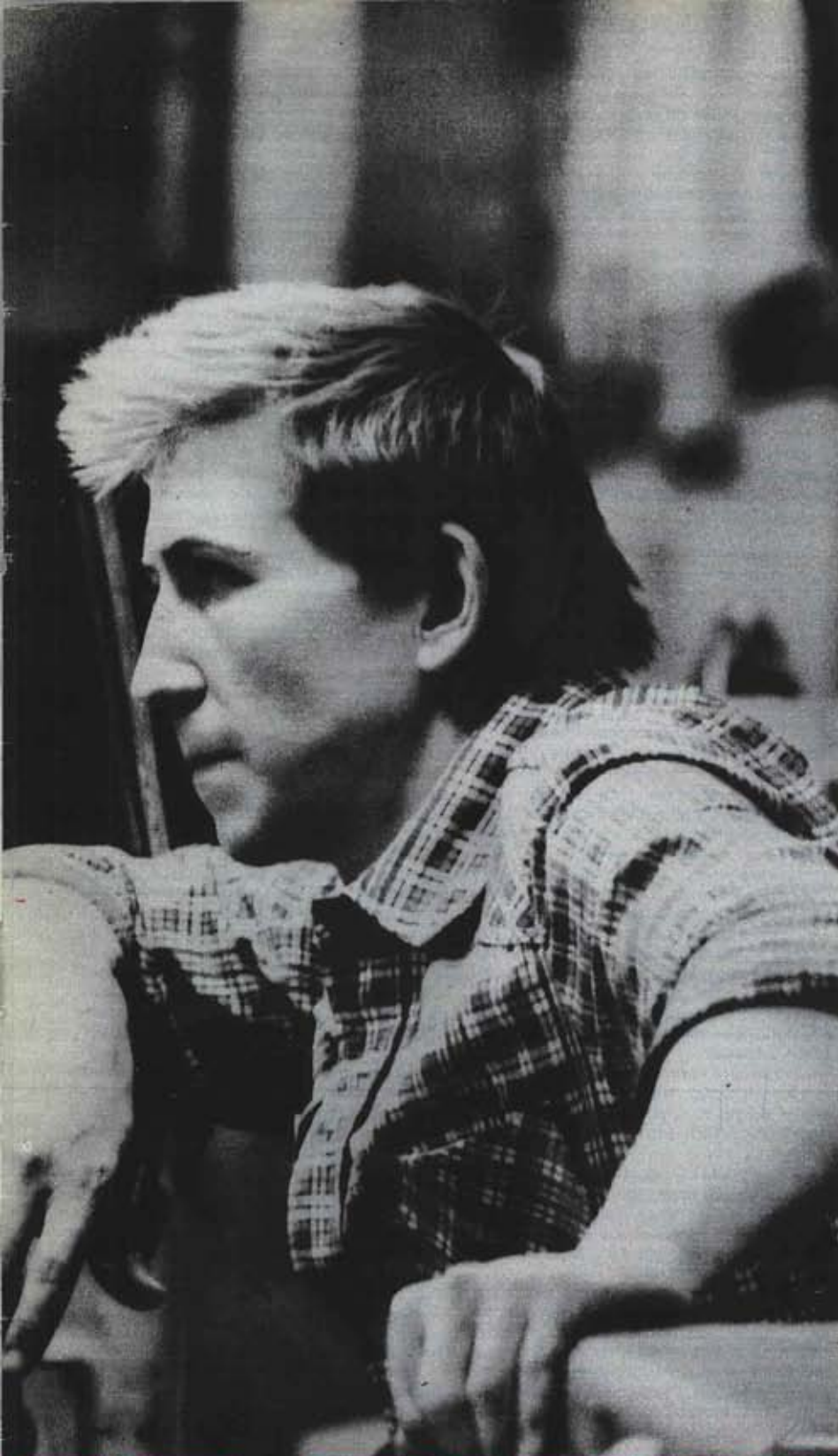
Идеальных людей нет. Хотя бы потому, что все относительно, и идеалы в том числе.

Правда, сложился образ передовика, везде поспевающего. Но это преувеличение. Всего не успеешь. Кто всюду—тот нигде. Директор из картины

Ю. Райзмана «Частная жизнь» до определенного момента был для окружающих идеальным руководителем, энергичным и волевым. Однако это только верхний слой, видимый без рентгена. Оказалось, преуспевая на службе, директор что-то упустил в семье, неисправимо просчитался. Но мне он все равно симпатичен. Он личность. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Жизнь слишком разнообразна в своих проявлениях, чтобы позволить себе роскошь создать человека, все делающего по правилам—ведь полностью соблюсти их никак невозможно.

Поэтому я не хочу идеализировать героя этого очерка и не собираюсь писать ему оду. Как бы ни хороша была ода, она не может быть искренней до конца.

ОТ РУКИ

ЛЮБЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЛЕГЧЕ
РЕШАТЬ
ВМЕСТЕ.

В ПОИСКАХ
ОПТИМАЛЬНОГО
ВАРИАНТА.

**СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ.
ЕГО НЕМНОГО,
И НУЖНО
ПРОВЕСТИ ЕГО С ТОЛКОМ.**

Когда я встречаю на улице молодых красавцев, торгующих «пепси-колой», апельсинами или принимающих стеклотару, вспоминаю о Васильеве. Я уверен: ребята, виртуозно жонглирующие цитрусовыми и стрелками на весах, обеспечены лучше, чем он. Да и живется им намного легче. Но я знаю и то, что Васильев несравнимо счастливее. Хотя, ввиду относительности такое понятие, как счастье, для них абсолютно различно.

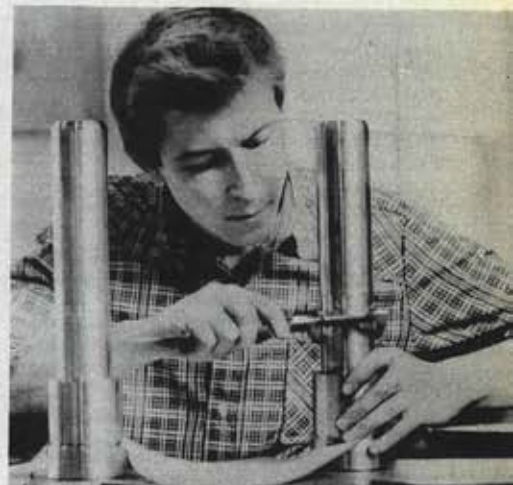
И еще я знаю: он им не завидует. Как-то мы говорили с ним о двадцатитрехлетнем парне, в меру положительном и работающем, которому после женитьбы широко улыбнулась фортуна — теща подарила двухкомнатную квартиру с обстановкой и «Жигули».

Николай Васильев, двадцатипятилетний токарь с завода сельхозмашиностроения имени Ухтомского, не читает стихов. Не потому, что занят по уши, — не любит. Разочаровались? Вначале я тоже ощутил горьковатый привкус досады. «Это тебе, наверное, хороших стихов не подалось», — сказал я ему, больше, однако, успокаивая себя самого. «Может быть, — пожал он плечами, — время еще есть».

Конечно, нам хотелось бы видеть передовиков, шпарящих наизусть по меньшей мере «Евгения Онегина». Ну, а если нет?..

**СЧЕТ ИДЕТ
НА МИКРОНЫ.**

**ДЕРЖИСЬ,
ДРУГ-СОПЕРНИК!**

Васильев, до последнего времени имевший с женой и двумя детьми комнатенку в коммуналке, сказал: «Легко жить не так интересно: все есть, вроде и радоваться нечему, а цену-то этому не представляешь». Да, он, не избалованный щедротами быта, помнит каждую большую покупку в доме, ее историю, как откладывал деньги на нее, прикидывал и как радовался потом.

Я спросил у него: что бы он хотел купить сейчас? Машину? (Честно признаюсь, полагал: коли стихов не читает — мечтает о «Жигулях».) «Нет», — равнодушно скривилась его губы. Ну, тогда что? Думает, ерошит вихрастый чуб. Ружье? «Да, ружьишко бы вот купил». Ведь сибиряк, из-под Красноярска родом, охотник. Тайгу знает, любит и помнит. Кедрач разлапистый. Мох, как перина, — упругий, мягкий. Зрелые смолистые шишки, падая, втыкаются в него торчком и глядят в небо, как свечки. Эх, тайгал! Когда же ты снова встретишься с Васильевым?..

Часто мы задаем своим героям внешне легкий, но на деле довольно трудный вопрос: ваш самый счастливый день или событие? И собеседник, прижатый к стенке лихой прямолинейностью, считает несolidным дать ответ не из производственной сферы.

Васильев, ненадолго задумавшись, ответил: «Когда с Наташей встретился».

Наташа — его жена. Добавлю в скобках: супружеский стаж у них пять лет. Я это к тому, что премию Ленинского комсомола за трудовые достижения он получил два года назад — событие более свежее. Но он отвел ему почетное второе место.

Нестандартный попался передовик. Стихов не читает, личное счастье ставит выше собственных успехов на заводе. А знаете, все они, передовики, нестандартные. Просто, расспрашивая их, мы порой сами и ответ-то им подсказываем, какой нас больше устраивает — для производственного очерка.

У него и работа ладится, потому что дома порядок.

И как-то хорошо и спокойно на душе за Наташу. (Она с детьми уехала на лето к своим родителям в деревню под Тамбов. А мужу налепила мешок пельменей: для сибиряка это первейшее дело.)

Без Наташи ему плохо. Скучно. Трудно. Она главный советчик, исповедник и поддержка. Незаменима. С какой щемью нежностью говорил он о ней!..

«Когда увидел ее впервые — гордую, недоступную, — подумал: не для меня!.. А через два месяца уже подавали заявление в загс. И три месяца ждали свадьбы. Целых девяносто дней! Страшно вспомнить».

Чувствую — поскучает Васильев, поскучает да оседлает свою «Яву» и махнет на выходные к Наташе. Дорога неблизкая — шестьсот километров в один конец. Но разве это расстояние — при относительности-то понятий?..

А у тещи — рай. Сама теща — клад. Встает она в четыре утра: в деревне день начинается рано; корову доить пора, да и крыночку в погреб поставить надо — больно уж любит зятек холодненькое молочко. «Она, — говорит Васильев, — с солнышком соревнуется. А мы еще спи-и-им!.. Часов до восьми».

Конечно, если ежедневно вставать в полшестого (когда в первую смену), то, проспав до восьми, и опухнуть недолго с непривычки. А ему в цехе надо быть за полчаса до начала работы. Я думал: успеть побольше хочет. Ан нет. Оказывается, чтобы подготовиться и приступить вовремя. Передовик, считает Васильев, не тот, кто в пять утра приходит, в семь вечера уходит, а тот, кто с семи до трех двадцать передовик. Вот тебе и раз: мы полагали, передовики и днюют и ночуют в цехе, а тут наоборот. Ну, а если разобораться? Оставаться после смены и засчитывать сделанное в общую сумму — естественно, больше получится, но ведь на то у нас и день нормирован-

ный, чтобы норму соблюдать. Если сутки в цехе сидеть да выходные прихватить, этак любые рекорды сокрушить можно, только ненастоящие это будут рекорды.

Тут уж кто как работает. Кому что дано.

«Я человек настроения, — говорит Васильев. — Приду в цех, пока настроюсь... Без этого хорошо работать не могу». «А если только один раз в год будет настроение, один раз и будешь хорошо работать?» «Да-а». «А в остальные?» «В остальные — нормально». Смеется, лукавый.

В двадцать лет иметь пятый разряд по токарному делу — примерно то же, что в двадцать три защитить кандидатскую.

Васильев разряд повышал сам министр. Победил Николай в очередной раз на Всесоюзном конкурсе профессионального мастерства, и приказом министра ему был повышен разряд. А из училища он пришел с четвертым, хотя все оканчивают с третьим. И сразу же в первом своем заводском конкурсе молодых токарей стал призером. Дело неслыханное: новичок — и вдруг рабочих со стажем обошел. Еще ведь неделю назад каждый кому не лень снисходительно поучал его, преподнося азы ремесла. А оказалось, сам с усами. Да еще с какими.

«Он токарь от бога!» — сказал о нем Саня Калганов. «Профессионал будь здоров, на голову выше нас», — добавил Саня Смирнов. Оба — из его бригады. «Человека сразу видеть, какой он специалист, — сказал парторг цеха о своем заместителе Васильеве, — как к станку подошел, как посмотрел на него — уже понятно, чего он стоит. Когда я первый раз увидел Николая, не сомневался — классный будет мастер».

Парторг не ошибся. Я видел, как Васильев работает, но мне ли судить, неискушенному? Одно скажу — работает быстро и будто бы без усилий. Но мог бы я и не видеть его в деле; достаточно посмотреть, как он станок убирает. Слово благодарит его за труд. Каждую стружечку, пылинку металлическую тщательно щеточкой выметает; тряпкой протирает, смазывает. Железный станок-то, а Васильев к нему — с нежностью. «Это ж хлеб мой», — говорит.

Сказать: цену хлебу он знает — все равно, что ничего не сказать. Он родился в деревне и знает о крестьянском труде не из передачи «Сельский час».

Мы гуляли по парку, напоминаящему настоящий лес, и тут Васильев удивил меня в очередной раз, разрушив банальный стереотип в представлениях горожанина.

На полянах подсыхала скошенная трава. Ветер разносил неповторимый ее аромат. Я не встречал человека, которому бы не нравился этот пьянящий запах. А уж для деревенского жителя, должно быть, он имеет особое значение.

Так вот, Васильев не любит запах свежего сена. «Сколько помню себя, — говорит, — всегда косил».

Если вы когда-нибудь брали в руки кошу и после трех-пяти взмахов вам удавалось не вонзить ее острый конец в землю, — даже и тогда не торопитесь похвалиться, что вы тоже косили. Мягким, нежным и душистым сено бывает лишь тогда, когда его либо нюхают, либо на нем спят. Но попробуйте под пальцем солнцем хотя бы часок погребать его граблями и после этого скирдовать — оно покажется жестким, как проволочка, колючим, как иголки, с паразитической проворностью лезущим под рубаху и нещадно впивающимся в разжаренное тело. Если после нескольких часов работы, приносящей подобные ощущения, вы — вместе с поднятой пылью — повдыхаете его аромат, вполне вероятно, что он потеряет для вас изрядную долю своей привлекательности. Ну, а если после целого дня косьбы, как подкошенный, вы рухнете на плоды трудов своих, то скорее ощутите запах собственного пота (простите за натурализм), чем запах сена.

Думаю, по этой же причине и недолюбливает его Васильев.

На выходные он ездит к родителям в Чулково (полчаса от Люберец) подсобить по хозяйству. Так что мозоли от литовки и лопаты на его руках не теряют своей первозданной свежести в течение весны, лета и осени.

«Не люблю я студентов, приезжающих помогать в колхозы, — сказал Васильев. — Не всех, конечно. Но есть такие, от которых вреда в сто раз больше, чем от колорадского жука. Знаешь, как они картошку за комбайном подбирают? Они ее закапывают — живьем, чтоб не наклоняться... Понимаешь, что делают, а?! — Он вздохнул и покачал головой. — Она ведь для них всего-то десять копеек كيلو — в магазине...»

Мы вместе шли к нему на завод. Когда вошли в инструментальный цех, часы, как обычно, показывали полчаса до начала смены.

Саня Смирнов уже работал.

Васильев переоделся. Мастер принес ему задание — чертежи деталей, которые нужно сделать. Мастер — совсем еще молодой парень; минут через пять он снова подошел к бригадире, но уже с просьбой: «Объясни, как писать заявление — перевестись обратно в токаря?» «Откуда такой опыт?» — спросил я у Васильева. «Так я ведь сам полтора года отработал мастером — после техникума. Потом вернулся к станку. Лучше быть хорошим токарем, чем посредственным мастером. Вот только обидно — престиж наш рабочий стал невысоким. В училище, в группе, нас было тридцать, токарями сейчас — шестеро; остальные — кто где, лишь бы не у станка. Вот так... Жить люди стали хорошо, легко, работать хотят поменьше. И то в основном для себя. Вот езжу к маме в деревню; посмотришь — братья родные живут через дорогу, дома напротив, а в гости друг к другу не ходят! Каждый свою редиску выращивает... И на работе — абы как. Много говорим, мало делаем».

«Экономию, дисциплина, ответственность». А когда начинаем говорить об этом? Когда тут прогулял, тот опоздал, этот брак гонит, этот пьяный напился... Человека легче научить, чем переучивать. Привык нарушать дисциплину — попробуй переучи! Поставь лодыря в нормальные рамки, скажет: зажимают. Для него норма — опоздания, прогулы... Так надо и учить-то с детства, чтоб потом не переучивать...»

У меня в училище мастер был хороший. И вот однажды был я у него дома и вижу такую картину. Как раз учебный год в школе закончился, а у его сына-пятиклассника скоро день рождения. Отец обещал велосипед ему купить, если будет хорошо учиться. А сын закончил год на одни тройки. Ну, вот при мне пришел он требовать подарок. А отец отказал. Сын тогда и говорит: «Тебе денег жалко!» Тут мастер мой достает из бумажника пятьдесят рублей — купюру — и поджигает ее. У парнишки — глаза круглые. «Сгорел твой велосипед, — говорит отец, — ты ж обманул меня: мое обещание от тебя зависело. Ты слово не сдержал. А денег мне не жалко...» Вот такой урок дал он сыну. Может, деньги жечь и необязательно, но мне этот урок очень понравился...»

Он включил станок и стал закреплять заготовку. Рукава у рубашки закатаны до локтей, на руках — какие-то маленькие коричневые пятнышки. Я думал — веснушки. Оказалось — следы от металлической стружки: когда резец касается крутящейся детали, она нагревается, а стружка раскаляется буквально докрасна. Выходит, не только у литейщиков горячий фронт...

Когда Васильев работает, песни поет. Потихоньку. Или мечтает. Сейчас, например, о том, как бы поскорее ремонт сделать в квартире, которую получил недавно. Надо ее за месяц в шкатулку превратить, чтобы к приезду Наташи с детьми все блесло.

Квартира далась ему нелегко. Три

года он участвовал в так называемом самострое — каждый день по три часа после смены работал на строительстве заводского дома. За это время дочь родилась, и вместо двухкомнатной в новом доме дали ему трехкомнатную в старом. «Не обидно, что не в новом-то?» «Нет, сторона солнечная, второй этаж, чего еще?!» Он доволен: повезло.

А везет ему постоянно. «Только, — говорит, — чего пожелаю — тут же исполняется». Вот, пожалуста: пожелал квартиру заработать — заработал. Захотел победить на конкурсе — победил (сколько раз, сказать не берусь: сбился со счета, разглядывая пачку его дипломов). Захотел после училища поступить в институт — поступил. Правда, ездить приходилось очень далеко и ведь после смены: в пять утра уходил, в двенадцать ночи возвращался. Полгода ездил. Бросил. Окончил техникум. Куда взгляд ни кинешь — кругом везет Васильеву.

Однако, как заметил кто-то из мудрых, нытоновы яблоки падают лишь на подготовленные головы.

Я спросил у ребят из его бригады: чего им недостает в собственных характерах из того, что у Васильева в избытке? Один назвал мягкость. Второй — настойчивость. Третий — уверенность в себе.

А Саня Калганов иногда здорово злится на своего бригадира. Бывает, не идет какая-нибудь деталь. Попадется чересчур мудреная. И так ее и так — не идет!.. А сам-то вторую пятилетку работает, не дилетант. Можно, конечно, за разъяснением к Вите Рыбину обратиться или к Васильеву («у него опыт международных соревнований и прочее»), но профессиональная гордость невидимой целью ложного стыда приковывает Саню к станку. Однако не успеет Калганов вдоволь понегодовать от внезапного бессилия, а незваный-непрощенный Васильев уже тут как тут. «Может, — говорит, — Саня, вот так попробовать, а?» Тихонько, ненавязчиво, вроде как бы и не советует, а, наоборот, сам совета просит. Вот тут-то и охота послать дорогого бригадира куда-нибудь подальше соседнего станка — за его внимание к проблемам такого признанного мастера, как Калганов. Но — друзья ж все-таки — сдержит Саня гордыню, поскрипит зубами да и попробует. А Васильева уже и след простыл. Смотришь — пошла деталь!.. Саня вздохнет облегченно и незаметно покосится на бригадира. Тот работает как ни в чем не бывало. «Вот же чертjacka, — думает Саня, — и как он только заметил мои мучения, я и вида-то не подавал?..»

Саша Смирнов — трудолюбивый и на редкость старательный — к подобного рода «конфузам» относится проще. Если что, не теряя времени, сам подойдет: растолкуй, мол, бригадир.

Ну, а Витя Каширский, самый старший в бригаде — ему за тридцать, — бывало, и сам когда-то подсказывал Васильеву в трудную минуту, из всех четырех стаж у него наиболее солидный.

Полгода бригада Васильева работает по одному наряду. Зарплата выросла рублей на тридцать — пятьдесят, сдружилась, заботиться стали друг о друге.

Ребята рассказывали мне о бригаде, о преимуществе единого наряда, о Васильеве, которого каждый считает закадычным другом, и тут Саня Калганов сказал о своем бригадире так: «Он старается деталь посложнее себе хануть». «Зачем же?» — удивился я. «Большее заплатят?» — «Не-е-ет!.. — протянул Калганов. — Он хи-и-итрый: себе потруднее, чтоб нам полгече досталось. Он-то и быстрее сделает и лучше, а в итоге — у бригады план перевыполнен!»

Вот он, оказывается, какой хитрый, этот тихий, скромный Васильев!.. «Мы же, в свою очередь, — спокойно продолжал Саня, — тоже стараемся: чего потрудней — себе оттягать, чтоб и ему полгече было».

По-моему, Саня Калганов закрыл тему о Васильеве.

ЗЕМЛЯ МОЯ— СУДЬБА МОЯ

Юрий МАЛЕНКО,
первый помощник капитана,
Керчь

Мне в море нравится работа
И потому, что тяжела,
И потому, что есть в ней что-то
От вольной прелести крыла,
От беспредельности полета,
Раскрепощенности волны...
Здесь капли трудового пота
На вкус, как море, солонь.
Мне в море нравится работа,
Когда, стихию сокруша,
Отслаивается порода
И очищается душа.
Когда просоленный до нитки,
Когда усталость валит с ног...
Стать продолжением Магнитки
Я, кажется, сейчас бы смог.
Мне в море нравится работа,
В ней обретаю непокой.
Здесь слово емкое «свобода»
Синоним блоковскому «бой».
Бой не для сытного ночлега,
Не мелким помыслам служить...
Бой за себя, за Человека,
С которым мне на свете жить.

Лев ЧУМАКОВ,
журналист,
пос. Краснооктябрьский
Сакулукского р-на
Киргизской ССР

На войне как на войне

Срывает дождь потухший лист
Осеннего лесочка.
Стучит, как опытный радист:
Тире, тире и точка.
Всплакнув,
Во тьме сомкнули строй
Березы-серебрянки.
И очень хочется домой,
Но мы молчим в землянке.
И лишь часы мечтают вслух
О доме, о покое.
Наш капитан, хороший друг
Завел их перед боем.
Где перебежкой, где ползком
Весь день в атаке прожит.
Чадит огонь под потолком,
И сон усталость множит.
Нет тишины, но люди спят,
Земля считает раны.
Висит на стенке автомат
Другого капитана.

Юрий КНЯЗЕВ,
журналист,
Чебоксары

Чувашские узоры

Ремесел старых паруса...
Чувашских вышивок краса...
Они волшебны, как роса,
Они певучи, как леса.

Взгляни! И будто бы впервые
Во всей нетленной красоте
Узоры древние живые
Предстанут снова на холсте.

И колос видится ячменный,
И хлеб насыщенный, хлеб ржаной,
Коней крестьянских шаг степенный,
И след лисицы под сосной...

Михаил КИРИЛЛОВ,
инженер,
Пенза

Знатный токарь

Точить детали—это дело!
Такому делу токарь рад,
А тут впервые оробел он—
Ему позировать велят.
Лицо покрылось алым цветом,
Таким неловким стал на вид.
Спецкор из областной газеты:
«Остынь, расслабься»,—говорит.
Минуты те казались мукой,
Не соберется—вот беда.
Свои огромнейшие руки
Не знает парень деть куда.
Таким и вышел он на фото,
Смущенным, словно ученик...
Он знал, что главное—работа,
А к славе как-то не привык.

Виктор ВИШНЯК,
актер,
Москва

Путь вдоль реки куда короче.
А у моста, на полпути,
Ты захотела среди ночи
Звезду Полярную найти.

Покинув душные квартиры,
На время обрета покой,
Искали мы ориентиры
В прозрачном небе над рекой.

Мечты тех дней почти забылись,
Но этой ночи не забыть.
Я спрашивал: мы заблудились?
Ты отвечала: может быть.

Без указаний звездной выси
Свой путь мы знали наизусть.
И знали—не от нас зависит
Любви неведомая суть.

А ночь заглядывала в лица,
Искала в блеске глаз обман.
И нам душой хотелось влиться
В холодный звездный океан.

Разлук не стоит опасаться.
И, может, к лучшему—как знать—
Любить и навсегда расстаться,
Забывать, чтоб снова вспоминать.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1355) НОЯБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
молодые
передовики
московского
завода
«Серп и молот».

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

- 1 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
«СТАНОЧНИК ПЕРВОЙ РУКИ».
Фотоочерк Юрия РАГОЗИНА и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 3 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ».
- 4 Тарас СТЕПАНЧУК. «НАТАША И МАРСЕЛЬ». Быль.
- 7 «А ЧТО У ВАС?» Информационная страница «Смены».
- 8 Рассказ Станислава ТОКАРЕВА «ДВОЙНОЙ ПРИЗ».
- 11 «ВETERАНЫ О МОЛОДЕЖИ». Наша почта.
- 12 ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА.
«ЧАЙ». Фотоочерк Владимира ЛУЦКОГО
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 16 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Александр ШЕЯНОВ.
«НА ПЛЮЩИХЕ, У ДЕВИЧЬЕГО ПОЛЯ».
- 18 Андрей КОМАРОВ. «У ПРЕДЕЛА».
Обсуждаем проблемы, затронутые в рассказе
Виктора ШАЛАТОНОВА «ПРЕДЕЛ».
- 20 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Эльвира ТОЛКАЧЕВА. «МЯЧ НАД ЗЕМНЫМ ШАРОМ».
- 22 Анатолий МАМОНОВ.
«ПОЙМАЕТ ЛИ САХОКО ЖАР-ПТИЦУ?»
- 24 Евгений МИРКОВСКИЙ, Герой Советского Союза.
«ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ».
- 25 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 26 АВТОБИОГРАФИИ.
Тихон ХРЕННИКОВ.
«МЕРОЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРИЗВАНИЯ».
- 29 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

НАТАША

И МАРСЕЛЬ

Тарас СТЕПАНЧУК

БЫЛЬ

Подпольщицу из Смоленичей Наташу замучили в гестаповской тюрьме. Французского патриота Марселя приговорил к расстрелу германский военный суд...

Заревом пожара издохнула на Минщине осень сорок третьего. Бессильные одолеть партизан, фашистские каратели жгли белорусские деревни, уничтожали мирных жителей.

Во Франции гитлеровские оккупанты расстреливали и вешали заложников. На Эйфелевой башне и над Вечным огнем у могилы Неизвестного солдата в Париже развевались фашистские флаги.

Общей горе двух народов сблизило белорусскую подпольщицу и французского рабочего, сплотило в совместной борьбе. В ту осень Наташе и Марселю исполнилось по 23 года.

Наташа и Марсель. Две судьбы в пламени минувшей войны.

Неудержим бег времени. В местах, где воевали прославленные бригады «Смерть фашизму» и «Разгром», воздвигнуты памятники и обелиски, вознесся в вечность Курган Славы, тревожно звонят колокола Хатыни. А из Франции в эти места регулярно приходят письма:

«Когда я был в партизанской бригаде, я научил говорить по-русски, только мало и не всегда литературно. Я помню это время и никогда не забуду. Вечное спасибо. Я узнал, что есть советская дружба...»

Какими они были тогда. Наташа и Марсель? Смотрю на фотографию сорокалетней давности, читаю письма семидесятых годов и совсем недав-

ние, наших дней. Слушаю рассказы ветеранов и воочию вижу Наташу, Марселя — молодых, красивых, жизнерадостных.

Опять возвращаюсь к письмам из Франции:

«Я гордый, что я мог сражаться бок о бок с советскими народными мстителями на стороне свободы и завоевания общий Победы».

Выстрадавшая и завоеванная Победа у них была общей, а вот судьба у каждого своя.

Марсель Сози родился в лотарингском городке Саргемин. Когда началась вторая мировая война, он был рабочим порохового завода. Марсель бежал на юг страны, чтобы сражаться за свободу своей родины. В декабре сорок второго был арестован и этапирован в тюрьму города Саргемин, где его ожидал суд.

Что спасло Марселя? После траура по шестой армии, отличившейся во французской кампании и уничтоженной под Сталинградом, Гитлер объявил мобилизацию эльзасцев и лотарингцев на Восточный фронт. Полосатую куртку арестанта Марсель сменил на солдатский мундир. Солнечным майским утром сорок третьего года рядовой вермахта Сози в составе маршевой роты прибыл в Минск.

Война в Минске для молодого француза выглядела кошмаром: развалины, пустые глазницы окон сгоревших зданий, островки уцелевших домов, виселицы в безлюдных скверах и на площадях. Солдатский мундир показался Марселю одеждой палача.

Группу французов направили на штурм-пункт — охранять небольшой железнодорожный мост через реку Плису. На восток убегали рельсы к далекой Москве, в тридцати километрах западнее находился Минск, а поблизости виднелись деревянные дома райцентра Смоленичи. За мостом через Плису на многие километры простирались леса.

Где-то в лесной чаще находились белорусские партизаны, бравшие по оружию французских маки. Но где и как их найти? На дежурства, патрулирование, за письмами в Смоленичи французов отпускали только в сопровождении немецких солдат. Общаться с местным населением, даже петь французские песни было запрещено.

Ежедневно на штурм-пункт приходила красивая кухарка Наташа. Работала добросовестно, разговоров с солдатами избегала. Закончив дела, торопилась домой, к маленькому сыну.

Для десяти французов на штурм-пункте женщина из Смоленичей казалась единственным человеком, способным связать их с партизанами. Наладить контакты взялся Марсель: несколько раз принес на кухню ведра с водой, неумело попытался почистить картошку.

— Солдату фюрера недостойно помогать кухонной прислуге, — сказала по-немецки Наташа.

— Я француз. Мой отец — машинист паровоза, — тоже по-немецки ответил Марсель и тихо пропел куплет «Марсельезы», а потом рассказал о себе, о своей семье.

— И у меня отец железнодорожник.

— Помогите найти партизан. Мы желаем сражаться против тиранов!

— Кто это мы? — переспросила Наташа.

— Я и мои соотечественники...

Первые дни Великой Отечественной запомнились ей бомбежками, потоком беженцев да горькою расставаний: муж, инженер-дорожник, и старшие братья ушли на фронт, а она вместе с маленьким Валькой осталась бедовать оккупацию в Жодине, у родителей.

Из Жодина переехала в райцентр Смоленичи и стала разведчицей партизанской бригады «Разгром». Пропуск, аусвайс, ей достали на фамилию мужа, а имя она сменила на подпольную

кличку, превратившись из Шуры в Наташу. Устроилась кухаркой на шутцпункте «Плисса», вела учет вражеских эшелонов, передавала в бригаду медикаменты, махорку, соль, бумагу для листовок. А тут на шутцпункте появились французы, и вот этот разговор с Марселем...

— Французов примем, но только с оружием и боеприпасами. На явку приведешь их сама, — решил комиссар Лапук. — А пока пусть нарисуют схему охраны шутцпункта и минных полей. Семнадцатого вечером ждем тебя в лагере, обсудим детали, двадцатого сентября — переход.

Это решение комиссара Наташа сообщила Марселю.

Если бы человек мог предвидеть свою судьбу... В тот субботний день, накануне ухода Наташи к партизанам, фельдфебель отправился в райцентр к начальству. Солдаты вместе с Наташей сфотографировались у порога казармы. Потом Наташа и Марсель любовались закатом на берегу Плисса. Лучи солнца сливались с осенним золотом лесов, ярко вспыхивали калины. В небе кружили аисты, вычерпывая крыльями последнюю летнюю синеву.

Марсель передал Наташе обещанную схему, четыре коробки pistolетных патронов и, чуть покраснев, протянул букетик полевых цветов.

Шепталась о чем-то с ветром белоствольная берега. Вечер был синевато-прозрачный, как на картинах Сезанна. Из леса кому-то считала годы кукушка.

Цена оплошности на войне определяется часто высшей мерой — человеческой жизнью. Вернувшись домой, Наташа совершила роковую ошибку: не остереглась она при агрономе Лисовском попросить у соседа махорки, флакон йода и авоську. Тот агроном оказался агентом гестапо. В конце концов его разоблачили и расстреляли партизаны, но это было уже потом...

Под вечер семнадцатого сентября Наташа направилась на встречу с комиссаром. В сумочке — аусвайс и два письма местных патриотов, мечтающих сотрудничать с партизанами, в авоське — махорка и медикаменты. Схема шутцпункта была спрятана в лифчике, картонные коробки с патронами — в сапогах.

За околицей Смолевичей ее задержали двое полицейских и по центральной улице, мимо дома, где она жила, повели в гестапо. Маленький Валька с плачем бросился к матери, мордастый полицейский, отшвырнув, ударил его о столб, и ребенок захлебнулся криком. Соседка подхватила Вальку на руки, проглотила вслед Наташе:

— За сына не переживай, я его выхожу. Спасайся сама.

В приемной гестапо скучал переводчик. — Произошла ошибка, — по-немецки обратилась к нему Наташа. — Я работаю на шутцпункте. У меня аусвайс...

— Убирайся на шутцпункт, — махнул рукой переводчик.

— Никак нельзя отпустить эту стерву, — возразил полицейский. — Господин штурмфюрер Зальдман приказал ее арестовать и тщательно обыскать.

— У меня сумочка, — холодея от ужаса, прошептала Наташа. — Там аусвайс... — И с мольбой посмотрела в глаза переводчика.

Тот не моргая выдержал Наташин взгляд. Небрежно взял сумочку, забросил на шкаф и распорядился:

— Документы останутся здесь. Арестованную отвести в пересыльную тюрьму и обыскать.

При обыске у Наташи нашли и патроны и схему. Раздетую донага, двое полицейских избили ее ремнями и заперли в мокром каменном мешке карцера.

Поздним воскресным вечером Наташу привели в кабинет начальника смолевичского гестапо. Пожилой, холеный штурмфюрер СС Зальдман сидел в старинном кресле, на столе перед ним были рассыпаны патроны, поверх развернутой схемы шутцпункта лежал черный «парабеллум».

Глянув на стол, Наташа облегченно вздохнула, подумав: «Нет сумочки с письмами, значит, переводчик оставил ее у себя».

— Где научилась говорить по-немецки? — спросил Зальдман.

— В школе и пединституте, — ответила Наташа. — Я учительница.

— Запомни: ты — кухарка! Кто передал тебе патроны и схему? Куда и кому их несла?

Понимая, что ей не поверят, Наташа все-таки ответила, что патроны нашла по дороге и хотела отнести на шутцпункт, а бумагу под «парабеллумом» видит впервые.

По губам штурмфюрера скользнула недобрая усмешка.

— Хочешь жить? Говори правду! В гестапо сознаются все. Мы даже камни заставляем говорить.

— Получилось недоразумение... — начала оправдываться Наташа.

— Фриц! — крикнул штурмфюрер.

Появился верзила в рубашке с закатанными рукавами и с кожаной плетью, зажатой в волосатом кулаке.

Минуту в кабинете стояла тишина взведенного курка.

— Поработай с нею, Фриц...

Слов на ветер Зальдман не бросал. Начав «обрабатывать» арестованную на допросе у штурмфюрера, Фриц с перерывами продолжал свое дьявольское занятие в застенках гестапо.

Дни и ночи разделялись для Наташи на нестерпимую боль, на темную пропасть беспомощности и плавающие в тумане полусознания часы перед очередным допросом. Сколько же может выдержать человек?

Смерти Наташа не боялась. Собственная жизнь, словно пламя свечи: одно дуновение — и нету его, пламени. На краю могилы страшнее истязаний Наташу мучили два вопроса: «Где сумочка с письмами партизанам? Что будет с теми симпатичными французами?»

Письма ей передали сержант из окруженцев Дерван и продавец магазина Горецкий, снабжавший ее махоркой и солью для бригады. Дерван одинокий, а у Горецкого пятеро малых детей!..

Чужие беды Наташа чувствовала острее своей, казнясь, что из-за ее промашки могут пострадать люди. Страх подвести этих людей под пытки в гестапо заслонил в ней жалость к себе и осиротевшему сыну. Утром Наташе сделали укол и повезли на шутцпункт. Увидев свою кухарку, солдаты ужаснулись: какой-то доброжелатель незаметно сунул ей в карман пальто пачку сигарет.

— Патроны пропали у меня, — подтвердил фельдфебель. — А схему?.. Что-то после дежурства рисовал рядовой Соци...

Наташу и Марселя привезли в смолевичскую школу, где размещались канцелярия и казарма охранной роты. Допрашивал их военный следователь.

На допросе, а потом на очной ставке Наташа молчала.

— Значит, схему рисовали вы и патроны похитили тоже вы, — заключил следователь. — Будете повешены.

Марсель оказался разговорчивее:

— Схему нарисовал я, и патроны взял я. Затем передал схему и патроны мадам Наташе и приказал отнести партизанам. Я хотел перейти к партизанам и пригрозил, что применю оружие, если она не выполнит мое поручение. Мадам Наташа невиновна!

Следователь повернулся к Марселю.

— Тогда расстреляют вас.

— Патроны и схему я нашла на дороге, — заговорила Наташа. — Никто мне их не передавал. Военный следователь пожал плечами.

— Будете говорить неправду, потеряете головы оба.

Марсель, жертвуя собой, пытался помочь Наташе.

Наташа понимала, что никто и ничто ей уже не поможет, и пыталась спасти Марселя.

Вечером арестованных привели в пустой школьный класс: у противоположных стен поставили койки, между ними — стол и стул для часового.

Из шутцпункта Марселю передали посылку от матери. Глотая сухие галеты, Наташа шепотом упрекнула присевшего рядом Марселя:

— Почему не бежал в лес к партизанам, дождался ареста?

— Не хотел, чтобы товарищей подвергли репрессиям. Я один буду за всех отвечать.

— Партизаны в лесах по обе стороны железной дороги, — на всякий случай сказала Наташа.

Марсель снял с руки кольцо. В лунном свете драгоценный камень сверкнул, как на солнце.

— Это кольцо матери. Она получила его от бабушки, а та — от своей бабушки. Оно приносит счастье. Почему ты не хочешь его взять? Ты должна жить, у тебя маленький сын. Вернется с войны муж... Я берег его невесте — у меня никогда не будет невесты. Ты ля рус Жанна д'Арк. Ты прекрасна! Я люблю тебя!

— И я тебя — любовью сестры...

На следующий день их снова допрашивал военный следователь, потом за арестованной пришел гестаповец. Они успели выдохнуть:

— Прощай, Марсель!

— Прощай, Наташа!

Марсель остался ждать военного суда, Наташу увезли в минское СД, которое размещалось в мрачном двухэтажном особняке.

По обе стороны коридора лицом к стене стояли с поднятыми руками шеренги арестованных, между ними шагал здоровенный эсэсовец, стегая плетью каждого, кто пытался опустить руки. Другой эсэсовец выкрикивал фамилии. Вызванный бежал в комнату и вскоре возвращался.

Услышав свою фамилию, Наташа бросилась к раскрытой двери.

— Твои вещи? — спросил эсэсовец, протягивая сумочку.

— Мои...

— Забирай и марш на место!

Закончив раздачу вещей, арестованных колонной повели в тюрьму. Наташа раскрыла сумочку и задыхнулась от радости, увидев знакомые записки. Незаметно вытащила письмо Дервана, сунула в рот, разжевала и проглотила. Письмо Горецкого, написанное на толстой оберточной бумаге, пришлось глотать по частям.

В тюрьме арестованных обыскали. Очутившись в камере, Наташа почувствовала себя совершенно счастливой: письма уничтожены, доверившиеся ей люди спасены! И тут ее обожгла тревожная мысль: «А как же Марсель?»

Наивный и добрый рыцарь печального образа — его ожидали свинцово-тяжелые, будто пули, слова приговора.

«Дорогой друг! Я думаю, вы получили мое письмо с длинными воспоминаниями. Скажите, о чем могу еще рассказать. Я пишу без грамматки, но душу вы будете понимать. Крепко обнимаю...»

Это письмо из Парижа прислал ныне здравствующий Марсель Соци.

Осенней ночью сорок третьего, после смертного приговора, Марсель обезоружил часового, бежал из тюрьмы, скитался по окрестным лесам и, обессиленный, голодный, вышел на дозор бригады «Смерть фашизму». Леса восточной Минщины стали домом для Соци, братьями по оружию — белорусские партизаны.

Французский волонтер Соци воевал в интернациональном отделении отряда имени Кутузова. В нем сражались за свободу поляки, немецкие антифашисты, словаки, венгры, бельгийцы. Искусству партизанской борьбы и русскому языку Марселя обучали командир отряда Иван Демин, взводный Назим Садыков и разведчик-подручник Михаил Кислов.

Как порох, сгорели в боях зима и весна сорок четвертого. В начале июня судьба определила бригаде «Смерть фашизму» адские круги блокады Паликских болот. Не счесть безымянных партизанских могил в трясине тех богом проклятых мест.

В конце июня пришло время полного освобождения Белоруссии. Поредевшие отряды бригады «Смерть фашизму» выстроились перед Смолевичским райкомом партии. Среди оставшихся в живых Марселя не было. Судьба Наташи оставалась неизвестной.

Останки павших героев бригады «Смерть фашизму» покоятся в лесной деревне Юрьево, где в канун блокады находился штаб партизанского соединения. Часовым застыл над братской могилой гранитный воин с автоматом, на стальных листах, врезанных в тело обелиска, сотни фамилий. Переговариваются с ветрами в сквере березы и тополя; их посадили партизаны, заботливо выходили местные пионеры.

Вечным сном спят в земле павшие герои. Каждое лето, в первое воскресенье июля, приезжают к ним повидаться однополчане. После митинга и возложения венков располагаются на лесной опушке, бродят по седым тропам воспоминаний, поют песню своей бригады:

*Не природы каприз
Те рубцы на стволе,
Это просто застывшие слезы.
Потому что металл,
Предназначенный мне,
На себя принимали березы.*

На одной из партизанских встреч был корреспондент газеты «Советская Белоруссия». Мир тесен: информацию об этой встрече прочел... парижский инженер Соци, который вот уже многие годы выписывает белорусские газеты. В публикации о встрече ветеранов он обнаружил и свою фамилию — в перечне погибших. Позвонил в советское посольство. Вскоре его пригласил посол и торжественно вручил медаль «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени, которой белорусский партизан Соци был награжден в сорок четвертом посмертно.

Тогда он и сам уже не верил, что останется жить. Попытки бригады вырваться из Паликских болот успеха не имели: полки карателей при поддержке минометов, авиации методично сжимали петлю окружения. Было приказано выходить группами и поодиночке.

Дожливой ночью Марселю посчастливилось, не утонув в трясине, миновать вражеские посты. Позади остались километры болот, кровавые воды Палика. С востока спешили на помощь наши наступающие войска.

Марсель упал под разлапистой елью, забылся сном и был разбужен лаем овчарки: над ним стоял каратель с автоматом. Подошедшему гауптману Марсель назвал вымышленную фамилию, сказал, что был пленен партизанами, бежал, и вот...

Привели пленных, однополчан Марселя из отряда имени Кутузова; никто из них товарища не выдал, «не признал». Это случилось за три дня до освобождения Смоленичей. Разбираться в спешке отступления гитлеровцам было недосуг: горечь неволи Марселя направляли отбывать в шталаг Ш-а, под Люкенвальдом, и уже как французского военнопленного — в шталаг II-Ц, севернее Берлина. Там и освободили его советские войска в победную весну сорок пятого. Над землей ликовали майские ветры, вбирая в себя гарь и дым погасшей войны.

Окончив инженерную школу, бывший подрывник бригады «Смерть фашизму» Марсель Сози стал парижским зодчим, строителем. Женится. В семье появилась дочь Катрин, потом сын Франсуа. Были свои житейские радости, свое горе: умерли отец и — после долгой болезни — Жюльетта, жена.

Как же стремительно в наш век мчатся годы, сливаясь в десятилетия! Вот уже перешагнули порог совершеннолетия Катрин, а за ней Франсуа, в туманные дали прошлого закатилась своя беспокойная молодость, но память о военном лихолетье травой забвения в душе Марселя не поросла.

«СССР, Минская область, город Смоленичи, Садовая, 11. Дорогие товарищи по оружию Кислов и Садыков!

Я был очень рад встретить мой партизанских друзей. Я благодарен тебе, Кислов, потому что ты мне показал школу, где Наташа и я сидели вместе в немецкий арест и откуда мне случилось бежать к партизанам. К несчастью, Наташа не мог бежать. Сердечный братский привет. Марсель».

...На месте боев своего отряда у деревни Жодино приехавший из Парижа Марсель Сози увидел красивый современный город, построенный вокруг Белорусского автомобильного завода, который выпускает сверхбольшегрузные «БелАЗы». Жодино и город французских автомобилестроителей Венисье — побратимы.

В Юрьеве Марсель побывал на полях колхоза «Парижская коммуна». После митинга у братской могилы бывший командир партизанского отряда имени Кутузова, генеральный директор объединения «БелавтоМАЗ» Иван Михайлович Демин спросил:

— Ты Наташу мертвой видел? Не видел? Тогда надо искать, на войне чего не бывало...

Перед отъездом Марсель гостил в пионерлагере автозаводцев «Зубренок». Затаив дыхание слушали ребята его рассказ, торжественно повязали ветерану алый галстук.

За поиск сведений о судьбе подпольщицы Наташи взялись красные следопыты смолевичской средней школы. Возглавил поиск преподаватель рисования Михаил Иванович Кислов, бывший подрывник-разведчик отряда имени Кутузова.

Вскоре красные следопыты написали в Париж: Александра Михайловна Борисенко, она же связанная партизанской бригады «Разгром» Наташа, жива! Ее адрес: Гомельская область, город Хойники...

Ласковое сердце матери; справедливый характер отца; альби, как знамена революции, пионерский галстук и комсомольский билет с силуэтом Ильича; раны попавшей в беду родной земли. Это они дали силы подпольщице из Смоленичей не сломаться, не отчаяться, выдерживать нечеловеческие пытки в застенках гестапо.

Три месяца безуспешно выбивал из Наташи показания следователь минской тюрьмы СД. На последнем допросе он заговорил «по душам»:

— Умирать в твои годы неразумно. Главная ценность у человека — жизнь. Будешь говорить правду, помилим. Ну!

— Самое главное у человека — Родина...

Ударив кулаком по столу, гестаповец истерично закричал:

— Ты хочешь погибнуть здесь, на Родине, как героиня? Мы лишим тебя этой возможности, фанатичка! Стнешь далеко отсюда, в германском концлагере!

В студеный предновогодний день Наташу привезли на станцию и втолкнули в переполненный невольниками неотапливаемый товарный вагон. Паровозный гудок перед отправкой эшелона и поныне слышится ей в кошмарных снах: тот траурный гудок перед расставанием с Родиной.

Эшелон прибыл в концлагерь Зальгерст, юго-восточнее Берлина.

Даже за проволокой концлагеря, оказывается, узнику могла улыбнуться удача; именно в день прибытия эшелона из Минска на пиццеблок понадобилась посудомойка, знающая немецкий язык. Рослая, полнотелая немка лет под сорок, неразговорчивая лагерповар фрау Анна взяла в свои руки судьбу Наташи. Внимательно оглядев ее на кухне, спросила:

— Имя, профессия, вероисповедание?

— Наташа. Учительница. Неверующая.

— Безбожница, — подытожила фрау Анна. — Кто из родных остался там, в России?

— Отец-железнодорожник, мать-крестьянка, маленький сын...

— Посудомойка обязана прилежно трудиться, а ты полуживая дохлятина, — поморщилась лагерповар. — Поэтому разрешаю питаться. Но помни: ты должна прилежно трудиться.

В одно из воскресений фрау Анна, испросив разрешения начальства, привела Наташу к себе на квартиру. После ванны дала переодеться в чистую одежду. Поношенные рубашка, чулки и платье оказались велики, но были аккуратно заштопаны, постираны и выглажены. Фрау Анна вздохнула:

— Смотрю на тебя — живого места на теле нет. Так истязать женщину могут лишь в гестапо. Кто-то из тех, что неделю назад мылся с тобой, донес лагерфюреру, что ты партизанка. К счастью, лагерфюрер заболел гриппом. Я попросила господин писаря включить тебя в список на отправку в другой лагерь; это единственная возможность спастись. И запомни: если хочешь жить, никому не показывай гестаповские рубцы на спине.

Фамилию своей спасительницы Наташа не знает. Запомнила только, что было у нее двое детей, а муж работал стрелочником.

Где вы сегодня, фрау Анна из маленького городка Зальгерст?..

Наташу перевели в концлагерь Финстервальде, затем в Калау. В канун взятия Берлина, 29 апреля сорок пятого, перебив и разогнав охрану, узники Калау обнимали советских солдат.

Расцветали в Германии вишня и сирень, а Наташа запомнила в ту весну красные флаги Победы, салют Победы, День Победы. Дома, в Смоленичском районе, ее ждали подросший Валька, могила умершего от горя отца, полуслепая мать. Встретила здравствующих Девана и Горещко.

Вернулся, демобилизовавшись, муж, и родилась у Александры Михайловны и Петра Игнатьевича послевоенная дочь, Лена. Опять капитан запаса Борисенко строил мирные дороги, а вот жена его... Помиловали Александру Михайловну беды, да не все, к сожалению: двадцать лет тяжелейше болела — спасли молодые хирурги, сделавшие сложную операцию. Но сына спасти не сумели; сказалась травма, что мальшом получил от мордастого полицая, — умер Валентин. А через месяц похоронила Петра Игнатьевича. Но не весь же век бедовать человеку: отзвенела бубенцами дочкина свадьба, и колокольчиком зазвенел в доме голосок внучки.

Май на Гомельщине закипел цветением садов и сосен, и может, потому районный городок Хойники показался мне особенно праздничным, нарядным.

В просторном доме Александры Михайловны Борисенко нас двое: дочь и зять на работе, Ирочка в школе. На столе перед нами письма из Франции.

Читаю, и кажется, будто слова на бумаге заговорили знакомым голосом Марселя:

«Дорогая Наташа! Какая радость сегодня, когда получил письмо от своего друга Кислова из Смоленичи. Конечно, я понимаю, какие страдания Вы перенесли, и об этом очень сожалею. Вспоминаю все наши разговоры, и первый, и когда вместе были арестованы в немецкой шуптункт, и последний, накануне Вашего отправления».

— В один весенний день сорок пятого наши солдаты освободили Марсель и меня. Лагерь наши в Германии были недалеко, а встретиться довелось... у Мавзолея Ленина на Красной площади... в шесть часов вечера после войны, — рассказывает Александра Михайловна и улыбается: — Через тридцать два года после войны! И перед встречей тоже было письмо.

«...В этом году я посетил Советский Союз. Маршрут поездки Москва — Иркутск — Братск — Москва — Ленинград. В Москве буду три дня. Я был бы очень рад Вас встречать. Мы можем устроить свидание на Красной площади 18 августа. Наше путешествие организовано обществом Франция — СССР. До скорой долгожданной встречи. Сердечный привет. Марсель».

В Москву Александра Михайловна приехала с дочерью Леной. Впервые увидела Кремль, шагнула на брусчатку Красной площади...

Остроглазая дочь ласково тронула ее за плечо. — Смотри, мама, какой он стройный и симпатичный!

— Здравствуй, Марсель!

— Здравствуй, Наташа!

Два седых человека шагнули навстречу друг другу, обнялись и заплакали.

Успокоившись, Марсель протянул Александре Михайловне букет алых парижских роз.

«Я был потрясен нашей встречей. Много лет ждал этого часа. Наша встреча в Москве была коротка. Но мы оба чувствовали, что наше свидание было счастливым, сердца наши стали ближе. Я очень хочу, чтобы следующий год ты приехала во Францию. Моя мама была рада нашей встрече, хочет с тобой познакомиться и передать привет».

Она приехала во Францию. Несколько раз потом в Белорусию приезжал Марсель, один и с сестрой

Генриеттой. Все чаще шли из Парижа в Хойники письма, нежные и грустные, как осенние листья:

«Дорогая, очень дорогая Наташа! Месяц как ты уехала из Франции. Посылаю фотографии о нашем путешествии, по ним ты сможешь рассказать своим детям, где мы были. Была солнечная погода, Париж и синее море, одинокие горы и наши незабываемые прогулки. Всегда думаю о тебе и сожалею, что ты в России живешь со своими привычками и делами, а я во Франции со своими. Как трудно достаются наши встречи».

Мама и моя сестра, родные передают тебе привет. Не в моей натуре все говорить, что я имею в сердце, во всяком случае, для меня этот праздник был чудесным. Пиши быстрый ответ, понравилось тебе у меня, счастлива ты тоже была?»

«...Неделю как я уехал из любимой Белоруссия. Еще раз благодарю тебя, твою семью, родных, все ко мне относились дружески, делали, что только возможно было, чтоб я чувствовал как дома. Ты, дорогая Наташа, была нежна и внимательна. Я живу мыслями о тебе, и мы так хорошо понимаем друг друга. Сердечный привет Лене, Мише, много целую Ирочку. Целую тебя сердечно. Марсель».

Из Хойников мы с Александрой Михайловной и внучкой Ирочкой приехали на День Победы в Минск. Положили цветы на гранит монумента у Вечного огня, поклонились памяти каждого четвертого жителя Белоруссии, погибшего в годы войны.

В Москве, у Кремлевской стены, и в Париже, на площади Шарля де Голля у Триумфальной арки, в этот день к могилам Неизвестного солдата ветераны минувшей войны возлагали венки.

Побывали мы и в Смоленичском районе, у обелисков на братских могилах бригады «Смерть фашизму» и «Разгром». Сходили на берег Плисссы. Время стерло следы исчезнувшего шуптункта; на восток через мост убегают рельсы к Москве, в тридцати километрах западнее находится возрожденный Минск, а вокруг на полях зеленеют густые хлеба, и крепко стояла на земле, шелеста молодыми листьями, та самая береза, у которой перед арестом разговаривали двадцатитрехлетние Наташа и Марсель.

Ирочка задумалась, наморщила загоревший нос.

— Скажи, бабушка, воевать было страшно?

— Страшно.

— А что на войне главное для человека?

— Родина и совесть.

В небе чертила свадебные круги пара аистов. Спешили мимо нас в Березину хмельные по весне воды Плисссы, из рожи выплеснулись волшебные трели соловья.

— Ба-а! — звонко крикнула Ирочка. — Я побегу нарвать тебе цветов и подарю букет, как дядя Марсель.

— А в Париже цветут каштаны... Осенью собираю опять поехать к Марселю. Очень хочется увидеть маленького Антона, на фотографии он копия дедушки.

Шепталась о чем-то с ветром береза, два облака плыли над нами в небесной голубизне. Ослепительно белые, чистые, они удалялись на запад, сливаясь у горизонта.

По-молодому стройная, женственная, Александра Михайловна глубоко вздохнула.

— Острота чувств за порогом десятого десятилетия прожитых лет. А почему бы и нет... Седая любовь. Вместе пережитое и выстраданное породило нас, наших друзей, родственников, детей и внуков. Кого мы с Марселем больше всего на свете любим? Он — внука, я — внучку. Чего мы хотим для Иры и Антона? Счастья и, главное, мира, потому что если не будет мира, ни у кого на земле не будет счастья. Марсель с оптимизмом воспринял победу на выборах левых сил, так радовался совместному полету французского и советских космонавтов. Но ведь кому-то хочется бросить тень на дружбу наших народов. Кому-то хочется омрачить наше выстраданное с Марселем счастье...

Вознесся в вечность Курган Славы, тревожно звонят колокола Хатыни. И не зарастает народная тропа к обелискам и памятникам погибшим, огоньками под солнцем горят у их подножий свежие цветы — символ вечной благодарной памяти потомков о тех, кто ценой своих жизней даровал жизнь нашим детям и внукам, будущему народу.

Не вянут цветы и у памятника, на котором еще недавно можно было прочитать имя Марселя Сози. И еще совсем недавно не знали партизаны-однополчане, что жива Александра Михайловна Борисенко. Знали только и с болью вспоминали о том, что подпольщицу из Смоленичей Наташу пытали в гестаповской тюрьме, а французского патриота Марселя приговорили к расстрелу.

Наташа и Марсель. Две судьбы в пламени войны. Два юных сердца в борьбе за свободу. Они выступили и победили. Белорусская партизанка и французский рабочий. Как негасимое пламя жизни, сжигающее человеконенавистничество, неподвластное смерти.

АЧТОУВАС?

Награда
журнала

●
Что такое
«ХООП»?

Конкурент
«снегохода»

●
ШАМПИЬОНЫ
ВО ДВОРЕ

...ИНИЦИАТИВА!

«Троллейбус мира»

Троллейбусы с такой табличкой регулярно выходят из ворот Филевского автобусно-троллейбусного парка столицы. Каждый молодой водитель парка заработок одной рабочей смены перечисляет в Фонд мира. На этот раз в пути машина молодого коммуниста Алексея Лопатина.

Взнос молодежи парка растет и уже превысил двадцать тысяч рублей.

Вадим ВОЛОДИН.
Фото Андрея ФИЛАТОВА

НАХОДКИ

КНИГИ В ПЕЩЕРАХ

Фрагменты рукописей IX—XIV веков на армянском, грузинском, арабском языках удалось найти в пещере Лори ученым из экспедиции Академии наук Армении.

Лори — одна из пятнадцати тысяч искусственных пещер, известных сегодня на территории республики. В давние времена в горах строились целые пещерные города, площадью достигавшие гектара, — своеобразные убежища от многочисленных врагов, не раз нападавших на Армению.

Кроме жилых помещений, такие поселения имели церкви, продуктовые склады, тайники, родники с небольшими бассейнами для питьевой воды. В Лори обнаружены и мастерские по изготовлению пергамента.

Маркар ПЕРЧЯН

ПРИРОДА И МЫ

ГРИБНЫЕ ГАЗОНЫ

По рекомендации ученых Института ботаники АН Казахстана алмаатинцы не стали прошлой осенью вывозить за город, как обычно, опавшие листья и сучья. Их закопали прямо на местах в специально вырытые неглубокие траншеи. Ботаники предполагали, что в результате естественных процессов в парках и садах города получится превосходная среда для развития грибов.

Прогнозы ученых оправдались полностью. Нынешний год многие жители Алма-Аты разнообразят свой стол за счет грибов, собранных буквально под окнами своих квартир. В яблоневых садах хорошо уродились сморчки и строчки, а по обочинам дорог — шампиньоны.

Игорь БЕКЕТОВ

ПРИРОДА И МЫ

Когда родилась экология?

Мемориальная доска на здании 81-й запорожской школы рассказывает: «Здесь, в мае 1910 г., учителем школы П. Ф. Бузуком было создано первое в России хортицкое общество охранителей природы». И там же, на доске, воссоздан своеобразный герб общества: птица, кормящая птенцов.

На окраинах города воспитанники П. Ф. Бузук высаживали ценные породы деревьев, в близлежащих прудах разводили редкостных рыб. Зимой они подкармливали птиц, изготавливали для них самодельные гнезда.

В задачи членов общества входило также расширение среди населения знаний об окружающей среде. Ими была собрана обширная библиотека книг о природе, а предостерегающие таблички «Охраняется ХООП!» брали под свою защиту вековые дубы, урочища птиц.

Юрий СУШКО

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

В поход с «Арфой»

«Арфа» — арктический радиофицированный феноменальный аппарат». Так, полусерьезно окрестили этот снегоход туристы-лыжники Москвы и Тулы, путешествовавшие в отрогах полярного Урала.

В какие только переделки не попадала «Арфа»! На кочках подсаживала в воздух, но не переворачивалась. Мчалась по дикой тундре, развивая скорость до семидесяти километров в час. Карабкалась на довольно крутые склоны. Подобно амфибии, преодолевала вброд холод-

ные речки. Тянула за собой нарты с рюкзаками, а вдобавок и пассажира на буксире. За неделю путешествия снегоход прошел более полутысячи километров. И ни одной поломки! Кстати, «Арфа» почти втрое легче серийно выпускаемого «Бурана». Для «Бурана» глубокий снег — непреодолимое препятствие: вязнут гусеницы. А колесам снегохода «Арфа» не страшны любые сугробы.

Сконструировал оригинальный снегоход Вячеслав Лаухин, механик из Тулы.

Валерий ПЛЕШАКОВ

Приз «Смены» — певице из Лаоса

На VIII международном фестивале «Красная гвоздика», проходившем в Сочи, приз журнала «Смена» за пропаганду песен о Советском Союзе вручен 22-летней певице из Лаоса Дарапхет Кхупсатхон.

Дарапхет — солистка ансамбля «Дружба» ЦК Народно-революционной молодежи Лаоса. В нынешнем году у себя на родине она признана лучшей исполнительницей народных песен.

На «Красную гвоздику» Дарапхет привезла песню известного лаосского поэта и композитора Сомпхета Пханусита о братском Советском Союзе.

ПО МОРЯМ,
ПО ВОЛНАМ

МОСТЫ РАСКРЫЛИСЬ НАД ВОДАМИ

Такого еще не видела Нева. Не ночью, как обычно, а среди бела дня над ее гладью взмыли пролеты ленинградских мостов. Из морского торгового порта предстояло провести по реке три секции самопогружающейся баржи, изготовленной на верфи Гамбурга по заказу объединения «Каспнефтегазфлот». Каждая

секция имела внушительные размеры: длина — 163 метра, ширина — 60. Таких грузов еще не буксировали речники. Вот и было выбрано дневное время, чтобы исключить возможность любой неожиданности.

В Ленинграде был создан штаб из специалистов транспорта, мостовиков, водолазов, кото-

рый разработал технологию необычной проводки. Все три секции благополучно миновали невские мосты, шлюзы Волго-Балта, прошли по Волге и прибыли в Астрахань, где монтажники соединили их в одну гигантскую конструкцию.

Валерий НИКИФОРОВ.
Фото Игоря КРУЖАНОВА

О

и подходил, старчески шаркая, деликатно откашливался и оглушительным басом тугоухого изрекал неизменное: «Вот видите ли, сударь мой, если лошадь скрипит зубами, это верный симптом невроза...» И собеседник, избранный им, торопливо говорил: «Да, да, Виктор Викторович, вы правы, об этом надо подумать». Едва ли не каждый из людей ипподрома, людей конкурра, троеборья, выездки, каждый, имеющий какое-либо отношение к конному спорту, заранее знал, что скажет старик.

А старик с незапамятных пор твердил одно: наше конепоголовье портят спешкой. Слишком быстро и рано приобщают к высокому искусству, а искусства выше, чем вольт, пассаж, пиаффе, чем красивая смена аллюров, старик не знал и не признавал. Спешка же, повторял старик, сопряжена с жестокостью, а нет ничего безнравственней, чем избивать хлыстом чудное создание, не понимающее, чего от него хотят, увечить железом удил нежные конские губы. Он винил, клял, обличал, как живого, всеми давно забытого английского циркового жокея Филлиса, которого их высочества великие князья—по недомыслию, гневался старик, по тупому упрямству, свойственному романовской династии,—завалили в наставники русской кавалерии, отчего проистекли и по сию пору проистекают неисчислимы бедствия. Злые языки утверждали, что старик служил в конной гвардии и у него со злополучным жокеем были личные счеты. Но коли так, следовало предполагать, что ему давно за девяносто, что было бы явным преувеличением.

Солнце стояло в зените над конноспортивным комплексом—неподвижно, влюбленно и жадно. Жар его лучей словно удесетерялся отливом золота, меди, бронзы, серебра, чистого и черногого, от конских тел, начищенных коноводами. Сиял мелко селяный песок площадок. Сияли белоснежные, под стать березам соседней рощи, жилеты и бриджи всадников—ввиду жары разминались они налегке, отдав фракки берейторам. Подбористые конноспортивные дамы, декольтированные донельзы, лишь носики клочками газет залепив, обмахивались стартовыми протоколами, обсуждали посадку и экстерьер. Все было пестро, празднично. Рев и выхлопные газы тяжелых грузовиков, тащивших по шоссе сборный железобетон на стройку нового московского района, непонятным образом таяли и никли, не достигая этого оазиса.

Минова начальственную группу—с одинаково выпяченными стальными животиками под одинаковыми летними казенными пиджаками,—Виктор Викторович проследовал прямо к конюшням. Начальственная группа понимающе и неприязненно покосилась издали на дерматиновую папочку, прижатую стариковским локтем, справедливо угадав в ней очередную бумагу, составленную точно, вежливо и ядовито. У ворот в конюшни рвением кого-то из начальственной группы был поставлен милиционер—не пускать посторонних. На сей раз то был старшина Филиппченко, списанный из милиции ввиду ревматизма: он сделал четкий шаг в сторону и взял под козырек. Виктор Викторович привычно коснулся козырька белой кепки: «Здравствуй, Филиппок, растолстел ты, голубчик». «Да, товарищ генерал-майор, который год в седло не сажусь». «Ходить надо больше.—Старик вздернул седую эспаньолку.—Мне ездить тоже здоровье не позволяет, но хожу».

После яркого полудня длинный конюшенный коридор казался полутемным. Пахло сладковатой духотой лошадиного жилья, привычные звуки которого—похрапывание, похрумкивание, мягкий перетоп—означали молодость, означали жизнь. Ему был знаком каждый стоящий в денниках, а если и новичок, то линиями шеи, морды, чем-то вовсе неуловимым напоминал отца или мать, и старик шел словно по родному дому. Суровый приконюшенный пес, традиционно и бесхитростно именуемый Шариком, почтительно сопровождал его.

Ему поклонялся соловый Фестон, конь хитрый, себе на уме, талантливый и избалованный. С детства приученный, если дают лакомство и спрашивают: «Хочешь еще?», кивать в знак согласия, Фестон так и вырос попрошайкой. «А за что, братец?—Старик с притворной строгостью надвинул брови-кусты на влажные от умиления сизые глазки.—Ты, Федя, лентяй большой, вот что я тебе скажу. Надо еще поглядеть, как отъездишь».

Он приложил руку к решетке стойла вороного Пожара—тот прижался теплым храпом, кроткий, как и все многочисленное потомство знаменитого Портрета. «Любит вас, слушайте, Виктор Викторович,—сказал, подходя, его хозяин, черноусый Ахмеров.—Никого не любит, как вас, меня так не любит. Наверное, слово знает». «Вы бы, голубчик, ему проточину подчернили по краям,—посоветовал Виктор Викторович, имея в виду белую черту вдоль морды.—Широковата. Незастычно». «Как рекомендуете, сделаем»,—снисходительно согласился Ахмеров. «Жженой пробки возьмите». «Обязательно возьмем».

У одного из денников плакала девушка, зло грызла кулак. Когда старик приблизился, она круто отвернулась, но он, не зная имени, угадал ее по осанке. Кажется, она была из конюхов, чью-то, кажется, лошадь проезжала здесь однажды поутру, и он привычно отметил про себя, что у девушки такая повадка, такая посадка, какая только природой дается—не тренингом.

Узнал и коня—разве мог не узнать? Боже мой, сколько с ним связано! «Артюша,—шепнул себе под нос,—я-то думал, ты давно в заводе». Арктур, краса траккененской породы, идеальной для выездки,—десять лет назад в его седле стал чемпионом мира один наш всадник, и Виктор Викторович, тогда известный международный арбитр, сам нанизал на оголовье Арктура нарядную бело-красную розетку. Шесть лет назад всадник был уже другой, а гнедой в самом своем цвете и соку еще больше поражал совершенством статей и свободой движений. В сущности, он выполнял все то же, что другие—ну, точнее, скажем, отчетливей, парадней,—но не этим покорял. Шагал ли, галопировал или заставлял, словно на пьедестале, в нем видна была радость артиста. «Этот крэк стоит столько золота, сколько он весит»,—сказал тогда Виктору Викторовичу известный иностранный банкир и наездник. «Нет золота, чтобы оценить великое сердце»,—возразила старая графиня с талией гимназистки. «Шо вонны гуторят?»—спросил Виктора Викторовича седой буденновец, берейтор Арктура, и, выслушав перевод, одобрил графиню: «Ото ж мудрый бабен».

Старик знал, что Арктура еще год назад собирались выбраковать по возрасту. «На колбасу пора»,—беспардонно высказался один из руководящей группы. Виктор Викторович победил: «Негодяй!»—тот обратил все в шутку, опасаясь хоть отставного, но все-таки генерала.

Но знал старик, чего не знали другие.

Лет...—сколько же лет назад это было? Восемнадцать, должно быть, если сейчас девятнадцать коню—Виктор Викторович отправился в один из южных

конезаводов по делам, как в старину говаривали, ремонтским: за лошадьми. И начкон, давний знакомый, пожаловался: не знает, что делать с одним жеребенком. Почитай, неделю не ест, сатана. Сначала вопил, а теперь едва хрипит. Мамку зовет.

Жеребенка звали Арктур. Кобыла Тина имела на воспитание взгляды домостроевские: пока она хрумкала свой овес, чадо обязано было стоять носом в угол—иначе трепка—и лишь потом допускалось к вымени. Но когда маток с сосунками пускали в леваду и застаивающаяся Тина, бывая прыгунья-рекордистка, брала в галоп, широченным махом одолевая ямы и колдобины, Арктур изо всех силенок тянулся за ней, лишь бы прижаться к ее боку ухом. И когда отбили полугодков, другим хоть бы хны, а этот тоскует и страдает.

Повзрослевший жеребец был отдан в выездку, и Виктор Викторович вспомнил его и угадал, что великое сердце было прежде всего сердцем привязчивым, «отдавливым», как говорят кавалеристы. Отсюда, быть может, а не только от наследственной красоты и благородства движений, пошли успехи Арктура.

И вот он стоит понуро и безучастно, и в сливовидном глазу усталость, и круп, замечает старик, стал костляв, а бока ребрасты. Он стоит, девушка стоит, отвернувшись, Виктор Викторович стоит, тербит бороденку.

— Ну, что делать?!—в тихом отчаянии восклицает вдруг она.

— Как вы сказали?—переспрашивает старик, отогнув вялое ухо.

— Делать мне что, говорю! Мне его дали Средний приз ехать. Упросила, умолила...

— Это замечательная лошадь,—толкует старик,—и вам, голубчик, несказанно повезло. Мягкий повод, легкий шенкель, и он все сделает сам.

— Ага. Сам. С усам. Он даже шкандыбать не может на передние!

— Может, наминка?—На лице старика тревога и участие.—Это, голубчик, не так страшно, когда наминка. Надо вырезать жестянки по форме копыт...

— Ну что, я уж совсем дура!—Она обернулась и яростно выстрелила карими глазами.—Ну, я бестолочь, а наш доктор? Соли у него, соли!

Старик открыл стойло. Похлопал коня по теплой шее, присел, взял копыто, легонько согнул ногу. Арктур оскалится, попробовал вскинуться. «Держите,—сказал старик девушке, и потом, помяв, послушав,—да,—сказал,—отложение солей в плечевом суставе». «Это все?—упавшим голосом спросила она.—Значит, правда, все?» Он молчал так долго, что ей показалось, будто он задремал.

ДВОЙНОЙ ШПР

Станислав ТОКАРЕВ

РАССКАЗ

Но старик был бодр, он просто думал. «Артюша,—думал он,—пора на покой, да? На вольную волю, в дуга...» Если жив приятель начкон, пожилого коня ждут в родимом заводе уход и сытость, и еще, дай срок, пойдут от него ладные кровные жеребят. А что конь видел хорошего, топчась в денниках, трясась в конезапах или танцую в манежах мира тот бесконечный танец, смысла которого не понимал? Впрочем, как знать, как знать? Старик никогда не уподоблял коня человеку, что было бы ненаучно, однако, как любой спортсмен-лошадник, бессознательно чувствовал в лучшем на свете четвероногом существе прекрасные свойства души, которыми были для него спортивные: долг, честь, страсть состязаться и побеждать. И потому сейчас думал, что он бы на месте Арктура ни за что не упустил последний шанс, хоть самый крохотный, и был бы столь благороден, что дал этот шанс незнакомой девушке с прекрасной посадкой.

— Соли?—Он выпрямился, держась за поясницу, но постарался встать браво.—Ну и что соли? Ну и что врач? Перед вами, сударыня, тоже врач. Только со стажем в полвека. Вам когда ехать, завтра? Так у нас же почти сутки. Гидрокортизон—это мы найдем... Скипидар... бинты... Вот брезент—это ваша забота. Мешки, мешки. Выпросить, украсть—проявить солдатскую смекалку! Ну, ночь здесь придется дежурить.

— Да я,—она просияла и стала, подумал он, просто красотка,—да я глаз не сомкну!

— А вот это... Вас как изволисте величать?

— Таня.

— А вот это, Таня, совсем ни к чему. Ночью вы будете спать. Вам надо быть свежей перед стартом. Разминать мы его начнем в шесть ноль-ноль. Разминать будем долго. Подежурю я. Сейчас вот что—возьмите деньги на такси... Сказано—возьмите. Когда доживете до такой пенсии, как моя, отдадите с процентами. Ясно? Выполняйте.

Все-таки его в Москве еще не забыла ветеринарная общественность. Прежние подчиненные тянулись в струнку, гоняли сестричек и фельдшерик и за его спиной перемитивались: «Наш-то? Орел!» Только дочь, когда он ей позвонил, изволила прогневаться: «Ты забыл о своих инфарктах? Честное слово, папа, я бы сама подежурила, но Глеб ждет меня на даче». И он без претензий, просто мимоходом, подумал, что хоть Ляля и выросла в конной семье, и когда не доставала ножками до стремян, ипподром восфоргался ее природным посылком.

НОЙ ИЗ

но вот Глеб настилает полы на даче, и это, выходит, важнее. «Свари себе кофе, папа, ты помнишь, где там термос?»

Милое дело—сидеть себе на сухом сене, и думать о всякой всячине, и вспоминать, и разговаривать с Арктуром, который попробовал было сорвать зубами компрессы, но, урезоненный, все понял, умница, и успокоился. Только ушами прядет иногда, если в дальнем стойле затрубит спросонок какой-нибудь молодой.

...Молодой или старый—не думай об этом, Артюша. Знаешь, я прихожу к выводу, что старости вообще не существует. Есть два полюса—жизнь и смерть. Смерть—когда тебя нет, а когда ты есть, это всегда молодость. А болезни—это, Артюша, из другой оперы. Ты думаешь, многим отличается генерал Литяев от гимназиста приговорительного класса Вити Литяева? Вот жил такой Витя в Нижнем Новгороде, а возле дома, где он жил, располагался гусарский полк, и в доме стояли офицеры, и коноводы по утрам подавали им лошадей. И Витя попросил покататься, а коновод сказал: «Даешь пачку папирос». Пятиалтынного у Вити не было, отец не курил, но когда сын попросил, сам пошел и купил. «Чайка» назывались папиросы. И коновод посадил Витю в седло. Коновода звали Сырцов, а лошадь—Лягенда, и он говорил: «Лягенда—потому как лягается». Ты думаешь, почему я это все так помню? Потому что я и есть Витя, душа не меняется, а тело—ну, что же, мундир...

То ли он бормотал, то ли просто грезил, но грезы всплывали сами, он их не вызывал, и шли они в им одним ведомом порядке.

Он видел себя на больничной койке и Лизино над собой лицо. Он говорит, что хотел бы не такой смерти—отключиться хотел бы и упасть замертво с седла. А она: «Неумно это. Витя. Разговор твой неумный. Ты медик, ты знаешь, что каждой мыслью надо бороться за жизнь.—И помолчай, с чисто женской алогичностью закладывает.—Впрочем, я бы так тоже хотела».

Потом он видел себя несущим Лизин гроб по дорожке ипподрома и рядом с собой двоих маленьких, серебристо-белых, широких в плечах, но тонких в профиль, точно бумага, ее братьев, старых жокеев. За гробом другие жокеи, такие же тонкие, но молодые, рекордсмены, ведут лошадей, и те кивают, как бы кланяясь Лизе, и едет в качалке, опустив вожжи белого как лунь рысака, вальжный Гогин, патриарх, и плачет навзрыд. Лиза умерла, как он хотел для себя,—не в седле, но в конюшне: ветеринарный врач, она во время обхода упала головой к деннику.

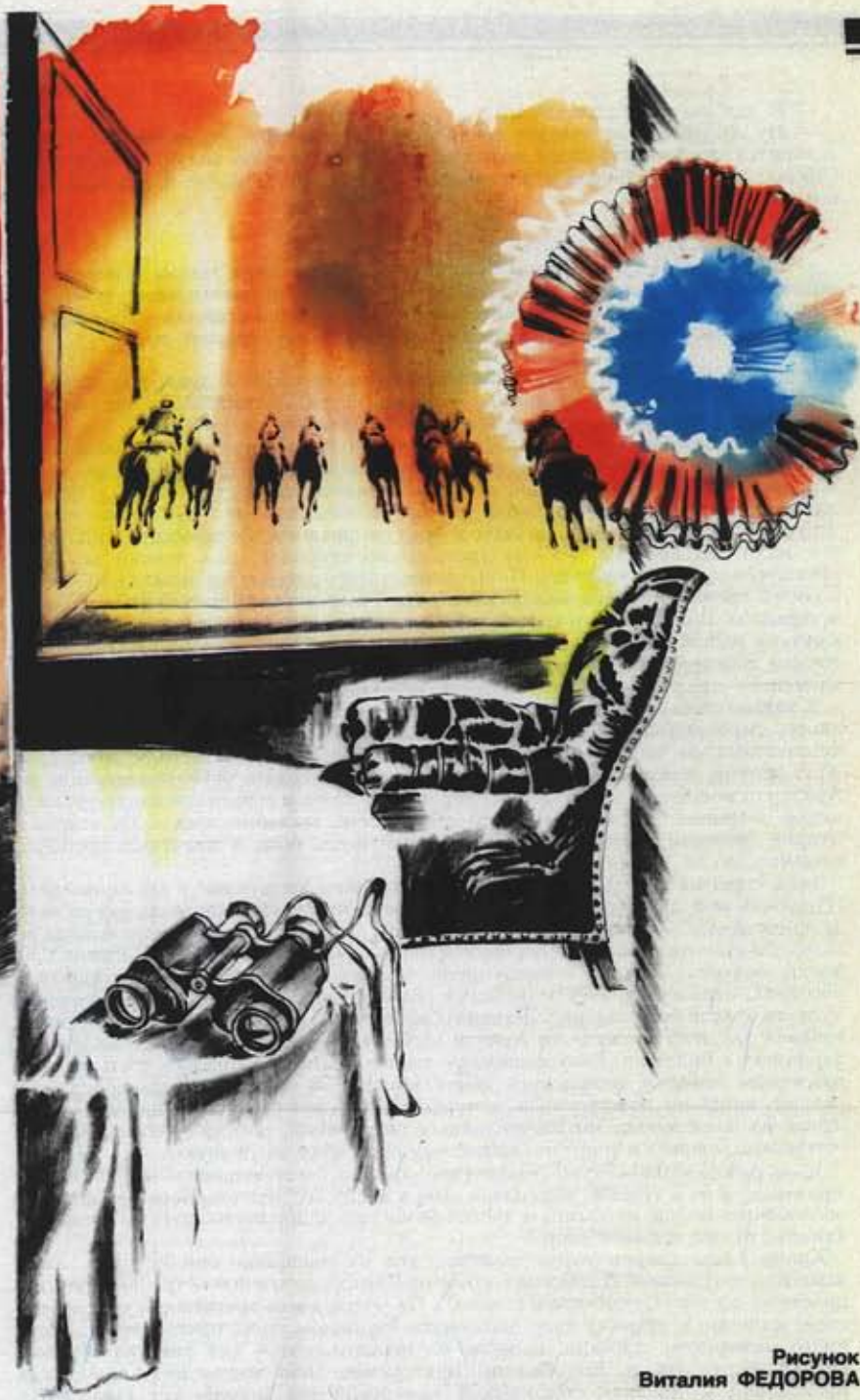

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

А вот перед ним залитые грязью колеи прифронтовой дороги, ведущей к мосту через Днепр. Части выходят из окружения вперемежку с гражданским населением. Он успевает угнать грузовик с рентгеновским аппаратом, которого так ему не хватало, и он горд своей пробивной разворотливостью, внезапно проявившейся. Перед мостом кордон: рослый, заросший до глаз командир в косо сидящем танкистском шлеме машет револьвером: «Все на обочину, пропустить батарею! На обочину, мать-перемать! А вы куда претесь с драндулетом? Кто такие?» Перепуганный шофер, вывалившись из кабины, рапортует: «Четвертый армейский ветеринарный лазарет!» «Чего?—Командир приходит в бешенство.—Кобылячьи лекари? Бросай машину, тикай пешком—будут тут мне, понимаешь, движение тормозить!» И вдруг из кузова звонкое, властное: «А ну, руки по швам перед старшим по званию! Водитель, вперед!» Елизавета Порфирьевна, ветврач-рентгенолог. Лиза...

— А дальше что было?

Поди ж ты, оказывается, грезил он вслух, и был у него сначала один слушатель, Арктур, а стало два. Прислонясь к решетке, стояла Таня.

Что дальше—в этом вопросе весь человек, для него нет конечного, ему всегда интересно, что будет дальше. Сегодня—что завтра, а потому он не может представить, что завтра его самого не будет. Лошадь, должно быть, не задается таким вопросом, жизнь для нее только то, что сегодня. Кто же из нас счастливей?

— Что дальше? Работал, встречал людей—о, каких я, Таня, удивительных людей встречал! Какой начдив был у меня в гражданскую войну!

— Чапаев?

— Чапаева я не знал. Но, судя по роману, по фильму, он был рубака, был самородок... Мой начдив тоже был самородок, но в ином смысле. Совершенно не военного вида—пенсне, знаете ли, пробор наиаккуратнейший... В прошлом, можете себе представить, преподаватель математики. Но как тонко разрабатывал он стратегию конных рейдов!.. И человек истинно гуманный. Я состоял при нем порученцем, а конь у него был красавец, чистокровный... И однажды сломал ногу. Комполка—молодой казачишка, такой кремень безжалостный, достал «кольт»: «Разрешите, я». А он—нет, и мы с ним, помню, как умели—а что мы умели?—шпину накладывали... Но знаете, Таня, помнится, в то время начдив мне и сказал: «Виктор, воевать нам не вечно, а мирного дела у вас нет. Лечить лошадей—чем не дело? Нужнейшее и добрейшее».

— И так вы стали доктором?
— Ну, голубчик, не так уж сразу. Где-то, вероятно, что-то запало, и, как говорится, жизненный поток вынес на этот берег. Если бы мы сразу исполняли советы старших... Возьмем вот вас—что вы здесь делаете? Я распорядился спать...

— А я спала.
— Где же, позвольте узнать?
— В канцелярии. Вы, Виктор Викторович, никогда меня там не замечали, а я машинистка. Я курсы кончала, у меня двести пятьдесят знаков в минуту. Просто ездить домой далеко—в Крекшино. У меня здесь подушка, одеяло—все... А вам я позавтракать принесла: время-то шестой час, может, седлать пора?

...В сторону роши, в густую синь, опускалась истаявшая луна, а за трибуной желтело, розовело. Прихваченная утренником трава похрустывала под сандалиями старика, холодила сквозь подошвы: не переобулся, забыть.

Арктур поначалу похрамывал. Но постепенно привычное чувство долга брало в нем верх над болью, все шире, все более мерным делался шаг. «Похвали»,—командовал Виктор Викторович, и Таня оглаживала крутую шею. «Прибавляй,—командовал он,—попробуй рысь,—командовал он,—не держи повод, отпусти, пойдешь!» Конечно, не было в Арктуре прежней покоряющей вольготности маха, он коротил, но так трогательно старался, как только мог, как позволяли хрусткие суставы. По чуть заметному сигналу принимал положение полного сбора, упирался целостно в повод, маршировал пассажем, гвардеец-ветеран, и Виктор Викторович собственными коленями ощущал, как туго Арктур высоко поднимать колени передних, одновременно оседая на круп в точном соответствии с международными правилами исполнения сложнейшего элемента—пиаффе.

И только одно у него не пошло—принимание. Как доходило до необходимости вкось, перекрещивая ноги, пересечь площадку, конь делал шаг-другой и останавливался, беспомощно понура шею. Ни шенкеля не помогали, ни шпоры. Круг, другой, третий проезжала Таня, успокаивая лошадь; было холодно еще, но Арктур от волнения взмок, казался вороным, и ключья пены развевались по губам, и вновь заставлял на заколдованном этом месте, жалобно косясь на старика. Старик понимал, что именно здесь острее всего боль в плечевых суставах, понимал, но не мог помочь.

Таня прыгнула, подошла. «Виктор Викторович, сядьте вы, у вас он пойдешь». «Голубчик мой, да я сейчас и не влезу!» «А я на что?» «Да, знаете ли, вот уж чего не приходилось—прибегать к помощи дамы»,—пошутил он. Но иного выхода не было. Он решительно подтянул брючный ремень. Ох, как постыдно ловила и не могла поймать стремя непослушная, словно чужая нога! Таня присела, поспедела, поднатуживаясь, и он был в седле. Поерзал, то упираясь в переднюю луку, то отклоняясь к задней. Лошадь обычно чутко реагирует на такое качание, узнавая по нему неумех, но Арктур даже не переступил. И маленькое чудо случилось с Виктором Викторовичем—тело его само подобралось, пальцы сами разобрали поводья, напряглись локти и икры, и импульс, не зависящий от разума, какой-то подкорковый, который он не смог бы сформулировать ни в одной из написанных им бесчисленных инструкций, побудил коня медленно, осторожно, словно в полусне, занести левую бабку за правую...

Конь работал. Влево хуже, чем вправо—видно, было больней,—но работал, на практике, а не в теории, доказывая себе и всаднику, что старости нет и если в ветшающем сосуде из мышц и костей разбудить задремающую во времена юности, то она одолеет хворь.

Краем глаза старик вдруг заметил, что на площадке они не одни. Таня заметила это раньше. Подбежала. «Виктор Викторович, вон мой тренер стоит, вы простите, он заругается, что я с вами!» По чести, на ее тренера, на узколобого этого дилетанта, старику было наплевать. Но рядом стоял некто другой. Этого иного назначали, снимали, и вновь в испостижимом для старика образом седлал волну удачи. Его Виктор Викторович знал много лет—еще когда преподавал в Высшей офицерской кавалерийской школе, тот был среди слушателей. Там кто-то в исто конном духе прозвал его Варваром от Вампира и Расправы. Нет слов, он немалого добился в выездке, но чем—хлыстом. И мало уже кто помнил, что однажды он был изгнан из спорта за жестокость чудовищную—за то, что высобил слезистую оболочку из углов рта лошади, дабы сделать ее еще чувствительней к боли, которую одну почитал надежным оружием. Мало кто помнил это, но помнил старик. О чем бы он ни писал, оппонентом он видел не столько покойного Филлиса, сколько этого филлисенка, сытого, добродушного, улыбочивого варвара.

Таня попыталась помочь старику слезть, но он ее отстранил и соскочил лихо, как в давности, только удар о землю отдался во всем теле. Он постоял, вроде бы лаская Арктур, на самом же деле на него опираясь, и пошел, изо всех сил крепко держа поясницу.

Взобрался на трибуну, пока еще пустую. Мыслей не было—все, что мог, передумал, должно быть, в эту ночь. И задремал, да так крепко, что, пробудясь, не сразу понял, где он. Вокруг было лодно, низу, на манеже, служитель заравнивал граблями следы копыт на песке, из репродуктора слышалось: «Судья у буквы «е»—четыре с половиной балла, судья у буквы «аш»—четыре с половиной балла...» Виктор Викторович протер глаза и спросил соседку: «Простите, какой номер отъездил?» Соседка, толстая девочка, презрительно покосилась на старикашку, который проспал все на свете: «Пятый, Ахмеров на Пожаре. Классно работал». «А...» Он сообразил, что не знает фамилии Тани, только стартовый номер.—А третий? Девочка вперилась в протокол. «Третий—это Алферова? Ее сняли». «Как сняли?» «Как снимают? За нарушение правил. Что же вы, дедушка, спать сюда пришли?»

Спотыкаясь, он кинулся вниз. Здесь толпились, курили, рассматривали результаты на доске, судачили, раскланивались с ним. Но он никого сейчас не узнавал. Он унимал колотящее сердце. Кто-то положил ему руку на плечо: «Вот такие пироги, Виктор Викторович». Это был тренер Тани—на диво спокойный. «Какие пироги?»—не понял старик. «С котятками. Мы на вас не в претензии. В вашем возрасте можно позабыть правила. Хотя вы и международный арбитр. Это я должен был помнить, что в день старта только спортсмен имеет право работать лошадью». «Но я же...» «Да, да, мы доказывали, что вы постороннее лицо. Но формально они правы. Да что вы так зажурились? Эта кляча бы и пол-езды не дотянула. Но Татьяна ведь как упрется—кол на голове теши». «Где она?» «А, не знаю». Тренер махнул рукой и пошел, скривив сапогами,

упруго покачивая длинной равнодушной спиной. И старик пошел—в другую сторону, к выходу из комплекса. Как добрался домой, не помнил.

Он слег на две недели, Ляля сама делала ему уколы. Когда он встал наконец, она заметила, как он похудел, как ввалились виски и вены на них сделались иссиня-черными. Он дни напролет проводил на балконе, с которого была видна вся дорожка ипподрома. По утрам, мягко топоча, летели по ней скакуны, пластались вдоль их зазвонков маленькие жокеи, проносились рысак, длинно и мерно выбрасывая копыта, уравновешенные ногавами, и наездники, откинувшись в качалках, нет-нет да и приветствовали Виктора Викторовича взмахами перчаток.

Телефон он ставил обок—зять, золотые руки, удлинил шнур,—но звонила лишь Ляля, и он привычно громко басил: «У аппарата». И вдруг однажды в трубке послышался иной голос, веселый: «Виктор Викторович, это Татьяна беспокоит, не забыли? Я что звоню—я спасибо хочу сказать!» Ему в этом веселье почудилось нечто издевательское, в чем был, прямо сказать, резон, и он сурово ответил, что знает свою перед ней вину, хотя не может искупить. «Да о чем вы? Наоборот, благодарю вас меня здесь приняли как родную!» «Простите, как? Не разобрал. Куда приняли?» «Да в команду же! Помните, мы работали Арктур и сам Куделин заметил, что еду я довольно-таки классно. Лошадь мне дали—ну, блеск! Ахалтекинца, буланого, экстерьер—картинка! Ой, как же я помню! Буду вас всегда!» Старик сказал, что очень рад, хотя поморщился, когда она назвала Куделина: имени варвара он спокойно слышать не мог—и спросил, где Арктур. «В заводе. Ох, видели бы вы моего Корнета—влюбились бы! Приезжайте как-нибудь, а?» Он церемонно поблагодарил и положил трубку. И подумал, что все правильно—каждому свое.

Весь вечер был мрачен, обидел Лялю: она прибежала его кормить, а он отказался от ужина. Но поутру отправился на прогулку, заставив себя спуститься с седьмого этажа пешком. Вернувшись, взялся разбирать библиотеку; усердия, впрочем, хватило лишь на то, чтобы вынуть и разложить книги, а ставить назад пришлось дочери. Однако она ему даже не пеняла на это, потому что радостно отметила про себя: отец наблюдает с балкона тренировок скакунов не рассеянно, как все последнее время, а в бинокль. Да еще и ворчит, что недотепа жокей работает на финише хлыстом с размаха, заставляя лошадь шарахаться, и не в такт: какой это, с позволения сказать, посыл?

В начале зимы Татьяна позвонила снова. «Мы стоим здесь у вас, тренируемся в манеже. Зашли бы, а? Посоветоваться. Только попозже, ладно?» Он догадался, что попозже—это когда не будет тренера, и ответил, что вечерами занят. Но до вечера едва дотерпел.

Конь был и вправду хорош: смоляная гривка и черные чулочки предельно оттеняли палевость поджарого, но сильного корпуса, а точеная голова истого ахалтекинца была посажена высоко и щеголевато.

«Только нервный»,—пожаловалась Татьяна. «А что вы, голубчик, хотите—такая порода. Ахалтекинцы, видите ли, происходят—есть у бедняков такая легенда—по прямой линии от кобылиц Магомета—Кохейлан, Сиглави, Обейан, Хадбан и Маанеги, но главная суть в том, что предки вашего Корнета жили в семьях арабов наравне с детьми, в шатрах, и питались тем же—лепешками, к примеру, и так же, как дети—не сразу, а понемножку. Он как у вас ест? Правильно, несколько раз, понемножку. Ахалтекинцы чем-то напоминают домашних собак, они ласковые, но капризные, темперамент у них подвижный, и на зло они памятьливы, как и на добро. О, как памятьливы!»

«Это-то я заметила»,—она сказала.—Мы работали пассаж, и он скозлил, а мой тренер приварил его хлыстом, так он две недели от него шаркался». «Таня,—проговорил старик с укоризной,—вы могли бы ударить ребенка за то, что он не понимает, чего от него хотят? Он дважды два не знает, а вы от него требуете какое-нибудь, к примеру, дифференциальное исчисление. Когда вы планируете пускать его по малым ездам?» «Ну... будущим летом». Он нахмурился: «Простите меня, дружок, и поймите правильно. Помогать вам, советовать не берусь. В вивисекции участвовать не намерен. Бесполезно. Бессмысленно».

Она подошла—воплощенная кротость. Прикоснулась к его руке. «Бездарная, да?» Старик усмехнулся: «Не напрашивайтесь на комплименты. Все вы о себе знаете. Еще больше вам наговорили. Вы же понимаете—на вас делают ставку: скорей, скорей! Непедагогично мне вам это говорить, но все во мне протестует. Что делать—берите, пока дают».

Он должен был сразу все порвать, как в неудачной любви, но, как в любви, не смог. Его окаянно тянуло в манеж, и он, бывало, ждал за углом, униженно прачась, пока не отрулит серая «Нива» тренера. И шел туда и принимался учить. Переучивать.

Бессмыслицу прервала Таня: все-таки ее упрямства старик недооценил. Когда однажды тренер особенно придирался к ней, требуя, чтобы она ту же натягивала повод: «Голову на себя, выше голову, где сбор, бестолочь?»—она, подбоченясь, заявила: «А специалисты считают по-другому». «Что считают?»—поднял он изумленно-гневно бровь.—Какие такие специалисты? «А вот такие. Шею, наоборот, надо учить вытягивать. Тогда Корнет в повод упрется естественно, ясно?» «Мне,—сказал тренер,—давно все ясно. Разговорчики давно идут. А я не глухой, как некоторые старые перчатки». «Але, не понял»,—до чего же наглый был у нее вид, до чего взбеленил он тренера, который хоть и повидал таких молодцов и молодич и понимал, что без здорового нахальства ни в жизни, ни в спорте ничего не добьешься, но знал и то, что в иной час спортсмена, как лошадь, надо сломать, подчинив его волю своей. «Отставить разговорчики!—рвкнул он.—Рысью марш!» И услышал в ответ то, отчего бываю у таких, как он, беззаветных трудяг даже инфаркты. «Ку-ку, мой птенчик!»—нагло проговорила кандидат в мастера спорта Татьяна Алферова и тронула лошадь напрямик на него.

Виктор Викторович об этой безобразной сцене не узнал—узнав, расстроился бы. Тренер написал докладную Куделину, но тот, все прикинув, счел возможным положиться на естественный ход событий. Загубит Литавев классную лошадь и способную всадницу, тем хуже для Литавева и лучше для тех, у кого он сидит в печенках, а коль—чем не шутит черт—не загубит, опять-таки все путем: Куделин способствует обновлению команды.

Вечерами Татьяна провозила Виктора Викторовича домой. Тащить потом отсюда на другой конец Москвы, в далекое Крекшино, было, он понимал, тяжело. Однажды предложил: «Поселитесь, голубчик, пока у меня. Только вот что родители скажут?» Она отозвалась совершенно как на должное: «Ха! Да весь поселок станет обмирать—у генерала живи!» «Нет, я в том смысле...» «А и в том

ВETERАНЫ О МОЛОДЕЖИ

НАША ПОЧТА

что? Они же в курсе, что вы старенький». Язык ее был остер и не всегда тактичен, но он относил это на счет ее естественности.

Обветшавшая квартира ожила, задышала сквозниками от стремительности движений и, кажется, даже от способа мышления Татьяны, застучала старенькая машинка Виктора Викторовича, на которой энергичная дева, по ее собственному выражению, «лепила халтуру». Старик успокоился, когда узнал, что этот подозрительный вулгаризм означает всего лишь перепечатку за определенную плату дипломов и диссертаций: жилищкой она соглашалась быть, иждивенкой — ни в коем случае. «Ты, папочка, помолодел», — лукаво сказала Ляля. «В доме появилась Дюльсиня», — с тонкой улыбкой заметил Глеб. «Ну, скорее, — уточнила Ляля, — Альдонса». Татьяна в соседней комнате барабанила по клавишам, но слух ее оказался чутким: вскоре Виктор Викторович обнаружил, что она листает, слонявая палец, академический том Сервантеса.

Однажды за ужином она обронила: «Между прочим, сватает меня тут один». «Ну что же, — вздохнул он, — как говорится, совет да любовь». «Еще чего? А Корнета на кого оставим?» «Корнет Корнетом, а любовь любовью. Поверьте, жить и трудиться любовь еще никому не мешала, и если вам встретился хороший юноша, то, быть может, вы позволите мне считаться вашим, так сказать, посаженным отцом». «Хороший юноша перетопчется, — обрезала она. — По крайней мере до будущего лета». «Это почему же до будущего?» — осведомился Виктор Викторович. «А вот проеду Мальвиз прыз, тогда поглядим».

После чая, встав и обтерев салфеткой усы и бороду, старик категорически заметил, что торопить коня, натаскивать, делать из него неврастеника он не позволит, и о будущем лете даже речи быть не может: «Либо мои взгляды и моя метода вам подходят, либо прошу не прогневаться». Она фыркнула и умчалась на кухню, откуда вскоре послышался звон разбитой посуды. Она с ее темпераментом ухитрилась за короткое время переколлотить половину кузнецовского сервиза, доставшегося покойной Лизе от состоятельных предков-жокеев. Бедняга Глеб, бывая у них, подсчитывал остатки прежней роскоши, кусал ювелирно вырезанные губы, бледнел, качал головой, а Виктор Викторович легкомысленно посмеивался: живым — живое.

Старик покряхтел, пошаркал по кабинету, проследовал на кухню. «Посуду я мог бы помыть и сам, у вас, с позволения сказать, «халтура». «А я обожаю мыть посуду», — не оборачиваясь, буркнула она. «Послушайте, сударыня, что это еще за «обожаю»? Мне, представьте, даже нравятся некоторые современные выражения. «Поймать кайф» — это ведь точно и образно: именно поймать в себе состояние блаженства. «Но «обождать» — какой-то лексикон института благородных девиц. Есть хорошее слово «любить». Лучшее слово на свете. Хотя я не представляю, как можно любить мыть посуду». «Ну, дура, ну, вы правы — я дура». «Вы не дура, вы талант, но сладок лишь спелый плод, голубчик».

Она была талантлива, и, несомненно, талантлив конь. Гордец был, не чета доброму Артуру, который, бывало, едва завидев хозяина, вытягивал губы — целоваться норовил, нежная душа. Корнет же до последнего делал вид, что не замечает приближения Виктора Викторовича и Тани, отворачивался и любимый им черный хлеб с сахарным песком брал словно нехотя, словно одаря их высшей милостью. «Корнуша, — ворковала Татьяна, — Корнишончик», — а у него на морде отчетливо проступало будто перенятое от нее «Алле, не понял». Зато в работе он оказался не только сообразителен и переимчив, но большой хвастунишка: чуть что слегка затвердит, норовит показать — кладезь был бы для цирка.

Однако Виктор Викторович не спешил. Он добивался от Татьяны полной слитности с ритмом движений коня, непринужденности посадки, совершенной чуткости рук, а от Корнета — широты и легкости шага, при которой копыто словно едва касается песка. Он вспоминал все, что знал, о чем читал, что видел во многих странах, где бывал не в музеях, но в манежах. Мало-помалу в кругах конников пошли слухи об успехах нового дутца, на тренировки зачастили посетители. «Опять приперлись», — бурчала Татьяна, а Виктор Викторович говорил, что это ничего: артист должен привыкать к публике. Лишь разговоры о том, что пора стартовать Алферовой на Корнете, он не переносил: молча отходил в сторону.

В тот день — когда пришел тот день, когда старик до него дожил, — он взобрался на самый верх трибуны и вооружился биноклем. Слегка дождило, и он то и дело протирал окуляры, а лица, хоть и приготовил платок, не вытирал.

Он дал себе заранее слово, что будет судить ее наистрожайшим образом, в точном соответствии с международными правилами Малого приза «Сан-Георг». Но ему невозможно мешало ощущение, что сам он в седле. Каждая мышца его отзывалась на движение лошади, он инстинктивно напрягал или расслаблял шенкеля, чуть натягивал или чуть отпускал повод. И еще мешало сердце, которое то вдруг с маху ударяло в грудную клетку, то замирало. Он слышал аплодисменты — в ненастье, в будний день здесь собрались одни знатоки, и их редкие, сдержанные хлопки много значили.

Он не велел себе думать, но думал, насколько легко и вместе с тем четко переходит Корнет из аллора в аллор, и корпус его то эластично подбрасывается, то растягивается на прибавленной рыси, то в принятии изгибается вокруг ноги всадницы, даже с долей кокетства. Кисти рук Татьяны в белых перчатках лежали так покойно, словно ни малейшей натуги не стоило ей управлять Корнетом. Это было то, чего так долго и мучительно они добивались, то, что составляет понятие «класс».

Закончив выступление, она коротким уставным кивком раскланялась с арбитром, но удалиться не по осевой. Нарушая правила, в несколько махов пересекла она площадку и осадилась на заборчика. Точно напротив места, где сидел Виктор Викторович. И еще раз нарушила правила. Сняв цилиндр, что не предписано совершать женщинам, Татьяна низко, до самой гривы Корнета, склонилась перед стариком. Люди оглядывались, ища глазами того, кому посылая привет молодая наездница, и Виктор Викторович, чувствуя на себе общие взгляды, поднялся, встал навтыжку и поднес ладонь к козырьку белой фуражки. Вокруг тоже встали. Вокруг рукоплескали...

Минуло много лет. Прах генерала Литяева предан земле под ружейный салют и под гимн, как положено его воинскому званию. С фотографии на памятник смотрит он — молодой, черноровый, с черной эспаньолкой. Раза два в год, а то и чаще известная спортсменка Татьяна Алферова привозит на могилу букет, к нему приколотая разноцветная розетка — из тех, которыми награждаются лошади — призеры больших турниров. Розетку вскорости похищают коллекционеры редкостей, но какое это имеет значение...

Более семидесяти тысяч писем получила редакция «Смены» в этом году. Для журнала — цифра рекордная. Около тысячи читательских писем использовано на страницах «Смены» в дискуссиях, в обзорах, в подборках, в специальных рубриках «Читатель — «Смена» — Читатель». Редакционная почта — барометр издания, читательской заинтересованности, хорошо налаженной «обратной связи».

Мы рады, что среди авторов, кто внимательно следит за деятельностью журнала, — люди всех возрастных категорий: школьники, учащиеся ПТУ, рабочие, студенты, служащие. Но особенно нам дороги письма от людей, на чей жизненный опыт сегодня равняются молодые. О ком Ю. В. Андропов сказал на встрече ветеранов партии в ЦК КПСС: «Ветераны — носители уникального опыта строительства новой жизни, обогатившего все человечество».

Завидна судьба Б. И. Бендика-Ворова, ударника первой пятилетки, ветерана комсомола, одного из организаторов первых курсов рабочих пропагандистов комсомола Красной Пресни Москвы. Он на всю жизнь полюбил поэзию; в страстных поэтических строках прославлял подвиги комсомольцев первых пятилеток. Добровольцем ушел на фронт Великой Отечественной войны.

За ратные заслуги, общественную и литературную деятельность Б. И. Бендик-Воров отмечен рядом правительственных наград, наград ЦК ВЛКСМ. В недавно написанных стихах, посвященных старым большевикам, есть такие строки:

*У Мавзолея, как солдаты, строго
В строю застыли старые большевики,
Хоть ветеранами и пережито много,
Но молоды душой старики.*

А вот что, к примеру, написала в «Смену» москвичка С. В. Пономарева, заслуженная учительница РСФСР, персональный пенсионер республиканского значения, приславшая стихи на конкурс «Земля моя, судьба моя»: «Около сорока лет я была педагогом, теперь работаю постоянным корреспондентом рабочей газеты «За темпы». Стремление общаться с молодежью, воспитывать личным примером, убедительным словом — эта потребность у нас, учителей, на всю жизнь».

Молодость чувств, современное ощущение жизни, где происходят созидательные свершения, жажда донести до молодежи свои оптимистические взгляды, — эти черты присущи поэзии многих людей, у кого за плечами долгая и насыщенная событиями жизнь. Свои стихи прислали в редакцию ветераны партии М. В. Резниченко из г. Фокино Брянской области, ветераны труда и участники Великой Отечественной войны Н. Г. Бондарь из Москвы, В. Д. Кондратьев из Ленингорода, И. М. Палиолин из Ярославля. Редакция от души благодарит их за искренние поэтические строки, за внимание к «Смене», за стремление привлечь молодежь к животрепещущим проблемам дня.

В письмах «Смены» звучит переключка поколений. «Я радуюсь жизни, за которую сражались наши деды, штурмовавшие Зимний, сражавшиеся на фронтах гражданской войны, и наши отцы, сражавшиеся в годы Великой Отечественной войны. Мы полны трудового энтузиазма, и мы будем отстаивать наши идеалы, полемизируя с теми, кто там, за рубежом, стремится поставить их под сомнение, опочить. Да ведь можно бросить упрек и иным нашим молодым людям, кто остается равнодушным к проявлениям бюрократизма и рвачества, кому недостает ответственности за порученное дело, у кого недостаточно воспитана гражданская совесть», — пишет в «Смену» шахтер из Донецка В. П. Лучий.

Наши читатели анализируют причины неполадок на производстве, упущения в воспитательной работе с молодежью. В их письмах — горячее, заинтересованное отношение к жизни. «Чтобы бороться с моральным иждивенчеством, с возросшим эгоизмом, необходимо создать атмосферу непримиримости к роскоши и расточительству, сопоставлять доходы и расходы, бороться за высокую идейность и духовность молодежи», — пишет нам Б. Осипчук из Ташкента.

Тема воспитания у молодежи чувства гражданственности, ответственности за порученное дело — одна из важнейших для редакции. Различные очерки, статьи, анализирующие злободневные жизненные ситуации, вызывают наибольший читательский интерес. Сами письма-отклики служат подчас темой для широкой читательской дискуссии. Редакция предоставляет возможность читателям полемизировать, спорить, отстаивать собственную точку зрения.

Вот 16-летний подросток из Тбилиси жалуется: «Ходить каждый день в кино и театры подросток. Крутом — скука. Почему бы вам, взрослым, не сделать для нас что-нибудь новое, увлекательное, чтобы нас не влекло в подъезды?» А вот письмо, пришедшее как отклик на статью «Предисловие к беде». Здесь как бы ответ на письмо предыдущее: «Дайте подросткам настоящее дело, откройте для них двери мастерских, заводов, фабрик. У них энергии и времени хоть отбавляй. Если несколько часов в неделю они будут по собственному желанию помогать в работе старшим, получая 10–12 рублей в месяц за свой труд, наблюдая, как работают их же родители, — это будет действенной формой воспитания. Разве нельзя их научить печь хлеб, брошюровать книги, шить обувь, да и просто дать им в руки метлу, тряпку, рубанок?! Работали бы они не в штате, а кто сколько может», — размышляет читатель Д. Николаевко из Красноперкопска Крымской области.

Вынося письмо на обсуждение, редакция руководствуется мнением читателей. Вспомним, как задела широкую аудиторию статья социолога Б. Павлова «Рубль заработанный — рубль потраченный». Десятки откликов пришли в «Смену». Инженер-строитель из Москвы Б. А. Шульга писал: «Главное ведь не в окладе рабочего или инженера. Нельзя говорить только о прибавке к зарплате. Правильно сказал об этом Ю. В. Андропов в своем выступлении на заводе имени С. Орджоникидзе. Нам нужно работать по-честному, на полную отдачу, заряжая своей энергией рядом идущих, помогать им».

Словом, читатели — соавторы журнала. Они обсуждают вместе со «Сменой» проблемы общегосударственные, общечеловеческие. Интересно быть читателем «Смены». Он участник всех добрых дел, которые волнуют редакцию. Две библиотеки в Уренгое, построенные четыре года назад, сто десять библиотек в детских домах, собранных в прошлом году, — все это сделано по инициативе редакции и с участием читателей. «Смена» подробно рассказала об этих акциях на своих страницах.

Конкурсы «Смены» — их сегодня семь — тоже ведут наши читатели. Шестидесять лет исполняется «Смене» в январе 1984 года. «Смена» — старейшее молодежное издание. Звучит парадоксально? Нет! Читатель «Смены» всегда молодой, и наше издание, ориентированное на молодежь, стремится всегда быть молодым, интересным и актуальным. А от вас, своих читателей, редакция ждет новых писем, идей, тем, предложений и инициатив.

Людия Васильева,
заведующая отделом писем.

ЧАЙ

Владимир ЛУЦКИЙ.
Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ

Специальные
корреспонденты
«Смены»

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА:
какие задачи ставит она
перед различными отраслями
народного хозяйства
и как они решаются**

У самовара мы толковали об обычаях и ритуалах, чайных церемониях, сложившихся у разных народов. Порой сетовали на то, что редко приглашаем своих друзей «на чашку чая», что это где только в прошлом. Помните у Пушкина:

*Смеркалось; на столе блистая
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.*

*Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...*

У многих народов чай вошел в символику гостеприимства. В таджикском кишлаке при знакомстве, приложив руку к сердцу, вам подадут пиалу зеленого чая. В Азербайджане вас пригласят на чайную террасу, которая расположена в самом красивом месте парка, на берегу горного ручейка. Подадут отдельный чайник, в котором дышит ароматом бай-

**ДВАЖДЫ ГЕРОЙ
СОЦИАЛИСТИ-
ЧЕСКОГО ТРУДА
ТАМАРА
АНДРЕЕВНА
КУПУНИЯ:
«ВОЗРОДИМ
БЫЛУЮ СЛАВУ
ГРУЗИНСКОГО
ЧАЯ!».**

**ДЕГУСТАЦИЯ
ЧАЯ —
ПРОЦЕСС
ОТВЕТСТВЕННЫЙ.**

**ПРИГЛАШЕНИЕ
НА ЧАШКУ ЧАЯ.**

**КАК
СОХРАНИТЬ
ЧАЙНЫЙ ЛИСТ?
НАД ЭТИМ
ДУМАЮТ УЧЕНЫЕ.**

ховый черный чай. И блюдечко будет с мелко колотыми кусочками сахара. Вкусно. И уютно. Если окажетесь в гостях в калмыцких степях, в Киргизии или Бурятии, то вас угостят зеленым кирпичным чаем, приготовленным на молоке, подсоленным, с лаврушкой, мускатным орехом или гвоздикой.

...В Новом Уренгое — «сухой закон». В общежитии ударного комсомольского отряда тепло. Рассуждаем о холоде.

«Что северянину нужно после рабочего дня на сорока-пятидесятиградусном морозе? Добраться до тепла, снять унты, сунуть ноги в уютные тапочки и, конечно, заварить чайку... И здесь получается загвоздка. В магазине индийского не достанешь. Грузинский есть, но какой? «Букета Грузии» нет. А второй сорт есть второй. Всыпешь полпачки, побуреет вода, ни духа, ни крепости... А ведь раньше грузинский чай был, дай боже... Что случилось?»

Мне приходилось на разных стройках читать копии телеграмм разного содержания: «Срочно отгружайте оборудование» и т. п. Но вот читаю телеграмму из Узбекистана в Тбилиси: «Задерживает-

ся уборка хлопка. Стоит жара. Срочно отгружайте чай».

И в стужу и в жару подавай чай. Чтобы и душу согрел и жажду утолил.

Потребность в чае растет, причем в хорошем. Все чаще и чаще люди спрашивают: «Почему грузинский чай вдруг потерял свою марку?»

Прежде чем ответить на этот вопрос, хотелось поближе познакомиться с этим удивительным даром природы.

К тайне «белых ресничек»

Когда я узнал, что чай находится в родственных отношениях с камелиями — они его двоюродные сестры, — то, приехав в Абхазию в разгар чайной страды, первым делом пошел на свидание в парк к камелиям. К сожалению, они еще зимой отцвели. Но я помнил их в великолепном убранстве. К темно-зеленому платью им очень шли бутоны, собранные из бело-розовых лепестков. Смотрелись торжественно и нежно, как элегантно одетая женщина.

В вечнозеленом мире много экзотических растений, созданных для поэзии и

для улады глаз. Но, пожалуй, лишь чайный куст дарит человеку нечто большее.

С ним и предстояло свидание. На встречу с чайным кустом выехали затемно. На плантацию прибыли, когда уже начинался рассвет. Менялась акварель неба. Подбирали предутренние ноты птицы. Ночная тень нехотя уползала в прохладу горных ущелий. Но вот солнце приткнулось к белоснежной горной папахе, бросило свой первый взгляд на пышные валы чайной плантации. И они вдруг приняли поражающе величественный вид. Казалось, ожили изумрудные ряды, и кусты-ежики двинулись дню навстречу. От упругих листочков, покрытых природной глазурью, тянуло свежестью, какой-то веками накопленной чарующей силой. Притронулся к побегу, к листочкам, которые только-только проклюнулись из почки. Они еще топорщились остренькими серебристыми кончиками, покрытыми чуть заметным пушком. Эти первые два-три листка с частью стебля, на котором они держались, а также с еще не распутившейся почкой верхнего листочка вместе

У ЗВЕНЬЕВОГО, ДЕЛЕГАТА XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ, ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ВАХТАНГА КАРАЧАВЫ ОДНА ЗАБОТА — ВОВРЕМЯ СОБРАТЬ КАЧЕСТВЕННЫЙ ЛИСТ.

называют флешью. Они-то и являются самой ценной частью чая.

Давид Давидович Гвадзабия, директор Драндской экспериментальной чайной фабрики НПО «Чайпром», отщипнул от куста молодой побег и сказал: «Это пароль к сердцу грузинского чаеведа». Я бережно уложил побег в записную книжку.

Бежит дорога по Колхиде. Поселки, поля, виноградники, плантации... Мелькают названия... Достая из записной книжки чайный побег, Давид Давидович просит меня открыть маленький ящик, вмонтированный на панели автомобиля, где брошена всякая всячина. Достая пачку чая. Он просит прочитать этикетку. Уже узнав его веселый характер, читаю:

«Грузинский, черный, высший, байховый...»

На последнем слове «байховый» он меня останавливает:

— А знаешь, почему его называют «байховый»? Слушай легенду. Она у тебя в руках. (Весело блестя глаза. Идет испытание на юмор. У меня в руках пароль — молодой, но уже, к сожалению, увядший чайный побег.) Так вот, — продолжает Давид Давидович, — когда ты встретишься с друзьями и покажешь им этот молодой побег, то расскажи, что название «байховый» пришло к нам из Китая. Молодой чайный побег там называли «бай-хао», что означает «белая ресничка»... Присмотрись...

Давным-давно, несколько тысяч лет назад, когда еще в Грузии не выращивали виноградную лозу и не знали, что такое чай, в Китае жил святой. «Чокнутый он был, — как бы сказали теперешние ребята, — разве можно все время проводить в молитве!» Но святой есть святой. Работа такая. Молись денно и нощно. Трудился. Молился. С устатку как-то смежились ресницы. Когда раскрыл их, ужаснулся... Грех-то какой! И в досаде он оторвал веки и бросил на землю: «Пусть никогда не закрываются глаза!» Из этих век святого вырос чайный куст. Не верите? Откройте китайский либо японский словарь. В них обозначение **век** и **чай** — одним и тем же иероглифом.

Но легенда легендой, а чудодейственную силу чая узнали еще древние. Чай — единственный из напитков — обладает удивительными, казалось бы, противоречивыми свойствами: тонизирует и снижает усталость, возбуждает и успокаивает, вначале согревает, а затем приносит ощущение прохлады... Ученые открывают все новые и новые свойства и качества чая.

Чай как напиток употребляют почти две трети обитателей планеты. Но прежде чем стать доступным широким массам, ему пришлось утвердиться много веков. В Китае более двухсот лет из чайного листа готовили лишь лекарства от многих хвороб. Потом он вошел в быт мандаринов. В Корею, Японию и Индию он был завезен в шестом веке и переступил порог буддийских храмов.

В Европу чайный напиток проник два совершенно независимых пути — с запада и с востока.

В XVI веке португальские мореплаватели впервые завезли чай из Китая в свою страну.

В Россию чай пришел из Азии совершенно самостоятельно, независимо от Западной Европы, через Сибирь. Его завез посол Василий Стариков в 1638 году. На царском дворе отведали заморский напиток. Понравился. И потянулись в Россию караваны. Из Китая через Монголию на верблюдах и лошадях. Путь далекий — 11 тысяч верст и долгий — почти полгода. В хорошую копейку обходился фунт чая. Русские купцы выкладывали сукно и сафьян, меха соболей и горноста, железные изделия уральских умельцев и другие товары; платили высокие пошлины, да и сами, стремясь покрыть накладные расходы и получить определенную прибыль, выбрасывая на российский рынок чай, назначали круглую сумму. Не по карману был чай простому люду. Лишь после открытия в 80-х годах XIX века Самаро-Уфимской и Екатеринбург-Тюменской железных дорог сроки доставки чая в европейскую часть России существенно сократились, и рыночная стоимость его понизилась. Чай постепенно становится русским национальным напитком. К концу XIX века на чайное довольствие была поставлена русская армия. Предприниматели стали выплачивать мастеровым жалованье, в которое входили деньги, харчи и чай. К началу XX века Россия стала самой чаепотребляющей страной мира. Но свои потребности она удовлетворяла главным образом за счет импорта.

Однако в России появились уже энтузиасты чайного дела. Стали задумываться над тем, а нельзя ли самим

выращивать чайный куст, скажем, в Крыму, на западе Грузии? Те, кто побывал на родине чая — в Китае, в его юго-восточной части, присматривались и к почве и к погоде...

В музее Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур собраны экспонаты, связанные с историей и развитием чаеводства в нашей стране. В 1772 году в одном из русских журналов была опубликована статья Г. Ф. Сиверса «Как произрастает чай в России». Автор предлагал создать плантации чая в районе города Кизляра — в одной из южных точек тогдашней Российской империи.

Однако в те времена дальше этого дело не пошло. Первый чайный куст был завезен в Россию, в Никитский ботанический сад в Крыму, лишь в 1817 году. Начиная с тридцатых годов XIX столетия разведением чая занимались энтузиасты-чаеводы да богатые землевладельцы вроде грузинских князей Эристави. Закладывались опыты в Ленкорани и близ Сочи...

Сто лет потребовалось для того, чтобы опыты первых энтузиастов вышли на плантации. В 1917 году они составляли около 900 гектаров. Только в советское время началось подлинное развитие чайного дела в нашей стране. Площадь плантаций возросла более чем в сто раз! Одновременно шла большая селекционная работа, вырабатывались научно обоснованные методы возделывания культуры чайного растения. Эти работы имели важнейшее значение. Ибо в период «детства» грузинского чая высаживали разные китайские сорта, чаще далеко не лучшие. Давали они урожай мизерный — всего 400 килограммов с гектара. Ученые и практики вывели различные сорта местной селекции, урожайность которых в среднем достигает от 10 до 13 с лишним тысяч килограммов на гектар. Среди них лучшим по праву считают сорт «Колхида». Гектар этого сорта эквивалентен полугектара обычного чайного участка. А по вкусу, аромату он не хуже индийских сортов, выращенных в высокогорных районах.

Итак, есть советский чай, выведенный новый сорт, дающий лист не хуже индийского. Ученые могут гордиться сделанным. Но, к сожалению, пока еще мало гектаров нового сорта работают на качество.

Потребность в чае растет. Повторим: Россия еще к началу XX века стала **самой** чаепотребляющей страной мира. Но вот сегодняшняя статистика. Потребление чая в нашей стране чуть более 600 граммов, в Англии — до 4 килограммов, в Японии — свыше 3 килограммов. В среднеазиатских республиках этот показатель подходит к 2 килограммам на человека в год.

В Продовольственной программе перед чаеводами и промышленниками поставлены большие и ответственные задачи — увеличить производство, а главным образом улучшить качество чая. Основным производителем чая в нашей стране является Грузия. Здесь получают более 95 процентов советского чая. Азербайджан дает 3,8 процента, а Краснодарский край — около 1 процента. И потому основной наш разговор пойдет о грузинском чае.

«Надо поклониться кусту...»

Итак, проблема качества. Много у нее слагаемых. Одно из них — условия, в которых растет чайный куст. Заметим, что советские плантации разместились на самых северных широтах субтропиков. И, конечно, в отличие от всех южнокитайских, цейлонских, индийских им не хватает порой тепла, влаги, солнечных дней для того, чтобы набрать, выработать достаточное количество ценных веществ. А их сегодня ученые «открыли» уже около 300. Многие тайны «белых ресничек» раскрыты и продолжают раскрываться...

Но вернемся на запад Грузии. Край благодатный. Бросишь мол, в грузинскую землю зерно, а урожай стеной

взойдет да безо всякого труда. Так может казаться лишь незадачливому пляжнику. Край благодатный. Но грузинские крестьяне из поколения в поколение взирают на горы — что они завтра принесут на его трудное поле. Порой и мы, телезрители, видим, как в Закавказье гуляет стихия: град, ливень... На полях, как после артподготовки, градом выбиты посевы, виноградники, плантации. В Грузии говорят, что побитое градом растение семь лет стонет. Какие заботливые руки, какое терпение, какая энергия и какой тяжелый труд нужны для того, чтобы поднять уничтоженные стихией сады и плантации! Потому и называется грузинский народ урожаем — «чирнахули», что означает «добытый тяжким трудом».

Второй год подряд из-за погоды чайный куст вегетирует воплосилы. Не добывает качества. Но природа природой. И не будем сбрасывать со счета дело людское. В республике много делается. Разработана и осуществляется комплексная программа повышения качества. Ее реализация совпала с созданием агропромышленных комплексов, позволяющих собрать силы различных организаций, мобилизовать средства, внутренние резервы. В борьбу за честь грузинской марки включились, как говорится, от мала до велика. Важную роль должны были сыграть чаеводы. В печати выступила прославленная мастерица своего дела, дважды Герой Социалистического Труда Тамара Андреевна Купуния: «Многим, очень многим грешим мы в этом деле. Погнались за количеством и забыли про качество. Забыли и опорожили имя грузинского чая. И как ни горько, но это в самом деле так, хотя и можем, определенно можем собирать намного лучше и намного больше...»

Более сорока лет Тамара Андреевна возглавляет производственную бригаду чаеводов. Замечательный коллектив! В ее бригаде воспитаны 16 Героев Социалистического Труда. Живет она в селе Ахалсонели Зугдидского района. В переводе на русский язык «Ахалсонели» означает «Новое село». Но мне бы хотелось назвать его «Село Героев». И это название было бы оправдано — 51 его житель носит Золотую Звезду Героя Социалистического Труда!

Да, труд чаевода почетен. И нелегко. В Грузии говорят: «Надо пятьдесят раз поклониться кусту, чтобы получить настоящий чай». Проезжая мимо плантаций, я видел склоненных над кустом женщин с тяжелыми корзинами. Работающих от зари до зари. В росе и под палящим солнцем.

В чайную струю ежедневно выходят на плантации 120 тысяч человек. Из них почти две трети — люди молодые. На помощь профессиональным чаеводам приходят студенты и школьники. Около двух третей урожая собирают они ежегодно. В Грузии высоко ценят труд молодежи. Многие удостоены государственных наград. Когда проходил XIX съезд ВЛКСМ, вышел Указ о награждении чаеводов. Среди них звание Героя Социалистического Труда было присвоено Мзиури Кардава. Ее — грузинскую делегатку — горячо поздравил комсомольский съезд.

«Если мы гордимся достигнутыми успехами, — подчеркнул кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, — то огромная заслуга в их достижении принадлежит и нашей молодежи — учащимся, студентам... Наш славный комсомол должен занять достойное место в борьбе за решение стоящих перед нами задач».

Чайное дело — один из ударных участков комсомола республики. Здесь работают десятки тысяч молодых специалистов, чаеводов, механизаторов, действуют 3250 комсомольско-молодежных коллективов. ЦК ЛКСМ Грузии стремится поднять молодежь на борьбу за качество чая на протяжении всего конвейера — от чайных плантаций до производственных цехов и прилавка. Активно действуют комсомольские «проектористы». Мне довелось смотреть

передачи местного телевидения. Комсомольский штаб постоянно выходит на «голубой экран». Остро реагирует на факты бракодельства, рассказывает об успехах молодых чаеводов.

«Надо поклониться чайному кусту пятьдесят раз...»

А знаете, сколько в одном килограмме собранного листа этих самых легендарных «белых ресничек»? Примерно 2,5 тысячи! Значит, при их сборе надо сделать соответственно две с половиной тысячи движений. А ведь за день иные женщины вручную собирают сотни килограммов. Перемножьте.

Миллион движений!

Надо поклониться женщинам-чаеводам. Но лучшей благодарностью им явилось бы быстрое решение проблем механизации чайных плантаций. Проблема эта остра. Ее подпирает демографическая ситуация. На селе ощущается серьезная нехватка рабочих рук. Наконец, сам чайный куст диктует свои требования: начиная с апреля по сентябрь, он непрерывно вегетирует. Интервалы сбора его молодых побегов на одной плантации определяются 6—10 днями. Не соберешь вовремя — нежные побеги прорастут, потеряют свои ценные качества. Следовательно, за сезон сбор на каждой чайной плантации должен производиться в среднем 14—18 раз.

Поклонитесь кусту...

«...И отдайте должное машине»

Инженеры уже вывели на чайные плантации современные машины. Но пока их доля в труде небольшая. В 1982 году лишь одна шестая часть урожая чайного листа собрана с помощью машин. Республиканским планом предусматривается к концу пятилетки довести объем машинного сбора до 300 тысяч тонн вместо собранных в 1981 году 85 тысяч.

Задача, прямо скажем, сложная, комплексная, научная и техническая. По оценке специалистов, большинство плантаций пригодны для механизированной подрезки и сбора листа. Но для этого нужны разнообразные машины. На крутых склонах — одни, в низменности — другие. Но медленно еще набирает силу чайная индустрия. Допускает свои. В Грузии я слышал от чаеводов немало упреков в адрес завода «Грузсельмаш». Он выпускает мобильные чаесборочные машины. Но из года в год не выполняет заказы сельского хозяйства. А ручные чаесборочные аппараты, превышающие потребность, лежат на складах чаеводческих хозяйств, ждут, когда к плантациям подойдут электролинии. Последние же пока прокладываются медленно.

Когда я рассказывал о проблемах механизации чайных плантаций своим товарищам, один из них заметил: «И все же лучший чай получается из листа, собранного вручную».

На одной из плантаций напросился я на «Сакартвело» — так называется одна из чаесборочных машин. Прошли мы несколько чайных валов. Ловко управляя ею, молодой механизатор «стриг» лишь нежные фракции куста. Хотя этой машине «по зубам» и грубые части. Наблюдал я за работой и «механических рук» — чаесборочных аппаратов. У них тоже хватает мощностей, чтобы «перегрызть» грубые части. Все зависит от добросовестности и мастерства людей, которые управляют этими аппаратами.

Но можно ли инженерно подстраховать добросовестность чаесборщика, «научить» машину «возражать» его анатомическим действиям? На этот вопрос утвердительно ответил инженер-конструктор Иосиф Николаевич Кадейшвили. Он создал оригинальный ручной микрочаесборочный аппарат. Я видел его в действии. Простая и довольно умная машинка. Работает выборочно. Берет лишь нормальные флешы. Недозрелые пропускает, если попадается

грубый отросток — «стоп!» — соскакивает с ролика приводной ремень, и прекращается вращение дискового ножа. Создан этот аппарат пять лет назад. Успешно прошел испытание. Был рекомендован для внедрения. Но... не внедрен. А пока суд да дело, на плантациях орудуя «умельцы». Самодельными ножами и серпами проходят по кустам. Стригут «под бокс», оставляя кусту лишь минимум листьев. К такой «уборке» прикладывают руки и механизаторы. Эти, с позволения сказать, операции на легких кустах-листьях привели к порче многих плантаций. В эту трагедию уже вмешались специалисты — разработаны строгие стандарты сбора листа; усиливается контроль за их соблюдением со стороны административных органов, разворачивается работа народных контролеров и их помощников — комсомольских «пржектористов».

На одной из чаеперерабатывающих фабрик я был свидетелем бурного разговора приемщиков листа с теми, кто доставил его с плантации.

— Вы куда приехали?
— На фабрику...
— На какую? Вы перепутали адрес. Вам надо рулить на деревоперерабатывающую. Мы чай производим. А вы нам палки привезли...

Прав приемщик. По существующим стандартам минимальное содержание нежной фракции в сырье первого, второго сортов должно быть не ниже 95 процентов. А на деле? В объединении «Грузгоскомчайпром» мне дали справку: фактически во всем объеме поступающего сырья этот удельный вес едва ли составляет 20 процентов.

Из такого сырья трудно выработать высококачественную продукцию.

В прошлом году в республике в порядке эксперимента в двух чаеводческих районах опробовались некоторые новшества в агроправилах сбора листа. Были применены материальные стимулы, направленные на повышение качества сбора чайного листа. Сборщику за сдачу нежных фракций предлагалась оплата в три—три с половиной раза выше, чем за весовую долю грубоватых листьев. Но из-за погодных условий этот эксперимент не удалось довести до конца. В нынешнем сезоне он продолжен.

Выше уже было рассказано, что чайный лист — это постоянно действующая химическая лаборатория. Убранный лист быстро теряет свои ценные качества. Его нужно доставить на фабрику через час, самое большее — через два. К сожалению, эти правила нарушаются. Порой лист доставляется уже перегоревший. Не согласуются с фабрикой графики уборки, транспортировки листа. Особенно сильно это сказывается в «пиковые» дни. А они в Грузии выпадают на май—июнь, когда собирается 40—50 процентов урожая.

Перерабатывающих же мощностей не хватает. По оценке специалистов, в настоящее время разрыв в объеме производства чайного листа и мощностей чайных фабрик достиг 100 тысяч тонн.

И вряд ли их хватит, если не будет соблюдаться график сбора и завоза чайного листа, если на фабрики будет поступать сырье, подобное тому, о котором мы рассказали уже выше.

На отдельных предприятиях, стараясь «расшить» узкие места, стали искусственно ускорять технологические процессы, а то и вовсе исключать некоторые из них...

В республике проводится большая работа по реконструкции перерабатывающих и строительству новых фабрик. Дефицит мощностей на 100 тысяч тонн должен быть покрыт за счет 67 микрофабрик, которые должны быть построены общими усилиями заинтересованных организаций республики. Это — на конец пятилетки. Сейчас же пока пущено лишь 22. Удастся ли за два с половиной года Министерству сельского строительства республики ввести в строй оставшиеся 45 объектов? Сможет ли Батумский машиностроительный завод

поставить необходимое этим фабрикам оборудование? Ведь в минувшей пятилетке этот завод и наполовину не удовлетворил потребности чайной промышленности, которые ныне удвоились. Очевидно, без серьезной помощи союзного Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов с этой задачей трудно справиться.

Минувшим летом мне удалось проехать от Сухуми до Махарадзе. На пути встречались чайные фабрики. Наш водитель бросил реплику: «Раньше за версту чувствовалось дыхание чайной фабрики. Аромат был вкусный...»

Вид с горы Анасеули

Эта гора близ Махарадзе — центра одного из крупных чаеводческих районов. Здесь разместились два всесоюзных научных учреждения — институты чая и субтропических культур и чайной промышленности. Собственно, институты — это мощные научно-производственные объединения.

Беседа с генеральным директором НПО чайной промышленности Константином Петровичем Гулуа и его заместителем Леваном Шалвовичем Кутателадзе началась с вопроса ко мне: «Какие типы чая вы знаете?» Перечисляю: черный, зеленый, красный, желтый... «А сколько сортов?» И, не дожидаясь ответа, пояснили: «Несколько сот и даже больше торговых сортов знает человечество. Каждый сорт требует своей технологии. А значит, и соответствующего современного оборудования. В чаепроизводящих странах для каждого типа чая эти проблемы решаются по-разному: советские ученые-чаеводы разработали свои собственные схемы производства чая применительно к агротипам, культивируемым у нас в стране. Почти 30 лет работает наш институт. Работает не только над решением проблем производства чая в Грузии, но и в Азербайджане, Краснодарском крае...»

На ряде предприятий идет реконструкция. Сейчас начато проектирование фабрики будущего. Эталонной. Пустить ее планируется в начале двенадцатой пятилетки. Она будет оснащена новейшими и самыми высокопроизводительными установками и технологическими линиями.

Теперь о проблеме безотходного производства. Назовем лишь несколько цифр. Традиционной технологии фабрики могли из поступившего сырья (подчеркнем, не очень высокого качества) выработать не более 70 процентов чая. Остальные 30 процентов были технологически непригодны. Сейчас найдены способы их использования. Из этого сырья фабрики готовят различные концентраты. Потребители уже заваривают чай из жидкого концентрата. В своем составе он содержит все ценные компоненты чая. Скоро поступит в продажу растворимый чай. Из низкосортного сырья научились получать пищевые красители. Применяя их, кондитеры не только окрашивают мармелад и леденцы, но и заодно обогащают конфеты ценными веществами.

...Константин Петрович Гулуа попросил своего заместителя: «Открой-ка пару бутылок авторского». Мы с удовольствием утолили жажду тонизирующим напитком «Байхмаро». Он изготовлен на базе черных байховых чаев. Леван Шалвович Кутателадзе, один из авторов этого напитка, был удостоен Государственной премии Грузии. Шестнадцать зарубежных стран проявили интерес к «Байхмаро». В Тбилиси я попробовал еще одну новинку — напиток «Колхури». Хорош. Изготовлен он на базе зеленого чая. Но это еще не предел использования чайного сырья. Работники института показали мне плитку. Похожа на древесностружечную. Красивый натуральный колер. Чем не облицовочный материал? А приготовлен из «разварки» — так называются отходы после того, как из сырья были экстрагированы все полезные вещества.

Сейчас идет интенсивная работа над решением проблемы зеленой сортировки чайного листа. Ученые также пытаются найти способ хранения свежесобранного листа. Разработана новая технология производства черного чая с применением быстрого замораживания при температуре 50 градусов. Это новшество сулит значительный экономический эффект. Замороженный лист может лежать в холодильнике в течение года. Но это пока технология будущего. А сегодня уже готовятся к выпуску ароматизированные сорта, имеющие широкое хождение во многих странах. К первосортному грузинскому чаю будут добавлены цветы жасмина, листья герани, мяты, базилика...

Нам же, покупателям, останется зайти в магазин и выбрать чай себе по вкусу.

Скорей бы!

Вердикт дегустатора

Много, очень много дала наука и техника чайному делу. Я побывал в фабричных, институтских лабораториях. Наблюдал за работой специалистов, которые с помощью различных приборов определяют качество чая. Они передают технологом (а это очень важно для того, чтобы на отдельных этапах скорректировать режим той или иной операции) различные анализы, полученные биохимическим и химическим путем. Приборы помогают провести газовый анализ, люминесцентную оценку, путем хроматографии вести контроль за производством, определить составные вещества, образующиеся на различных технологических режимах.

Это методы объективной оценки. Но они пока еще не могут дать полного представления о вкусе и аромате чая по совокупности его качественных показателей. Эту функцию с давних времен выполняет человек. Есть такая профессия — титестер. Слово это английского происхождения: Tea — чай + Tester — пробующий, измеряющий — специалист по дегустации чая. Редкая специальность. Ее доверяют людям особо одаренным, тем, кому природа дала идеальное обоняние и тонкое ощущение вкуса. Специальность титестера требует не только таланта, но обширных знаний чайного дела, хорошей профессиональной памяти. Ему приходится помнить целую коллекцию чайных запахов, оттенков вкуса, знать их происхождение и историю. Наконец, она связана с большой материальной и государственной ответственностью. Хорошо об этом сказал один из пионеров чайного дела, агроном И. Н. Клинген: «Эти люди решают в безмолвии кабинета, на кончике своего языка судьбу громадных партий на многие миллионы рублей. От того, насколько ошибется язык или изменит обоняние знатока, зависит степень прибыли или убытков, а потому титестеры — это первые люди в чайном деле».

В лаборатории объединения «Грузгоскомчайпром» я познакомился с одним из старейших титестеров страны, Ноем Дмитриевичем Глonti. Опыт у него богатый. Трудовой стаж в этой профессии — сорок пять лет. Не счесть его подписей под вердиктами о качестве чая. Работал он на многих международных аукционах.

Я попросил показать процесс титестирования. Лаборантка расставила на длинном столе десяток небольших чайников. Перед каждым из них горка чая. Разные сорта. Пока взвешивались пробы — по 3 грамма на чайничек — и шла его заварка, Ной Дмитриевич ворошил горки сухого чая, рассматривал и перетирал пальцами чашки, определял их аромат. Потом подошла очередь чайного настоя. Титестер сосредоточенно вглядывается в его цвет, вдыхает аромат, пробует на вкус... Много может рассказать и разваренный чайный лист. После его исследования можно выносить заключение о качестве того или иного сорта чая.

В мировой практике сложилась 10-балльная система оценки качества чая. — Приходилось ли вам, Ной Дмитриевич, пробовать чай, оцененный в 10 баллов?

— Нет. Такого чая не бывает — это титестерский идеал. В Индии пробовал высочайшие сорта. Они оценивались от 7 до 9 баллов. Изготавливают их ничтожное количество. Стоят они дорого. Так сказать, продукт для богатых гурманов.

Наши «букеты» — грузинский, азербайджанский, краснодарский тянут на 5—5,5 балла.

— Какие сорта чая сегодня мы пробовали и как вы их оцениваете?

— Заваривали мы грузинские — первый сорт, «экстру» и «букет». Чай прошлогодний, майского сбора. Сейчас февраль. Значит, прошло восемь месяцев. Свое первоначальное качество он, к сожалению, уже потерял. У «букета» нет уже того аромата, а у первого сорта его с трудом улавливаешь. Причина? Их много. Одна из них — хранение. Сухой чай — продукт деликатный. Очень восприимчивый. Легко поглощает влагу и всякие запахи, утрачивает свой аромат и вкус. В то же время в хороших условиях чай хранится долго и даже становится лучше прежнего, приобретает новый, еще более стойкий и крепкий аромат. Это хрестоматийный факт. О нем знает каждый студент, изучающий чаеведение. Ведь китайцы еще в древности умели хранить чай. В Россию он поступал караванным путем. Тащили его верблюды чуть ли не год. Упакован был он в деревянные ящики, внутри выложенных оловянными листами, а снаружи покрытых плотным слоем водонепроницаемого лака. А еще ящик в три рубашки наряжали: обклеивали плотной бумагой, потом оплетали бамбуком и наконец обшивали шкурами. Так, чтобы места швов перекрывались дважды. В полной герметизации путешествовал «заморский» напиток. Ничем ему был дождь, зной и холод.

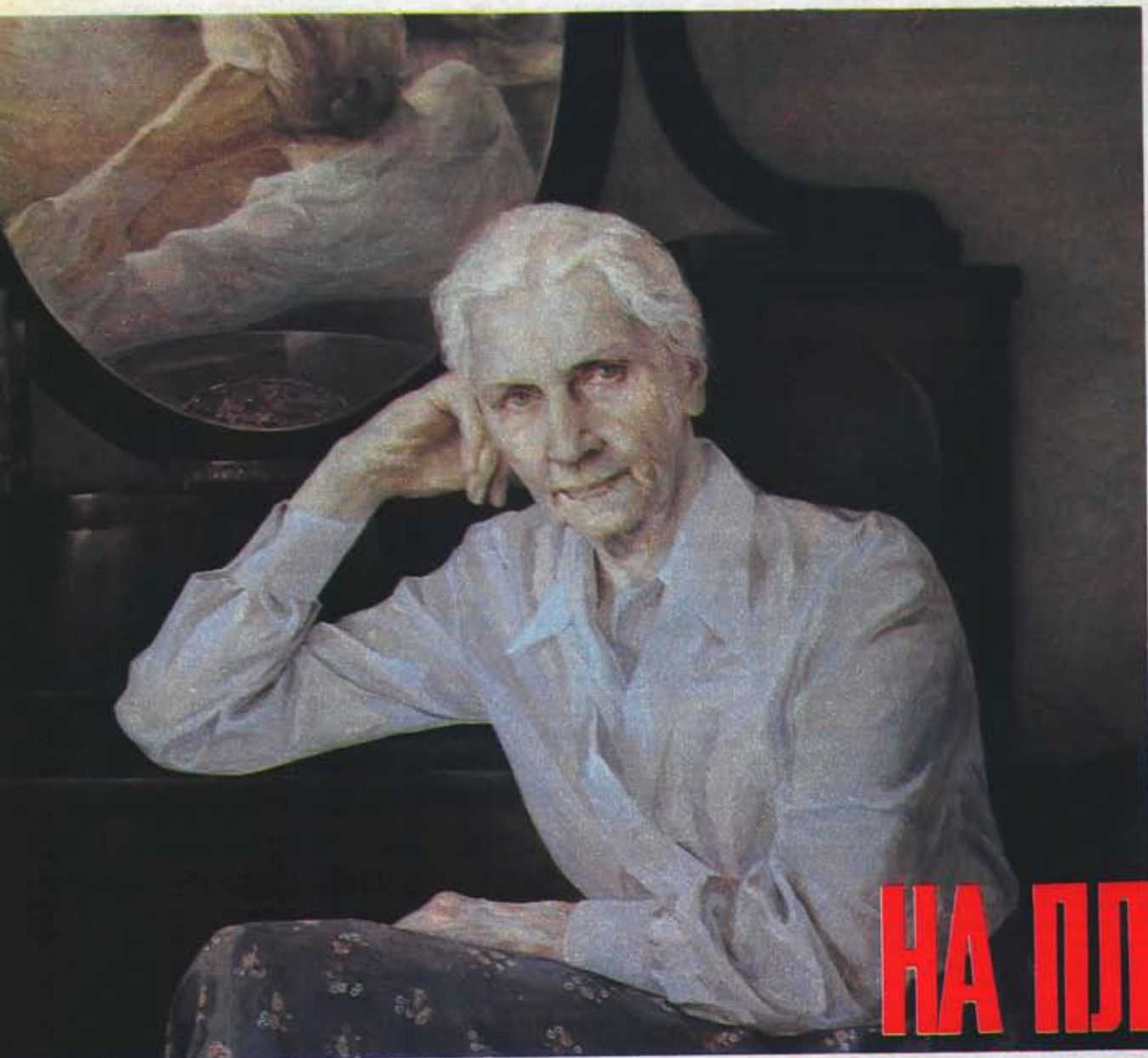
Таких упаковочных материалов в наше время, конечно, не применяют. Обходимся фанерой, бумагой, фольгой. Да и той не хватает. Залеживается на фабриках чай, теряет качество. Потом держит долгий путь на чаеразвесочные фабрики, оттуда на базы и в магазины. О каком тут качестве можно говорить!

Итак, еще несколько слабых звеньев в цепи качества чая: хранение, тара, упаковка, транспортировка. О них хорошо знают в Грузии. В Тбилиси меня познакомили с планом укрепления этих звеньев. В частности, решением вопроса развития чаеразвесочных мощностей. К концу пятилетки почти две трети чая будет расфасовано в республике. Задача — завершить цикл: вырастить урожай, собрать его, переработать и придать окончательный вид продукции. Речь в конечном счете идет о том, чтобы полностью взять на себя ответственность за вкусовые качества чая, возродить его былой авторитет.

...В поездке по Грузии было много встреч, доверительных бесед. Иногда я доставал записную книжку. Но меня просили: «Не пишите об этом. Исправим». Увидев мое недоумение, сказали: «Мы — грузины». Перелистывал республиканские газеты: «Возродим былую славу грузинского чая!» Присутствовал на совещаниях — разговор конкретный, деловой... Вывод сам напрашивается — произошел перелом в настроении.

Немало! Настрой на дела — по этому камертону вывернется вся работа в «чайном цехе» республики.

...Чай уже давно и прочно занял место на столе советского человека. Вряд ли найдешь сегодня семью в нашей стране, которая бы не пила чая. Велик на него спрос. С повышением благосостояния населения он постоянно растет. И, разумеется, советским людям далеко не безразлично, как сработают грузинские чаеводы. Насколько успешно выполнят свои обязательства перед народом.

в портретах и натюрмортах. Но вскоре от этого отошла, поняв, что вся прелесть как раз и заключается в творческой неповторимости, в собственном своеобразии, что нужно искать свой путь в искусстве.

С творческими командировками молодая художница побывала в Италии, Франции, Германской Демократической Республике. Свою первую премию Елена получила в тринадцать лет на конкурсе международного детского рисунка в Дели. А первая награда творческой зрелости — серебряная медаль Академии художеств СССР за серию «Парижская коммуна 1871 года» и офорт «Вечер». Пришло и заслуженное признание. Елена Флёрова — лауреат премии Московского комсомола, имеет серебряную медаль ВДНХ, участвовала более чем в тридцати выставках.

Работает талантливая художница в разных жанрах: портрет, пейзаж, книжная графика; в разной технике — масло, акварель, пастель, офорт, темпера. Особое отношение у нее с акварелью — с акварельной монотипией, то есть когда изображение на бумаге получается за счет отпечатка со стекла. На этой технике следует остановиться более подробно, потому как Елена Флёрова добилась в ней многого. Дело в том, что художники издавна были знакомы с техникой монотипии, но только масляной: рисунок делается масляными красками на цинковой доске и накрывается увлажненной бумагой — через несколько секунд из-под пресса вынимается готовый оттиск. Но акварель? Она ведь растекается, поведение ее непредсказуемо, да и нужно ли рисковать, выкидывая десятки испорченных оттисков?

ПОРТРЕТ МАТЕРИ.

НА ПЛЮЩИХЕ, У

Александр ШЕЯНОВ

На Плющихе, у Девичьего поля, под тополем, которого нет... Когда смотришь на необыкновенные по своей красе, прямо сказочные пейзажи Елены Флёровой, невольно появляется ощущение, что родилась художница вдали от кирпичных домов и асфальтовых дорог, что с детства ей пришлось бродить по нехоженным тропинкам, по густым чащобам, где дремучие вековые деревья и прозрачные тихие воды лесных озер, где не встретишь ни одной живой души, но нет-нет да кто-нибудь аукнет, или зычно всхлипнет филин, да хрустнет ветка под чьей-то неведомой ногой... Но выросла Лена Флёрова в Москве, на Плющихе, у Девичьего поля. Детство ее пришлось на послевоенные годы.

С трех лет Лена начала рисовать. Любимое место — на скамейке возле дома, под старым тополем. Рисовала все, что попадалось на глаза. Особенно нравилось изображать животных. Частенько ей любил «позировать» соседский кот Кит, и словно в награду он порой превращался на бумаге из рыжего в оранжевого, а то и вовсе покрывался

разноцветными полосками и пятнами... А потом из дома выходила мать, брала дочку за руку, и они шли на Поклонную гору, к Новодевичьему монастырю, где старые ветлы и заросшие пруды. По дороге Елена Николаевна рассказывала дочери о великой и непреходящей силе русского искусства.

Пройдет время, и Елена Николаевна Флёрова напишет портрет своей матери — Елена Николаевна старшая, подложив под голову кисть руки, чуть артистично сидит на фоне старинного округлого зеркала. В зеркале мы видим пучок аккуратно собранных поседевших волос и усталую спину, но это только в зеркале, в глазах матери нет и намека на усталость. Она неотрывно, даже напряженно, смотрит куда-то вперед — и есть во взгляде и жизненная умудренность, и испытующая пронизательность, и благоговящая вера...

В одиннадцать лет Лена Флёрова, твердо решив стать художником, поступила в Московскую среднюю художественную школу, что в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи. Естественно, что свободное от занятий время, да и не только свободное, проходило в галерее. Директор школы даже вынужден был распорядиться, чтобы учащиеся туда в дневное время не пускали, но добродушные старушки контролеры частенько делали вид, что не замечают прогульщиков...

Надо отдать должное, школу Лена окончила хорошо. А потом — художественный институт имени В. И. Сурикова и аспирантура Академии художеств СССР.

Любимый художник — Валентин Серов. Какое-то время ему даже невольно подражала — это отчасти сказывалось

ИСПАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

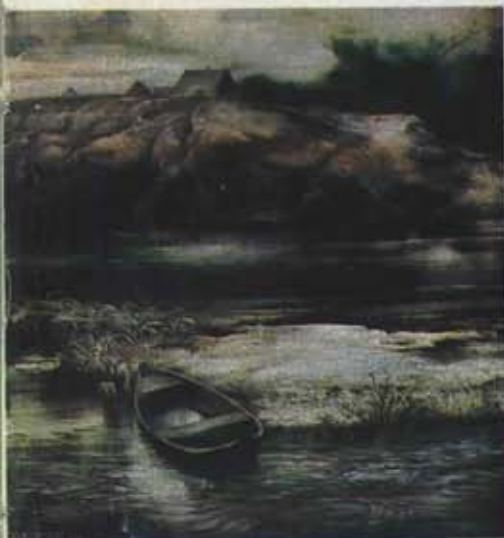

И хотя делать акварельную монотипию проще — набросал красками на стекле несколько пятен, приложил бумагу, пригладил ладонями, снял — и готово, художники эту технику всерьез не принимали, использовали ее чисто декоративные формы только в оформлении книг.

Увлеченная выигрышными сторонами акварельной монотипии, Флёрова попробовала делать оттиски «по заказу», добиваясь желаемого цветного пятна в нужном месте и учась варьировать фактуру. Проходили годы, задачи усложнялись. Появились пейзажи с фигурами, а затем и многофигурные композиции. А

АВТОПОРТРЕТ.

СУМЕРКИ.

сан почти в натуральную величину. Мы смотрим на этот портрет и видим парящую в танце балерину, игру теней, мерцание искр и отражение этих искр в горящих глазах балерины. Она вся — один порыв, она вся — танец, она словно разговаривает с нами о сути искусства. А кто же «посредник»? Разумеется, художник Елена Флёрова.

Какой же предстает ее техника монотипии; если попытаться расчленить единое? Причудливые, разнообразные, тонкие, почти нерукотворные линии, сочетания красок, форм, какие встречаются в природе, в прожилках мрамора или дерева, какие искусный резчик, следуя своей фантазии, использует в создании задуманного образа. Хаотические, декоративные линии и пятна оттиска Флёрова превращает в реалистический образ, что-то убирая, что-то прибавляя, но не разрушая естественной фактуры монотипии. И этому не перестаешь удивляться.

Для акварельных пейзажей Елены Флёровой характерна не освещенность, а свечение.

Герою может стать небо, дерево, луна, озеро. Они в данный момент — источники света, они зовут нас к себе. Присмотритесь внимательнее, и вы увидите и «Ворота неба», и «Ветры, стрижбы внуцы», и «Звезду вечернюю», и «Старое дерево»...

И чем больше будешь на них смотреть, тем больше будет казаться, что и сам когда-то бывал в этих сказочных местах.

Когда? Вероятно, в детстве. На Плющихе, у Девичьего поля, под старым тополем, которого сегодня, увы, уже нет...

ДЕВИЧЬЕГО ПОЛЯ

РЕБЕНОК.

что, если попробовать портрет в этой технике? И вот в этой манере написаны «Автопортрет» и «Портрет балерины Семеняки». Работы эти различны по замыслу, но их объединяет свой почерк, свой стиль, который уже ни с чем не спутать.

Монотипия — техника тонкая, ближе

всего к миниатюре. А если сделать вещь крупную, где нельзя мельчить, где надо отказаться от самых привлекательных приемов монотипии? Оказалось, что монотипия справляется и с монументальными задачами — портрет балерины Людмилы Семеняки, например, напи-

**ПОРТРЕТ
БАЛЕРИНЫ
СЕМЕНЯКИ.**

У П РЕ Д Е Л А

Обсуждаем проблемы, затронутые в рассказе Виктора Шалатонова «Предел»

В № 10 этого года молодой писатель Виктор Шалатонов выступил с опытом публицистического рассказа. «Предел» — так назвал он свое художественное исследование нравственного падения тех, кто разменивает свою молодость, предьявляя к жизни, к обществу непомерные, необоснованные потребительские претензии. Чрезмерно раздутое «я» заслоняет собою общественные нормы, и это неизбежно приводит к их попранию. Пример тому — сюжетная линия «Предела», построенная на раскрытии преступления, совершенного зарвавшимися юнцами. В чем причины морального иждивенчества, неуважения к людям, к себе, к ценностям нашей действительности? Этот вопрос редакция адресовала читателям, пригласив обсудить рассказ, вынести приговор его «героям».

И вот письма: спокойные, рассудительные — от старшего поколения, авторы пытаются разобраться, не рубить с плеча, но взволнованность, озабоченность чувствуются в каждой строке; много писем задиристых, часто без подписи и адреса, — это ринулась в спор молодежь; самые же толстые конверты — от тех, кто оступись когда-то, теперь осознал ошибки и раскаивается... Читатели единодушны в том, что персонажи этой в общем-то криминальной истории будут наказаны — в этом никто не сомневается, никто не требует их оправдания. «А задумались ли вы, — пишет читательница М. РАСКИНА из Днепропетровска, — над таким поворотом ситуации: Марина и ее компашка не совершают ничего противозаконного — только шалят в «своем» стиле? Что было бы с ними? Кто их осудил бы? И каково было бы наказание?» Да, тревожное замечание. Подобная тревога пронизывает всю почту, пришедшую на рассказ. Читатели остро ставят вопрос: как сделать так, чтобы предел морального иждивенчества и антиобщественного поведения некоторой части нашей молодежи находился не в области контролируемой Уголовным кодексом. Главная же мысль, высказываемая в подобных письмах: подростки понесут юридическую ответственность, ибо не были причены нести ответственность гражданскую — нравственную, материальную, идейную, наконец.

И все-таки нет-нет да и проскальзывает в письмах этакая нотка: мол, сколько можно говорить о «трудных» подростках? Принесут ли пользу эти разговоры? И даст ли даже самый пристальный, глубокий анализ реальную пользу? Кое-кто даже усталым тоном заявляет: вот написал — а зачем, не знаю... А ведь в семье таких наших корреспондентов, может, уже и подрастает новая Марина. И совсем небесполезно разбираться вместе с другими, открыто, на страницах журнала и в симптомах зарождающейся болезни и в возможных методах ее лечения, ибо в некоторых письмах есть сигналы просто-напросто беспомощности, растерянности: росла хорошая девочка (мальчик), а что случилось теперь — не можем понять.

Проблемы, поднятые Виктором Шалатоновым, не новы — они обсуждались, обсуждаются и... Но вот, пожалуй, нова острая, жесткая постановка вопроса устами следователя: «Может, нам перестать слишком длинно и нудно рассуждать на педагогические темы, меньше исследовать и делать выводы, рекомендовать и так далее, а навалиться всем миром на конкретное воспитание?» Достаточно спорно, конечно. Ведь правы многие наши корреспонденты, когда пишут, что болезни роста молодого поколения постоянно видоизменяются, эти изменения нужно фиксировать, чтобы придти к правильному диагнозу.

Конкретных предложений очень много, и мы коснемся их. Добавим к этому, что наши корреспонденты очень точными мазками дополнили ту картину, которую нарисовал писатель в своем рассказе. Они расширили круг проблем, выйдя за рамки происходящего в повествовании, выйдем за эти рамки и мы.

«Получается, что легче выдержать испытание горем, чем благополучием».

Л. ЗАХАРОВА,
дер. Борхов Гомельской обл.

«Следователю есть с чем сравнить теперешнюю жизнь. А молодым?»

Ю. СЛЕПНЕВ,
Вологда.

Эти письма можно взять как бы эпиграфом к нашей читательской конференции. Они не то чтобы полярно противоположны — в них разный взгляд на проблему, разные точки отсчета. Читательница из Гомельской области твердо уверена, чем должны проверять свои идеалы сегодняшние молодые — героикой нашей истории, полной как побед, так и лишений, лихолетий. В другом же письме справедливо замечено (хотя автор впрямую на это обобщение не вышел), что молодым сегодня необходимо по силам изыскивать и **новый строительный материал** для своих идеалов. Об этом говорил Генеральный секретарь ЦК нашей партии на встрече с ветеранами: «А новые поколения не воспроизводятся подобно копиям на ротатипе. Каждое из них, неизбежно опираясь на опыт предыдущего, оценивает и осваивает мир на свой лад, привнося в созидательную деятельность новые приемы и средства, приравнивая к условиям и обстановке своего времени». Думается, в этих словах нужно прежде всего искать внутренний смысл, зовущий, по сути, к созданию еще неопытными молодыми людьми своего полезного опыта. Иными словами, возраст деятельности активной и общественно полезной не определяется возрастом физическим, а нравственным. Когда глубоко усвоенные и прочувствованные моральные ценности общества юный человек смело берет руководством к действию.

К сожалению, порой юные не стараются осознать, прочувствовать, а стараются «проскочить» в спешке те или иные параграфы грамматики нравственности, все еще сохраняя инерцию школярства. И более того — пытаются переделать их на свой лад ради облегчения усилий при строительстве «собственной и оригинальной» (не иначе!) жизненной позиции. А потом почта (высказывания, сетования), подобная пришедшей нам: откуда у нас, в той жизни, за которую столько крови пролито, столько пережито, — откуда такие марини и компашки?!

Попытаемся вместе с читателями разобраться.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ, к сожалению, типичный

В автобус, переполненный возвращавшимися с работы людьми — часы пик, — вошли два чрезвычайно современно одетых молодых человека и не менее модная девушка. Они энергично, если не сказать нахально, поборолась за места; затем на весь автобус зазвучала серия анекдотов весьма «смелого» содержания; девушка просто давилась от смеха. Пожилой человек сделал им замечание, и что тут началось: слова из анекдотов перекочевали в его адрес, не говоря уже о произнесенных тоном суперменов пригласениях «выйти поговорить». И все это под молчание мужской части пассажиров. Наконец какая-то женщина не выдержала: «Мужчины, угомоните же хулиганов!» «Сейчас валом повалят рыцари», — выдала реплику модная девица из компании. Но рыцари — два спортивного вида парня — начали увещевать... пассажира, сделавшего замечание: «Ну зачем вам связываться? Ведь с ними потом хлопот не оберешься. Ехали бы себе спокойно...»

«СПОКОЙНЫЕ»

Многие из нас, конечно же, были свидетелями подобных ситуаций, не раз об этом писалось, не раз звучали всякого рода гневные призывы... Но вот ведь обо что спотыкаешься в этом случае: спортивные парни проявили не трусость, а именно спокойствие. Особого рода — близкое не только к безразличию, близкое (пусть это не покажется натяжкой) по сути к позиции Марины и ее компашки. Почему? Да потому, что они готовы — внутренне! — к приятию и даже оправданию такого образа поведения. Это первый шаг. Второй, если он случится, — будет подобен ситуации в автобусе, а может, и ситуации, описанной в «Пределе». Ибо не все марини, кронкины и иже с ними «проявляются» — многие долго, очень долго живут тихой, но столь же опасной для общества жизнью. Их спокойствие антисоциально. «Утверждая свое «я», такие люди не часто отзываются на «подвиги», они тихо копят свой «опыт», приспосабливаются к жизни. Вряд ли они предстанут перед судом, а жаль, хотелось бы. Ведь именно они благодатная почва для компашек из рассказа В. Шалатонова», — пишет С. ВИКТОРОВ из Донецка. Да, для «спокойных» не существует одной морали, по их прихоти, по их потребительским нуждам эту мораль можно менять и, уже измененную, использовать. Доброта для них может обернуться и слабостью, если не приносит реальных, с их точки зрения, благ. Любые благоприятные условия, даже если они дарованы им обществом, они используют для создания еще более благоприятных условий, но уже для себя. Живут они, как правило, «с умом» — в такой жизни нет места эмоциям, тревогам, волнениям за то, что происходит вокруг. Эти люди духовно безответственны, ибо не привыкли отвечать ни за что, кроме себя. И самое опасное, что нравственные «перевёртыши» ставят их почти у черты того предела, о котором написал Шалатонov. «Ведь чтобы совершить подобное поступком компашки из рассказа, нужно долго, сlishком долго растаптывать то, чему учат в школе, чему, наконец, учит наша история, наше общество», — пишет С. КЛИМИН из Таллина.

Нет, растоптать не сумеют — силенок не хватит, да и не густо таких людшек, которые все оборачивают для себя. Силенок хватит только для того, чтобы подменить вечные ценности человеческие в самом себе, якобы по-новому переоценив их, росчерком поспешной мысли переведя в разряд прописных.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОДМЕНА

«Само название рассказа подразумевает не только предел падения юнцов, но и предел их понимания окружающей действительности, восприятия жизни», — пишет Е. ДОКУЧАЕВ из г. Боровичи Новгородской области. Такой приговор персонажам рассказа очень серьезен даже в сравнении с судебным, который их ожидает. Как могло случиться, что люди, только начинающие жить, стоящие у порога, за которым начнется реализация накопленного, не вызывают доверия? По сути, наш читатель отказывает им в будущем росте, в перспективности для общества. Не слишком ли категорично, убийственно? Юным у нас все открыто, им обеспечена поддержка любого рода — и вдруг ребята без перспектив! Может быть, горький опыт совершенного подкажет им в дальнейшем, как жить, спрямит их путь? Вряд ли, считает большинство читателей, участвующих в обсуждении, ибо эта компания не только не осознала, не восприняла те ценности,

которые формирует в людях наше общество, а начала с их отрицания. Потому, что на этом отрицании, на бездумном отношении к нравственному опыту старших, как к прописным истинам, они решили строить свою «исключительность». А решение это было **вынужденным**. И почему — необходимо точно, однозначно выяснить. Так как в этом и кроется ответ на тревожный вопрос всей читательской почты, который острее всего выразил в своем письме **А. МАРКОВ** из Бердянска: «Следователя, когда тот был мальчишкой, опустошителем ларьков сделал голод. Но что же и кто же сделали такими Марину и ее компаньку?»

На плечо маленького, затравленного войной и лишениями мальчика легла в свое время рука старшего друга. И мальчик сумел понять: если этот человек выстоял в лихолетье, то его словам можно верить, за ним можно идти. У Марины и ее друзей не было недостатка в поддержке: благополучные, как мы говорим, семьи, школа и, наконец, действительность — не оглушающая взрывами, а наполненная ритмами созидания. Но в этой поддержке Марину и компанию изначально заинтересовала только внешняя сторона — то материальное, что окружает нас сегодня. Да, с каждым годом все больше и больше возможности у людей улучшать свой быт. Но не только быт — достаток не может быть лишен нравственной подоплеки. Иначе он становится социально порочен, подчиняя и подавляя духовное; широкие возможности непомерно сужают внутренний мир человека. Некоторые читатели так прямо и пишут: жить стало лучше — оттого, мол, и «заелись», перестали помнить и ценить, как далась эта лучшая жизнь. Не стоит все-таки так упрощать. Никакие материальные блага не испортили человека, который поставил себе в жизни **общественно значимую цель**, — они даже помогут, ускорят продвижение к этой цели. Средства ради цели — в этом движение; средства ради средств — это уже замкнутый круг, в котором намертво заключены любые ростки духовного, нравственного. Они не прорастают в омертвевшей почве, и тогда человек становится духовным иждивенцем. И, как всякий иждивенец, потребляет легкодоступное, лежащее на поверхности, да и то истрепывает все это до неузнаваемости.

Компаний, описанная в рассказе, — в частности Марина, — взяв на вооружение мещанские руководства родителей: мол-де, нужные люди и крупные суммы покоряют мир, — оказалась на мели. Рухнули сладкие мечты о сцене (Марина), о дипломатической карьере (Валера), о космических полетах (Кронкин). Но никто в этой критической ситуации не задал себе вопроса: «Чего же я стою?» Да и не дано было, в них прочно угнездилась мысль, что цену имеют только товары. Связи — товар, смазливое личико — товар, благополучие семьи — товар. А самоанализ — это совсем не то. Он для примитивов-одноклассников, которые старательно учились, потом пошли работать или поступили в «непрестижные» вузы. Но провал есть провал, и появилась необходимость облечь его в дорогие одежды, «среднякам» недоступные. И вот тут безобидная школьная бравада избалованных юнцов стала приобретать социально опасные черты. Ибо для подтверждения собственной исключительности в условиях, когда ясно проявились их духовная примитивность и жизненная недееспособность, понадобилась уже своя мировоззренческая система. А на ее базе — активные действия. Для внедрения, для доказательства права на существование такой системы.

«ТРУДНЫЕ» ОТ СЛОВА «ТРУД»

Вернемся к эпизоду в автобусе. Когда компания веселящихся юнцов собралась выходить, кто-то сказал с горечью: «Что ж вы за люди! И откуда только беретесь!» Ребята, хихикая, бросили через плечо: «Трудные мы... Разве не знаете о таких?» Подобная бравада встречается и в письмах нашей почты, в анонимных чаще всего. Будто гордость даже проскальзывает, когда их авторы классифицируют себя таким образом.

Трудные. Трудности. Труд. Однокоренные слова, но не только: их объединяет общее значение, в котором главное — отношение к жизни, в преодолении себя, преодолении сложных обстоятельств. А тут — совершенно четкая позиция: кто-то должен преодолевать за них, за этих самых «трудных».

«Они хотят и мечтают получить сразу, то зарабатывается годами упорного труда, — признает», — пишет **В. УЛЬЯНОВ** из Тольятти. Он правильно подметил эту черту в Марине, ее дружках и им подобных. Вот только слово «мечтают» лишнее — такие и вырастают-то именно на отрицании мечты. Ведь за нее нужно бороться, нужно становиться чище, лучше. Не идти по легкому пути. А зачем же такие потери, когда можно все сразу — чужими руками. Приспособленчество тут гораздо более скрытого и опасного свойства: не к окружающим, не к семье,

школе или вузу — к обществу в целом. Оно доброе, наше общество, заботливое, готовое оказать всемерную поддержку, — вот этим-то и пользуются марины. Пользуются при полном изначальном нежелании понять его нужды и соответствовать им как активный деятель, как гражданин. «Чтобы не доходило дело до правонарушений со стороны подростков, нужно поставить такие компаньки, как в «Пределе», в условия, когда все и вся говорило бы, кричало бы им в лицо: такими вам будет трудно с людьми, а не им с вами. Надо сделать неимоверно трудными условия существования тех, кто нарушает нормы общественной нравственности», — пишет читатель **С. ПЕТРОВ** из Астрахани.

Да, нельзя, чтобы «тихие» марины существовали спокойно только лишь потому, что их действия не подпадают под закон. Ведь есть законы морали и нравственности — безнаказанно их нарушать недопустимо. Только вот нет такого официального органа — Суда нравственности. Но кара быть должна! И это забота всех людей, живущих по нравственным нормам, **ЗАЩИЩАЮЩИХ ИХ**. Есть исправительные трудовые колонии — там врачуют преступные, предательские раны, нанесенные обществу. «Тихих» же нужно врачевать, заставляя трудиться их ум и сердце. Трудиться над собой. Строить себя. Учить даже в самом малом видеть пользу для всех, а не возможность что-то «приварить» к своему малому миру. Очень верно написал о духовной ограниченности, духовном эгоизме таких «трудных» наш читатель **В. ГАЛУЩЕНКО** из г. Гурьева: «Корни духовной ограниченности кроются в смещении идеалов из сферы личностной — когда человек воспитывает в себе личность, полезную обществу, — в сферу вещественную: строительство быта, а не себя. В некоторой степени это объясняется легкостью достижения престижного материального уровня по сравнению с уровнем духовным».

Вот тут-то и вспоминается письмо нашей читательницы, приведенное в самом начале: действительно, благополучие испытывает человека на духовную прочность.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ, КОРОТКИЙ

...У кинотеатра «Россия» в Москве после просмотра фильма «Белый Бим Черное ухо» один из юнцов, желая обидеть своего приятеля, грубо сказал ему: «Ну и Бим же ты, Черный Хвост».

Комментарий к эпизоду, такой же короткий, как и он сам

Кто из нас не слышал часто из уст старшеклассников резких бравдажных заявлений: «Пушкина не люблю — устарел». Или: «Ну и сентиментальщина же!» (О фильме по Чехову, например.) Какова реакция старших в таких случаях? Ну, пожурят, попытаются объяснить: мол, классика, как можно с ней так обходиться. А задумаемся, ведь это духовная неполноценность. На этом каркасе бездуховности уже обретают свои очертания будущие «подвиги» компаньшек из «Предела». «Внешнее падение, на мой взгляд, всегда имеет предысторию внутреннюю: когда молодой человек размывает идеалы, выстраданные — не побоюсь такого сильного слова — предыдущими поколениями. Размывает, не удосужившись даже понять их истинность, их ценность», — думается, права читательница **М. ОСТАПОВА** из г. Куйбышева.

ГРАЖДАНИН СВОЕЙ СЕМЬИ

«Сын говорит мне: «Папа, ты — не последний человек в городе, все тебя знают, а дубленку мне достать не можешь». Мы не приводим фамилию нашего корреспондента, хотя он ее и не скрывал и не просил скрывать нас. Потому, наверно, что в письме его подрабуживается вопрос: что же делать с таким сыном? Он, отец, вложивший, по своему разумению, все самое хорошее в ребенка, недоумевает: что же сын вдруг перепутал ориентиры, живет тем, что чуждо семье? А не забыл ли отец в удобное ли, положенное ли время четко разъяснить сыну эти самые — антимещанские, как следует из письма в дальнейшем, — ориентиры? Не пропустил ли он тот момент, когда перестал (пусть невольно) отвечать пока еще, правда, по некоторым позициям за воспитание сына? Передоверил, передал эту ответственность в другие руки: учителям, друзьям сына, а может, уже и уличной компании. Вслед за такими письмами обычно приходят другие, состоящие сплошь из взываний о помощи и сетований на недостаточное влияние школы и чересчур достаточное — улицы. А семья?

Почему школа несет реальную и порой чрезвычайно строгую ответственность за просчеты в воспитании? Но с семьи такого строгого спроса нет. «Не пора ли призвать семью к реальной ответственности? Вызывать родителей «трудных» юнцов не только на школьные педсоветы, но и на партийные собрания на работе. Применять к ним административные взыскания за непутевых детей!» — пишет **С. АФАНАСЬЕВА** из г. Куйбышева. Административные взыскания... Может, слишком сильно, другие читатели не идут так далеко. Но все они едины в том, что семья должна нести ответственность перед государством за воспитание детей.

Все наши корреспонденты также единодушно отметили, что в судьбе Марины роковую роль сыграла ее семья. Дух стяжательства, мещанская психология, «темные» приемы для достижения цели — все это выдалось Марине за нормы жизни. Но заметим: за нормы жизни **внутри семьи**. «Воспитание же в Марине гражданских начал родители с легкостью перепоручили школе. С одной стороны, потому, уверен, что сами ничего не могли ей дать в этом направлении. С другой, к сожалению, по привычке, которая выработалась во многих, даже порядочных, хороших семьях. Мы учим детей, как вести себя в гостях, руководим их чтением, подталкиваем к занятиям спортом... А учим ли быть гражданами — вот в чем вопрос», — пишет **А. КАТЕНИН** из Киева. И как бы продолжая его мысль, читатель **В. ЗЕЛЕНОВ** из Волгограда вспоминает о своем детстве: «Отец и мать, никогда не стеснясь нас, двух братьев, не делая скидок на малый возраст, всегда обсуждали открыто свои рабочие проблемы. Спорили, что-то придумывали, звонили коллегам — и при этом были мы. Не хочу сказать, что я вырос уж каким-то исключительным, но знаю одно — таким образом они расширили для нас, ребяташек, рамки семьи — открыли нам мир, как часто говорят, взрослых проблем. И мы выросли, готовые не только к их пониманию, но и преодолению».

Закончить обзор почты, пришедшей на рассказ Виктора Шалатонова «Предел», хотелось бы словами из письма **А. СУХОМЛИНА** из Херсона: «Читал рассказ — и не мог отделиться от мысли, что соприкоснулся с чуждым миром». Думается, что и сам автор рассказа, стремясь к конкретному воспитанию, имел в виду: чтобы марины и ее дружки с самого начала своих «подвигов» оказались в изоляции, оказались **активно чужды** людям, строящим нормальную жизнь. Тогда эти юнцы **вынуждены** будут задуматься над тем, почему общество их не приемлет. И, не дожидаясь подсказки, поймут, что в деле строительства личности самое важное — требовательность к себе. Самовоспитание.

Редакция благодарит читателей, приславших письма:

А. Алексеевских из Краснодара, **Н. Андриенко** из г. Кобеляки Полтавской обл., **И. Антонову** из Свердловска, **Г. Ашрапову** из Куйбышевской обл., **В. Ацигейде** из Павлодара, **Г. Богданенко** из Ашхабадской обл., **Е. Барскую** из Москвы, **С. Борисова** из Запорожья, **А. Барынина** из Волгоградской обл., **Г. Бухарова** из Крымской обл., **Ю. Вайнштока** из Ленинграда, **Г. Ветрова** из Иркутска, **Д. Григорьева** из Одесской обл., **С. Головенко** из Актубинска, **О. Герашенко** из г. Ногинска Московской обл., **А. Горохова** из Москвы, **М. Зайтарадзе** из Боржоми, **Л. Захарову** из Гомельской обл., **И. Засимовичу** из Магаданской обл., **Н. Исаченко** из Красноярска, **Р. Колесниченко** из Латвии, **Э. Курскиева** из Магаданской обл., **П. Кобылянского** из Одессы, **В. Мокруху** из Измаила, **Р. Мельниченко** из Судака, **А. Масто** из Свердловска, **С. Молдамырдаева** из Чимкентской обл., **В. Медникову** из Ленинградской обл., **А. Мамиконову** из Ленинграда, **Т. Новикову** из Ярославля, **С. Онищенко** из Крымской обл., **К. Орлову** из Мурманска, **А. Полосина** из Липецка, **Е. Простакова** из Москвы, **А. Рогачева** из Ленинск-Кузнецкого, **Н. Рубионова** из Сургута, **Ю. Самарца** из Кривого Рога, **И. Стоянова** из Киева, **Г. Скрыпова** из Минска, **Г. Суховских** из Кемеровской обл., **В. Тараканова** из Брянска, **В. Устинова** из Московской обл., **З. Ханину** из Смоленской обл., **О. Цыганову** из Магадана, **А. Чайкина** из Кемеровской обл., **А. Шнырина** из Куйбышева, **Л. Якимовича** из Минской обл.

Эльвира ТОЛКАЧЕВА,
мастер спорта
международного класса

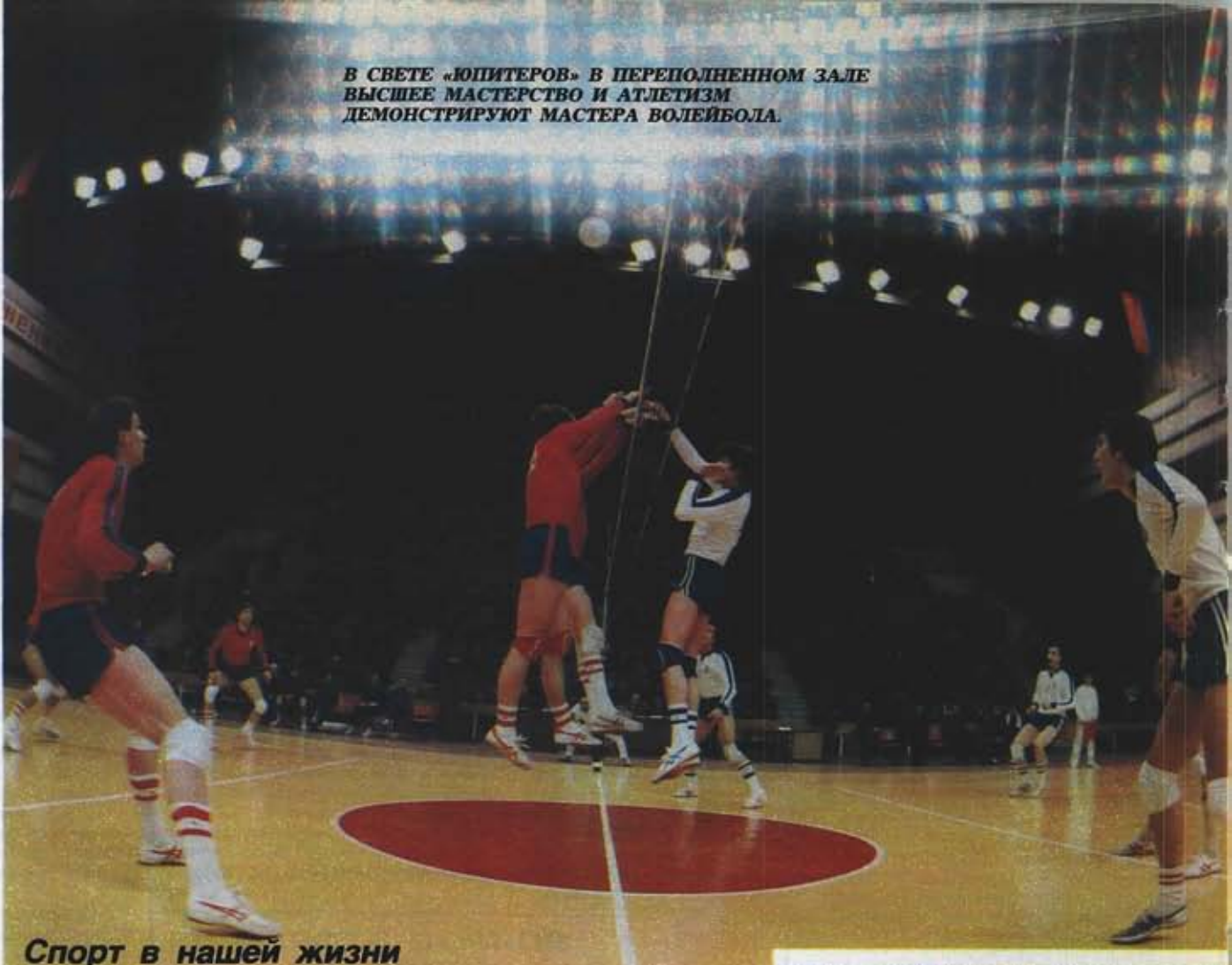
Не могу себе представить человека, ни разу не игравшего в волейбол. Пусть не доводилось кому-то принимать участие в соревнованиях, пусть даже кто-то никогда не выходил на площадку с сеткой. Но чтобы не поиграл в «кружке», на пляже или на даче, во дворе с сыном или дочкой, в обеденный перерыв на заводе или фабрике, в школе на перемене, в студенческом стройотряде? Нет, такого человека я себе представить не могу!

Волейбол многолик — этим все сказано. Извечный спор атаки и обороны рождает хитроумнейшие тактические замыслы. Комбинации с отвлечениями, в ходе которых в воздух одновременно взлетают три, четыре игрока, давно уже стали нормативными для ведущих классных команд, а между тем нет в мире и двух команд, которые одинаково выглядели бы на площадке.

Другой уровень волейбола — массовый, любительский. И вся прелесть игры состоит в том, что азартом и радостью борьбы в ней не обделен никто. Возраст здесь не помеха. Потому-то и летает мяч над сеткой в любом из только начинающих отстраиваться поселках БАМа. Потому-то, знаю, и солидные ученые мужи, отложив на время свои проблемы, собираются раз-другой на неделе, чтобы ощутить пьянящее чувство свободы движений.

...Когда Уильяма Моргана, преподавателя физкультуры небольшого американского колледжа в Холиоке, осенила идея и он, приподняв на столбах обычную теннисную сетку, предложил учащимся поиграть через нее камерой от баскетбольного мяча, менее всего его волновал престиж изобретателя новой игры.

**В СВЕТЕ «ЮПИТЕРОВ» В ПЕРЕПОЛНЕННОМ ЗАЛЕ
ВЫСШЕЕ МАСТЕРСТВО И АТЛЕТИЗМ
ДЕМОНСТРИРУЮТ МАСТЕРА ВОЛЕЙБОЛА.**

Спорт в нашей жизни

МЯЧ НАД ЗЕМ

**КАКОЙ
МОЖЕТ БЫТЬ ОТДЫХ
БЕЗ ВОЛЕЙБОЛЬНОГО МЯЧА?**

Футбол тогда уже существовал. Теннис и баскетбол — тоже. Конкурировать с ними? Нет-нет, Морган и не помышлял об этом. Задача его была куда как скромна: привлечь к занятиям физической культурой тех своих учеников, что были весьма далеки от каких-либо спортивных увлечений.

Так вот и зародился волейбол. На исходе XIX века игра выглядела, конечно, простоватой: ну что сложного, перебрасывая руками мяч через сетку, не дать ему приземлиться на своей половине? Немало прошло лет, прежде чем волейбол превратился в игру быструю, раскованную, азартную, какой мы ее знаем сегодня. Но и годы НТР не убили в ней главного ее достоинства — доступности. Сегодня люди самого различного

возраста состязаются в ловкости и подвижности, и это никак не сопряжено с необходимостью иметь дорогостоящее оборудование или инвентарь.

Возможно, волейбол потому так и популярен, что до определенного момента, точнее, до определенного уровня мастерства, он решительно не приемлет разделения игроков на сильных и слабых. Размежевание происходит позже, по мере постижения тонкостей большого волейбола, пока же, на любительском уровне, у каждого есть возможность проявить свои лучшие игровые качества.

Рослый и прыгучий, несомненно, выделяется удачной своей игрой в нападении. Малыш недостаточно яркую игру у сетки компенсирует самоотверженностью в защите. Третий лучше других владеет искусством передачи, а выход четвертого на подачу всегда чреват для соперников неприятностями. Впрочем, замечала, что зачастую и не в умении дело. Любительские команды редко когда составляются из случайных лю-

дей. Играют, представляя бригаду или студенческую группу, сообщество людей, связанных общими интересами либо привязанностью многолетней дружбы. Тут уж не знаешь, что важнее для играющих — счет партий, хотя сражаются отчаянно, или предоставленная возможность для утверждения себя. Часто даже не в глазах других, в своих собственных.

Волейбол каждому позволяет попробовать себя в спортивном деле. Не потому ли и стал он игрой миллионов?

Говорят, статистика знает все. Она и подсчитала, что только у нас в стране более шести миллионов людей всем другим спортивным увлечениям предпочитают игру у сетки. Занялась подсчетами и Международная федерация волейбола, объединяющая под своим флагом спортсменов более 120 стран. Ее данные оказались не менее впечатляющими: выяснилось, что на земном шаре более шестидесяти миллионов человек отдадут свой досуг непритязательной когда-то игре.

Мы — я позволю себе говорить и от имени ветеранов — познакомились с волейболом в начале нелегких для нашего государства двадцатых годов. Игра понравилась своей демократичностью и непритязательностью. Впрочем, выбирать тогда особенно и не приходилось. Ветераны рассказывают, что в те годы мяч и сетка выглядели своего рода предметами роскоши. Но сетку можно было сплести — легендарный наш волейболист Владимир Иванович Щагин в детстве так и делал. Мяч, латаный перелатанный и в конце испускавший дух, можно было набить тряпьем. Играли где могли и как могли, но зато позже, когда и жизнь у нас после войны нала-

дилась и появилась возможность для первых спортивных контактов, тут только и выяснилось, что и в волейболе, как во многом другом, мы преуспели немало.

К первым чемпионатам мира, а они состоялись в 1949 году (у мужчин) и в 1952-м (у женщин), мы пришли явными фаворитами. Мы и выиграли эти соревнования, удивив спортивный мир богатством содержания игры, всем вроде бы давно знакомой. Волейболу нужен был лидер, и он его получил. Только после этого в ряде стран и состоялось второе рождение игры. На сей раз причастным к этому знаменательному событию оказался наш отечественный волейбол.

Конечно, мы хотели оставаться первыми, но первыми среди самых сильных. Потому и помогали всем, кто старался дотянуться до высокого нашего уровня.

Любители спорта наверняка помнят то время, когда в конце 50-х годов за выступлениями наших гимнастов и волейболистов, педантично фиксируя на пленке каждый технический элемент. Прилежные и трудолюбивые, японцы оказались неплохими учениками. Это их волейбольный тренер, знаменитый впоследствии Херафуми Даймацу, досконально изучив методику наших тренировок, произнес известные в волейбольном мире слова: «Следуйте за мной» — и привел-таки своих воспитанников из клуба «Ничибо» к большим победам.

«Тайфун из Японии» заставил нас временно отступить. Но внакладе не остался никто. Волейбол-то двинулся вперед, обогатившись склонной к быстрой, а временами и сверхбыстрой

комбинационным действиям у сетки азиатской манерой игры. Волейбол только богател, когда рассудительные, склонные к рациональным решениям спортсмены Чехословакии придумали прием мяча «на манжеты», а волейболисты ГДР первыми проверяли возможности игры на сверхвысоких передачах.

Да, нам приходилось отступать и догонять, но, словно испытывая свои лидерские способности, советский волейбол выводил на орбиту большой игры новые и новые силы. На только что добившейся свободы Кубе с волейболом была знакома лишь горстка людей, когда за дело там взялся известный наш специалист Иван Григорьевич Дьячков. Это под его руководством бакинский «Буревестник» выиграл в конце 50-х годов крупнейший всесоюзный турнир, задолго до японцев продемонстрировав большие возможности темповой игры. Такой волейбол, судя по всему, пришелся по нраву и прекрасно координированным кубинцам. В число сильнейших спортсменов острова Свободы выдвинулись довольно скоро, но тогда, в самом начале пути, могли ли кубинцы предполагать, что придет время и их женская сборная в борьбе за звание чемпионки мира переиграет едва ли не самую титулованную команду мира — сборную СССР.

В какой-то мере и я оказалась причастной к акциям доброй воли советского волейбола. Наконец-то проявили интерес к игре и североамериканцы, пригласившие нас в 1965 году совершить турне по Канаде. Уверена, что уроки мастерства заокеанским спортсменам могла бы преподать любая ведущая наша клубная команда. Но американцы решили: учиться, так непременно у самых сильных, — и оговорили участие в това-

рических и показательных матчах мужской и женской сборных СССР.

Две недели колесили мы по Канаде, и все это время вместе с нами путешествовали спортсмены США и Канады. По утрам они наблюдали за нашими тренировками, вечерами же пытались состязаться с нами в мастерстве. Говорю «пытались», потому что удавалось в то время североамериканцам немногое, и нам частенько приходилось проводить двусторонние игры, выходя на площадку в одной команде с канадскими спортсменами.

И знаете, это производило сильное впечатление на публику. А зрителей местные крытые залы собирали, как говорится, по макушку. Притерлись, вероятно, фразы о том внимании, какое мы — советские люди — ощущаем к себе за рубежом. Нас тормозили, забрасывали вопросами, останавливали на улицах, приглашали домой. Для канадцев мы были людьми из другого, судя по вопросам, неведомого им мира, и я уверена: как ни коротки были наши встречи с жителями Канады, правдивой информации о нашей стране канадцы в это время получили немало.

Какой же в конечном итоге оказалась спортивная сторона этого турне? Тогда мы, конечно же, выиграли все матчи. Но, полагаю, еще больше выиграли американцы, уловившие, кажется, вкус чьего-то похожей на мушкетерские выпады игры.

Япония, Болгария, Китай, США, Польша, Куба... Я перечислила далеко не все страны, перенимавшие в свое время наш опыт игры. Теперь они все настойчивее соперничают с нами в крупных международных соревнованиях. Не досадно ли это? Уверена, нет. Приятно ведь сознавать, что волейбольный бум,

царящий сейчас на планете, вызван нашими же усилиями. Приятно сознавать, что всеобщий интерес к игре не временное явление. Мы доказали всему спортивному миру, что волейбол интересен во всех своих проявлениях: как прекрасное средство укрепления здоровья, как увлекательное занятие для играющих и, наконец, как захватывающее зрелище для зрителей.

Все это, правда, не означает, что у законодателей «волейбольных мод» нет проблем. Есть, и немалые. Все самые громкие титулы сильнейшей команды мира завоевала мужская сборная СССР. Звание олимпийских чемпионов сохраняют за собой и советские волейболистки. Но время идет, соперничество возрастает, и вот уже смена поколений в ведущих наших командах диктует настоятельную необходимость подготовки технически более образованного резерва.

Наличие разветвленной сети детско-юношеских спортивных школ и неплохо организованного массового волейбола многие годы позволяло нам безболез-

МАТЧ — ЭТО ЕЩЕ И ИСПЫТАНИЕ НЕРВОВ. «ТАЙМ-АУТ» ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ.

ненно решать эту проблему. Мы традиционно были сильны атакой да и в физической подготовке выглядели сильнее соперников. Но волейбольный бум сделал свое дело. Зарубежные тренеры подтянули отстающие компоненты игры, вывели на площадку одаренных рослых спортсменов, и теперь исход встречи все чаще решает не сила удара — в особой цене ныне техническое и тактическое мастерство волейболистов.

Наши мужчины, собственно говоря, и задали тон такой игре. Так что для них главное — остаться на высоте положения. А вот в женском волейболе мы, признаться, поотстали. Рослых нападающих нашли, а игру в нападении, технически прежде более совершенную, упустили. Во многом потому, что уже в юношеском возрасте пытаемся будущее спортсмена определить с помощью его ростовых данных. Но талант измеряется не сантиметрами, как и воспитывается он не с помощью натаскивания, а кропотливым, серьезным трудом.

Впрочем, остановлюсь. Проблема подготовки резервов всегда обозначалась остро на переломных этапах развития отечественного волейбола. Случалось, мы отступали, но ведь и возвращались на передовые позиции. Теперь нам предстоит добиваться того же. Но не на пустом же месте. Богатейшие традиции — это наше подспорье в работе. А миллионы увлекающихся волейболом людей — настоящая и будущая игра, переживающая свой расцвет.

НЫМ ШАРОМ

И ЛЕТОМ И ЗИМОЙ НЕ УТИХАЮТ ВОЛЕЙБОЛЬНЫЕ СТРАСТИ.

Сто лет назад, в 1883 году, в Японии было издано первое произведение русской классической литературы — «Капитанская дочка» А. С. Пушкина в переводе Такасу Дзискэ. Вековой путь русской, а затем и советской литературы на японском языке — яркий пример благотворности литературных связей, жизненной необходимости культурного взаимодействия. Предлагаем вниманию читателей заметки известного японоведа и поэта-переводчика Анатолия Мамонова и некоторые из иллюстраций художника Тайсо Ёситото, помещенных в первом японском издании «Капитанской дочки».

ПОЙМАЕТ ЛИ САХОКО ЖАР-ПТИЦУ?

В шумном лабиринте улочек Икэбукуро — района японской столицы, воспетого в модной эстрадной песенке, почти отовсюду виден шестидесятиэтажный прямоугольный кристалл недавно построенного небоскреба. Ориентируясь на него, нетрудно отыскать небольшое здание книготорговой фирмы «Наука».

Она уже полстолетия успешно рекламирует и распространяет в Японии книги советских авторов, писателей социалистических стран. Ее основатель — журналист Отакэ Хирокичи — неоднократно бывал в Советской России в качестве корреспондента, знал русский язык и даже переводил труды классиков марксизма-ленинизма, за что и поплатился тюрьмой в мрачные годы предвоенной реакции. Вскоре после войны фирма возобновила свою деятельность и ныне пользуется в стране заслуженной известностью, которую создали ей не только несколько миллионов экземпляров проданных советских книг, но и советские газеты и журналы, поставленные ею практически во все города Японии. И вот ее-то штаб-квартиру в Икэбукуро я и нашел наконец прочитав неброскую вывеску.

...Танабэ Сахоко говорит по-русски, старательно сохраняя столь свойственное иностранцам-русистам грамматически четкое построение русской фразы.

Танабэ в середине шестидесятых окончила русское отделение литфака токийского университета Васэда. Некоторое время работала в торговой фирме, потом поступила в аспирантуру, пройдя полный курс под руководством профессора Кимура Сэйти, избранного позднее членом Международного комитета славистов.

Не одна Сахоко стала горячей поклонницей таланта русских писателей. «Тогда многие студенты читали русскую литературу, как дети», — задумчиво говорит собеседница. «Как это понять?» — удивляюсь я и слышу знакомое объяснение: они читали кни-

ги русских авторов, чтобы найти ответ на многие вопросы, которые ставило перед ними время. Они хотели понять, как жить. Правда, нынешняя молодежь все меньше обращается к литературе как к учителю жизни. И вообще меньше читают сейчас серьезную литературу. Конечно, не русскую классику, уточняет Танабэ, а художественную литературу вообще. Одна из причин этого — так называемая «массовая культура», ее отрицательное воздействие на умы молодежи. Резко изменил привычный уклад жизни японца «голубой дьявол» — телевизор.

Незадолго до нашей встречи радиокорпорация Эн-Эйч-Кэй провела общественный опрос. Выяснилось, что свыше 80 процентов опрошенных «приковываются» к телевизорам ежедневно. До чтения ли тут! Есть любопытные цифры и по книжной тематике. Оказывается, лишь 3,1 процента японцев в возрасте от 10 до 69 лет прочитывают еженедельно более одной книги. Тех же, кто вообще не держит в руках книгу, набралось 62 процента.

Возвращаясь к студенческим годам Сахоко, интересуюсь, какой была тема ее дипломной работы.

— «Руслан и Людмила». Тогда еще в Японии не было перевода этой поэмы.

— А что побудило вас обратиться именно к ней?

— Передо мной никогда не стояла проблема выбора русского писателя для дипломной работы: я считала, что им должен быть только Пушкин. А «Руслан и Людмила» — первое его произведение, с которым я познакомилась. Помню, когда я читала поэму, меня поразило ее, как бы это выразиться, необычайно просторный мир. Ее герои захватили меня, она очень мне понравилась. В поэме «Руслан и Людмила», мне кажется, Пушкин хотел выразить душу России...

— В аспирантуре тоже Пушкиным занимались?

— Я писала о «Медном всаднике», о «Домике в Коломне». А сейчас изучаю «Евгения Онегина».

— Вы, конечно, читали Пушкина на

русском. Но есть и переводы. Например, «Медного всадника» на японский язык переводили многократно. Какой из переводов, на ваш взгляд, наиболее удачный?

— Выполненный профессором Кимура Сэйти. Этот перевод вошел в недавнее шеститомное собрание сочинений Пушкина.

— В чем его достоинство?

— Очень современный. Как и новейший перевод «Евгения Онегина» — тоже работа Кимура Сэйти.

— Вы тоже, разумеется, переводите? И стихи пишете?

— Пишу, да. И перевожу немножко. Недавно издательство «Обунся» выпустило в моем переводе сказку «Черная курица, или Подземные жители». Погорельского, друга Пушкина. Хотелось бы что-нибудь перевести и из Пушкина, но пока это лишь мечта.

— Чем объяснить, что нередко, и порой одновременно, выходят разные переводы на японский язык известных произведений?

— Основная причина имеет чисто коммерческую подоплеку. Книжный рынок постоянно нуждается в новой продукции. Есть и еще причина: уж очень быстро устаревают переводы. Может, это японская специфика — стремительное обновление литературной речи. Во всяком случае, у нас всегда предпочитают более современный перевод.

— Как вы оцениваете переводы пушкинской лирики на японский язык?

— Мне еще трудно понимать пушкинский стиль и сложно читать пушкинские стихи в оригинале, поэтому я не могу точно сказать, как надо переводить Пушкина. Знаю только, что его поэтическая речь необычайно богата и образна, его каждое слово — емкое, лаконичное — несет большую смысловую нагрузку. Поэтому надо много слов добавить, чтобы по-японски передать всю красочность и многозначность пушкинского слога.

Впервые о Танабэ Сахоко я услышал в Токио от профессора Кимура Сэйти, с которым незадолго до того

познакомил меня его друг и младший коллега Икэда Кэнтаро, автор известных в Японии книг «Чехов» и «Жизнь Пушкина».

— Как вы оцениваете будущее ее научной деятельности? — спросил я профессора.

— Перспективы, прямо скажу, мрачные. Если Сахоко и станет кандидатом филологических наук, ей все равно не найти работы по призванию. Почти нет институтов или каких-либо других учебных заведений, где читался бы специальный курс лекций по русской литературе. Они буквально наперечет: токийский университет Васэда, Токийский институт иностранных языков, Осацкий институт иностранных языков. Пожалуй, это и все. А аспирантов много.

Выяснилось: вакансий нет, но желающих посвятить себя изучению русской литературы предостаточно, не говоря уже о студентах, которые хотели бы слушать курс лекций по русской литературе.

— Как правило, студенты-русисты после четырехлетнего курса бросают изучение русского языка, потому что не находят применения своим знаниям, — продолжал профессор Кимура. — Поэтому я и сказал, что у моей аспирантки Танабэ Сахоко мрачные перспективы, хотя она и наделена несомненным литературным даром. Пример тому — ее перевод «Черной курицы». По-моему, этот перевод очень удачный. Я настоятельно рекомендовал ей пробовать силы в области перевода детской литературы. Как переводчица она еще сможет поймать свою жар-птицу, а вот как ученый, исследователь русской литературы, пушкинского творчества, — сомневаюсь.

Кто знает, может, пророчество умудренного жизнью профессора и не сбывается, и его бывшая аспирантка сумеет сказать свое слово в японской русистике — и как переводчик и как исследователь. Я думал об этом у станции метро Икэбукуро, прощаясь с милой женщиной, говорящей по-русски и любящей русскую литературу, — с Танабэ Сахоко...

ПРОЗА

Шараф Рашидов

ВЕЛЕНИЕ
СЕРДЦА

По велению сердца

Новая повесть Шарафа Рашидова «Веление сердца» («Молодая гвардия», 1983 г.) воссоздает напряженную атмосферу первых месяцев Великой Отечественной войны. Жизнь людей резко изменила свой ритм, свое внутреннее содержание; всем — от мала до велика — предстояло раскрыться в сложнейших условиях, проявить себя как ЛИЧНОСТЬ.

И вот — деревня Березовка, место действия повести. Здесь, на этой малой частице советской земли, читатель увидит отражение происходившего в стране в грозный час. Взрослые жители Березовки уходят в партизаны; юные герои повести — Сережа, Ирина и Тарас — хотя бы с ними рядом, обрести свое место в справедливой борьбе. Им предстоит пройти трудную школу взросления, образовываться и закалять характеры среди смертей и свиста пуль. И автор с глубоким пониманием юношеской психологии показывает ребят в экстремальных условиях. Какие они еще дети, постоянно напоминают он читателю, и каких недетских решений и поступков потребовало от них время. Не сразу благородное намерение ребят бороться с врагом находит свой реальный выход — конкретные задания старших дисциплинируют их, учат суровым законам конспирации. Одним словом, юношеский максимализм и запальчивость уступают место обдуманному и взвешенным действиям. И вот результат: ребята помогают партизанам освободить арестованных жителей деревни, добывают ценные документы из гитлеровского штаба.

Не только время, грозное и героическое, высветило в ребятах душах благородные порывы. Школа, нравственный пример взрослых, сами устои нашей жизни — это должно было проявиться в юных героях повести рано или поздно, и в этом основная мысль произведения. Ведь недаром их учитель Иван Иванович в юности бился с басмачами, утверждая в Средней Азии новую жизнь; идея преемственности поколений пронизывает его отношения с ребятами. Как идея интернационализма — отношения юных героев с воином-узбеком Темировым.

Вчитываясь в повесть, ощущаешь авторское тяготение к символу, ибо деревня Березовка действительно символизирует образ всей страны, нашего наро-

да, который, пережив годы испытаний, выстоял и победил.

Прежде, чем выйти отдельной книгой, повесть была опубликована в журнале «Дружба народов», № 11, 1982 года — в переводе, сделанном поэтом-фронтовиком Сергеем Баруздиным.

Большая почта в редакции уже свидетельствует об интересе читателей, в том числе молодых, к произведению. И это понятно: будучи как бы исповедью поколения молодости писателя (сам он был комсоргом батальона, сражавшегося в местах, где происходит действие произведения), повесть прямо адресована юному современнику, звучит страстным призывом служить самым передовым, самым гуманным идеям нашего времени.

Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ,
доктор филологических наук,
лауреат премии Ленинского комсомола
Узбекистана

НАУКА

Быть на Земле
человеком

Наверное, где-то во Вселенной есть планеты, по сравнению с которыми колыбель наша, Земля, в чем-то и проигрывает. Но «она кровно близка нам, ибо она — это и мы сами. Она — источник нашей радости и всей нашей жизни, поле наших вечных исканий и находок, счастья и здоровья. Понять, осознать это — главное сегодня для всех нас, людей Земли». Об этом «главном сегодня для всех нас» — книга И. Лаптева «Испытание разуму» («Педагогика», 1983 г.), вышедшая в серии «Ученые — школьнику».

Небольшая, изящная и в точном соответствии с главной мыслью оформленная книга вовлекает читателя в разговор серьезный, глубокий, но очень доверительный по тону, разговор, на очень многое открывающий глаза, но не грешащий назидательностью, эмоционально приподнятый, взволнованный, но в своей приподнятости не переходящий в навязчивый, сохраняющий всю привлекательность искренности. На небольшой площади, случается, буквально на одной странице, а то и в одном предложении, автор легко и естественно оперирует фактами из древнейшего прошлого, нашего настоящего, заглядывает в будущее. Это — лучшее доказательство глубокого знания материала, умения мыслить, опираясь не на отдельные, пусть и эффектные случаи, а имея в виду весь исторический путь, пройденный человечеством в своих взаимоотношениях с природой.

Проблемы взаимодействия человека и природы, ответственности человека, который благодаря своему «абсолютному оружию» — разуму сравнялся с нею силами и мощью, были уже темой многих публикаций, книг. «Испытание разуму» можно выделить среди них своим четким и, если хотите, неуступчивым

посылом — отношение к природе сегодня должно быть глубоко нравственным. Равнодушный, хищнический подход к ней — свидетельство безнравственности, моральной незрелости, убогости или попросту темноты. Технический и интеллектуальный уровень человечества должен иметь под собой прочную морально-нравственную основу. Когда разум отрывается от нее, он в слепой, высокомерной упоенности своим могуществом начинает угрожать... самому существованию человечества, ставя под угрозу жизнь всей планеты. Понять эту закономерность, обуздать свои безудержные порывы, постоянно соотносить свои намерения с благом всего живого на планете — вот какое испытание предстоит сегодня разуму человеческому. Согласитесь, испытание непростое.

Книга И. Лаптева не затухает в нейности трудности задачи. В ней много фактов и примеров трагических и суровых, свидетельствующих о том, как нелегко дается человечеству нравственное отношение к окружающему миру, какие невосполнимые потери понесла жизнь из-за его легкомыслия, корыстности, бездумной жестокости. Но она и убеждает: жизнь человека и природы может быть исполнена подлинной гармонии. И когда человечество разорвет все разделяющие его границы, преодолит сковывающие его предрассудки, расцветет могучего разума человека приведет к расцвету всего живого на нашей прекрасной и единственной во всей Вселенной планете, называемой гордо и нежно — Земля.

Игорь МУСИН

ПУБЛИЦИСТИКА

Провокаторы
без маски

Сборник «С чужого голоса» (издательство «Московский рабочий», 1982 г.) посвящен актуальной и важной теме: разоблачению подрывной деятельности, которую ведут против Советской страны западные секретные службы, используя разного рода отщепенцев, встречающихся еще в нашей среде. Мне кажется, основным достоинством книги является то, что приводимые в ней факты точно раскрывают неприглядный облик тех, кто за доллары подкинул избрал для себя позорную роль — клеветать на собственную страну, на свой народ, наносить ущерб Советскому государству словом и делом.

Авторы сборника знакомят нас с разношерстной компанией провокаторов — от изуворовактов до «самиздатовских» клеветников, от воинствующих сионистов, опутывающих сетями лжи легковверных, до вчерашних власовцев и бандеровцев, сегодня изображающих из себя «узников совести»... Общее у всех этих лодышек одно: злобная, неистовая вражда к социалистическому строю, готовность пойти на любые пре-

ступные действия, на любые формы сотрудничества с подрывными службами Запада. И неудивительно, что, сделав один шаг по пути предательства, клеветники и провокаторы делают следующий. Начав с фабрикации наскозов лживых, лицемерных «заявлений» и «обращений», переходят к прямой шпионско-диверсионной работе.

Скажу откровенно: ни у нас в коллективе депо Москва-Сортировочная, ни на многих предприятиях, где по роду работы приходилось бывать, не встречал я таких, о которых рассказывается в статьях сборника. Конечно, они ничтожное меньшинство. Но значит ли это, что можно преуменьшать опасность их фальшивой пропаганды? И еще другое приходит на ум, когда читаешь книгу «С чужого голоса»: радиопередачи на Советский Союз, для которых поставляют информацию доморожденные антисоветчики, ведут весьма опытные, профессионально изощренные мастера лжи. И нет-нет, а может клонуть на их уловки кто-то. Вот почему я считаю полезным и нужным тот разговор, который очень доказательно, привлекая обширный материал, ведут авторы сборника — Б. Антонов, А. Астапов, А. Белов, Т. Гладков, Л. Гусев, В. Кассис, Л. Колосов, В. Магидсон, В. Михайлов, М. Юрченко, М. Пучковский. О приемах и методах таких пропагандистско-диверсионных центров, как «Голос Америки», «Свобода», Биби-си, «Немецкая волна» и прочие, рассказано со знанием предмета и с публицистической страстью.

В книге приводятся слова из постановления Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Наш долг — противопоставить подрывной политической и идеологической деятельности классового противника, его злобной клевете на социализм непоколебимую сплоченность, могучее идейное единство своих рядов, глубокую убежденность и политическую бдительность каждого советского человека, его готовность защищать Родину, революционные завоевания социализма». Воспитанию именно такого отношения — активного, глубоко гражданственного, основанного на убеждениях и знании — служит изданная «Московским рабочим» книга, сбрасывающая маску с идеологических диверсантов.

Николай ЛОГУНОВ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады депо
Москва-Сортировочная

Хранители

Шел 1918 год. Открытая военная интервенция Антанты в союдинении с внутренней контрреволюцией огнем и голодом пытались задуть молодую Республику Советов. «Но нами владел высокий революционный пафос! Мы спасали ценности, которые оставались в имениях, в безлюдных помещичьих домах. Нас называли тогда любовно — эмиссарами», — вспоми-

нает бывший многие годы директором музея-усадьбы «Абрамцево» заслуженный работник культуры РСФСР Н. П. Пахомов.

В эти тревожные дни в номере «Правды» от 6 ноября 1918 года появилось короткое сообщение об открытии постоянной выставки-музея произведений искусства, «освобожденных пролетарской революцией из царских дворцов, помещичьих усадеб, монастырей и особняков». Мысль об устройстве выставки принадлежала выдающемуся русскому советскому художнику и искусствоведу, одному из основоположников музейного дела в СССР — академику И. Э. Грабарю. А непосредственным поводом для ее создания послужило то, что незадолго до этого, 30 августа 1918 года, из села Ивановского Курской губернии — из самой глубокой охваченной войной, разрухой и волнениями России — с невероятным трудом и риском было вывезено в Москву уникальнейшее художественное собрание Марьинского дворца, принадлежавшее до революции князьям Барятинским.

Выставленные в залах памятного теперь очень немногим старым москвичам дома Берга на Арбате (на месте нынешнего здания Театра имени Евг. Вахтангова) 228 произведений демонстрировались здесь довольно долго — до весны 1919 года. И в суровую военную зиму 1918/19 года, когда многие важные заводы, предприятия и учреждения столицы не отапливались, в выставочный зал в доме Берга топливо завозилось регулярно. «Молодая Советская власть на деле приобрела широкие массы трудящихся к высоким достижениям мирового искусства — к шедеврам, «освобожденным» из частных коллекций».

«Эмиссары восемнадцатого года» («Московский рабочий», 1981 г.) — так назвал свою новую книгу Евграф Кончин, журналист по профессии и человек, влюбленный в искусство. Он посвятил ее первым советским музейным работникам Москвы, их самоотверженному труду и бескомпромиссной преданности делу, людям, в чрезвычайно сложные годы становления советской культуры совершившим, по словам А. В. Луначарского, «чудо».

Эмиссары восемнадцатого... «Кто знает их хотя бы по фамилии? Их подвиг в годы гражданской войны?.. В своем очерке, — пишет автор, — я попытался в небольшой мере ответить на эти вопросы... Причем на конкретном документальном материале». Документальность и определила своеобразие и познавательную ценность книги Е. Кончина. Неволя поражаясь обширнейшему материалу, которым оперирует автор. За созданной книгой — несколько лет напряженной, увлекательнейшей работы исследователя в архивах и библиотеках, сотни изученных документов, десятки встреч.

Т. Г. Трапезников, А. В. Грищенко, В. Я. Раевский, Н. П. Киселев, С. К. Репина, десятки других энтузиастов, спасших, сохранивших, приумноживших для нынешних и будущих поколений уникальные художественные ценности, — все это люди, которым вместе с автором низкий благодарный поклон хочется принести и читателю.

...Как часто, любящая выдающимися творениями человеческого гения, мы даже не задумываемся над тем, каким образом то или иное произведение попало в музейные залы, какие события, обстоятельства и люди связаны с этим. Книга Е. Кончина заставляет задуматься; она — как слова благодарности.

Дмитрий ПУНГЕ

П. СОКОЛОВ-СКАЛЯ. «КРАСНОДОНЦЫ».

ЭТО БЫЛО В КРАСНОДОНЕ

Евгений МИРКОВСКИЙ,
Герой Советского Союза

Есть имена, при одном упоминании которых сильнее бьется сердце. Молодогвардейцы!.. Святая страница истории нашего Отечества, слава и гордость Ленинского комсомола.

Сорок лет назад, 13 сентября 1943 года, Указом Президиума Верховного Совета СССР руководителям комсомольского подполья в Краснодаре были присвоены звания Героев Советского Союза. И каждый, кто сегодня обращается к подвигу молодогвардейцев, невольно спрашивает себя: «А я бы выдержал, смог вот так же, как они?..»

Их хотели согнуть, сломать, поставить на колени. Не вышло! «Чем жить на коленях, лучше умереть стоя», — часто повторял своим друзьям-подпольщикам бесстрашный комиссар «Молодой гвардии» Олег Кошевой. Они так и умирали — с гордо поднятой головой, бросая в лица своих палачей слова презрения.

Но сначала была жизнь, была борьба. «Присматривай еще ребят, годных к делу, таких, что покремнистей», — говорил Олегу коммунист Валько, когда фашистские вояки, словно стадо диких зверей, ворвались в Краснодар. Ребят, твердых, как кремь, готовых до конца стоять за честь и свободу Родины, нашлось немало. Более ста человек объединяло краснодонское комсомольское подполье.

Они были разные. Серьезный, обстоятельный Иван Земнухов, секретарь школьной комсомольской организации, отличник, его так и звали — «профессор». Отчаянный до дерзости Сергей Тюленин, которого за

его «шуточки» чуть было не исключили из школы. «Тюленин в юбке» — Любовь Шевцова, неунывающая «Любка-артистка». Сдержанная, внутренне собранная, с душой, открытой красоте и поэзии, Ульяна Громова.

Да, они были разные, но всех их, еще до войны и когда она грянула, роднили нравственная чистота, высокая мечта о подвиге во имя Отчизны. Их кумирами были революционеры, герои гражданской войны, Павлик Корчагин.

Они росли, когда на всю страну гремели имена ударников первых пятилеток, отважных летчиков, полярников. Летчиком хотел стать Сергей Тюленин, Люба Шевцова — актрисой, Олег Кошевой — инженером. Но когда весь этот прекрасный, светлый мир осквернялся, расплывался кованым фашистским сапогом, у них была одна цель, одна клятва — беспощадно мстить врагу за сожженные, разоренные города и села, за кровь советских людей, за мученическую смерть земляков-шахтеров.

В захваченном гитлеровцами городе, рискуя быть схваченными оккупантами и их прихвостнями, комсомольцы жили по законам советского времени. Вот и на картине художника запечатлен волнующий, памятный момент: молодогвардейцы слушают голос Москвы, голос правды и надежды. Радостью светятся лица, в суровой сдержанности, словно слушая боевой приказ, застыл у стола Иван Туркенич, командир подпольной комсомольской организации.

Это было 6 ноября 1942 года. А на другой день, в праздник 25-й годовщины Великого Октября, на самых высоких зданиях города, на страх врагам и на радость людям реяли красные флаги, вывешенные молодогвардейцами.

Бойцы «Молодой гвардии» не сомневались в победе советского народа и делали все возможное для ее приближения: распространяли листовки, совершали

дерзкие операции. Предательство подлого труса не позволило большинству из них дожить до счастливого дня освобождения.

«И хотя члены боевой организации «Молодая гвардия» погибли в борьбе, они бессмертны, потому что их духовные черты есть черты нового советского человека, черты народа страны социализма», — писал в 1943 году в «Правде» Александр Фадеев.

Позже, читая его знаменитый роман о молодогвардейцах, я поражаюсь, как точно и ярко воссоздал писатель характеры, этапы борьбы. В образах молодогвардейцев узнавал и черты знакомых мне комсомольцев-подпольщиков из Житомира. Они горели той же ненавистью к врагу, тем же страстным желанием разить захватчиков.

Так же, как Олег Кошевой, искал связей с партийным подпольем житомирский студент Владимир Плотницкий, который стал секретарем подпольного райкома комсомола. Смело и отважно действовали его товарищи — Иван Шинальский и Василий Гриневич, своей находчивостью схожие с Сергеем Тюлениным. Им удавалось минировать военные эшелоны, когда те были плотно оцеплены немецкими часовыми. А сколько трудных операций провели другие молодые подпольщики, сколько ценных данных для нас, партизан, добывали храбрые девушки Катя Левончук, Леся Шанюк!

Подвиг героев не умирает. Герои Краснодона вдохновляли борцов за свободу Кубы, Вьетнама. Их подвиг живет в борьбе молодых патриотов Чили, Сальвадора.

...Краснодон. Сюда едут молодые люди со всех концов Земли. О самом святом, самом сокровенном думаешь здесь, где жили и сражались героико-комсомольцы. Их подвиг учит любить жизнь, Родину. Учит мужеству, верности долгу, немеркнущим идеалам отцов.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

СУВЕНИРЫ ИЗ ЛАВЫ

Вулкан Этна извергает лаву, приток туристов в окрестные города резко сократился, поэтому многочисленный штат отелей, ресторанов, баров оказался в положении безработных. Некоторые нашли выход: одетые, как сталевары, в защитную одежду, они поднимаются на высоту до 2400 метров к самой «пасти дьявола» для того, чтобы зачерпнуть раскаленную лаву и разлить ее в формы. Отлитые таким образом «сувениры» продаются тем туристам, которых не отпугнуло извержение. Работа эта сопряжена с большим риском.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

США:

НАРКОТИКИ НАСТУПАЮТ...

Медленно кружит вертолет над лесистыми холмами Восточной Калифорнии. Нет, не пропавших туристов ищет внимательный взгляд пилота Джима Боу. Он разыскивает тайные участки в лесу, где выращивается марихуана.

Пилот вертолета обнаружил участок, где зреют помидоры. Но не слишком ли рано покраснели плоды? Вызванный по радио специальный отряд по борьбе с наркотиками устанавливает, что плоды помидоров искусно сделаны из пластмассы и закреплены на проволочных стойках, и под их сенью буйно произрастает марихуана.

Особенно распространилось тайное выращивание «зеленого зелья» за последние пять лет. Это связано с тем, что в 1978 году в соседней Мексике с помощью избирательно действующих гербицидов были уничтожены почти все посевы марихуаны. Многие фермеры США, особенно мелкие, в поисках заработка занялись незаконным промыслом. Сбыт всегда обеспечен при посредничестве перекупщиков.

ОРБИТА, БОЛГАРИЯ

ОБЛУЧЕНИЕ... СИГАРЕТОЙ

К общеизвестным отрицательным факторам воздействия никотина на организм человека следует добавить и еще один — значительную дозу радиации. К такому выводу пришли американские врачи Р. Рэйвенхолт и Д. Коухен после тщательного изучения состава крови курильщиков. Они обнаружили повышенное

«СКИНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

«А» — ЗНАЧИТ ИНОСТРАНЕЦ

Финансовое управление Дюссельдорфа (ФРГ) ввело новшество: все документы иностранных граждан, проживающих в Западной Германии, метятся литерой «А», что означает «Ауслендер» — «иностранец». Это очень напоминает времена гитлеровской Германии, когда на паспорта всех евреев «Третьего рейха» ставили клеймо «J» — «Ю» («Юде» — «еврей»).

Демократическая обществен-

ность Западной Германии выступила с протестом против этой новой формы дискриминации иностранцев, живущих в ФРГ.

«ЭЛАН», ФРГ

«А» — знак на документах иностранца. Не слишком ли похоже на клеймо, которым нацисты метили паспорта евреев?

ЭКСПЕДИЦИЯ КУСТО

Двухлетние исследования, проведенные в бассейне Амазонки экспедицией знаменитого французского океанографа Жака Кусто, привели к выводу, что загрязнение реки не носит опасного характера. Кусто пояснил, что загрязнения имеют местный характер и сосредоточены в районе серебряных рудников в Перу и мест добычи золота в Бразилии. Однако существует опасность нарушения экологического равновесия бассейна Амазонки в результате непродуманного размещения в этом районе сельскохозяйственных плантаций.

Жак Кусто сделал ряд интересных наблюдений над животным миром Амазонки. Он обнаружил, что здесь обитает большой розовый пресноводный дельфин, «умственные способности» которого значительно превышают соответствующие данные его морских сородичей. Местные индейцы помогли ученому установить уникальный факт содружества одного из видов местных черепах с термитами: оказалось, что черепахи регулярно откладывают свои яйца в глубине термитников, где для их вызревания имеется достаточно высокая температура. Хозяева термитника ничего против этого не имеют.

ВЕДА А ЖИВОТ,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Миллион Судзуки

В каждой стране, у каждого народа есть свои наиболее распространенные имена и фамилии — вроде английского Смита или шведского Петерссона. Есть такие распространенные фамилии и в Японии: в стране насчитывается 1250000 людей с фамилией Сато, 1070000 — Судзуки, 920000 — Такахаши, 850000 — Такака.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

В оркестре только гитары...

На севере Венгрии, в Эстергоме, состоялся традиционный фестиваль гитаристов. В нем приняли участие многие выдающиеся мастера этого столь популярного во всем мире инструмента. Событием для гостей праздника стало выступление оркестра, в котором 200 гитаристов!

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

СЕРЬГИ ДЛЯ КОРОВ

Английская компания «Шелл кемикл» начала выпускать серьги, которые способны держать насекомых на расстоянии от домашних животных. Изготовлены они из поливинилхлорида, пропитанного чрезвычайно сильным синтетическим инсектицидом. Выделяющийся инсектицид действует столь быстро, что мухи, комары или слепни не успевают укусить животное, погибая раньше. Препарат не представляет никакой опасности для животного или для человека, употребляющего в пищу его мясо и молоко. Время действия «коровьих серег» зависит от климата, но обычно составляет не менее четырех месяцев.

ТАЙМ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ?

Фермер из Квинсленда (Австралия) случайно сделал важное с научной точки зрения открытие: обнаружил хорошо сохранившийся скелет лабиринтодонта. Доисторическое животное имело длину свыше трех метров и обитало на нашей планете 230 миллионов лет тому назад. Этот далекий предок ныне живущих саламандр и амфибий являлся типичным представителем древней фауны Латинской Америки. Тем самым подтверждается широко распространенная гипотеза, что Латинская Америка и Австралия составляли в далеком прошлом единый континент.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

На пути к подводным тайнам

Впервые в Болгарии археологическая экспедиция проводит масштабные работы на дне Черного моря — в бухте Урдовица, где обнаружены остатки деревянного судна. Поднято на поверхность более ста предметов, в том числе полностью сохранившиеся сосуды, относящиеся, по мнению специалистов, ко II тысячелетию до нашей эры.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ВЕТРАМ НАПЕРЕКОР

Эпоха НТР не обошла стороной и элементарные прищепки, те самые, которыми хозяйки крепят на веревках выстиранное белье. «Суперприщепку», которая может выдерживать любые ветры, изобрел недавно один англичанин. Чтобы продемонстрировать достоинства своего детища, изобретатель прикрепил к веревке прищепкой... самого себя. И, как видите, в таком «подвешенном состоянии» позировал фотографу — чтобы ни у одного из скептиков не осталось сомнений.

«НБИ», ГДР

Дорогие друзья!
 Еще в середине Тридцатых годов
 журнал "Смена" опубликовал статью
 журналистки Матвеевой Мессе обо мне,
 тогда начинающем композиторе.
 Это была первая баллиада статья
 обо мне, и написана взволнованно,
 красиво, романтично.
 Очень рад, что сейчас, почти полвека
 спустя, тот же молодежный журнал
 продолжает мне свои страницы,
 что его читатели интересуются
 моей биографией, мои переживания
 и размышления.
 С сердечным приветом
 Михаил Хренников

Где бы я ни играл, о чем бы ни писал—всегда мелодии уводят туда, где самые их корни,—в уютный деревянный городок со старинным именем Елец, что стоит над небольшой рекой по названию Сосна.

Наша семья жила в уютном деревянном домике, который и поныне крепко стоит на родной моей улице. Только еще больше потемнел, теперь ему, наверное, уже лет двести... Семья была большая, многодетная. Я самый младший, десятый ребенок. Отец, Николай Иванович, сорок лет прослужил в лавках елецких купцов. На нас, детей, завораживающе действовали удивительная безудержная отцовская жизнерадостность, бурлящая энергия, широкая веселость. Этому неуемному характеру будто противостояла, сдерживая и уравновешивая его, строгая, волевая, степенная и немногословная мама Варвара Васильевна. Но ее внешняя сдержанность, даже суровость не могли скрыть горячей любви к детям. Ее советы, наставления всегда были серьезными, мудрыми и дельными. На всех хватало ее сердечного тепла, щедрой заботливости.

А времена были нелегкие: мне не минуло года, когда началась первая мировая война; потом революция, гражданская война. На всю жизнь врезались в память наиболее яркие эпизоды детства.

...1918 год... В доме печаль. Невозможно описать горестное состояние родителей. Пришла весть, что старший брат Глеб погиб на германском фронте. Брат учился в Московском университете и консерватории. Добровольцем ушел на фронт и вот в последние дни войны пал в бою под Двинском. Невозможно представить себе, что нет больше красавца студента, что никогда больше не услышим мы его красивого тенора, задушевных песен и романсов под собственный аккомпанемент на гитаре. Мне не было тогда пяти лет...

...1919 год. На Елец идут банды Мамонтова. Три дня и три ночи на улицах города непрерывный бой. Рвутся снаряды, стрекочут пулеметы. Жители прячутся в домах и подвалах. Прятались и мы: весь город видел, как вел красноармейскую часть старший брат Николай; и наш Борис сражался в рядах красных. Если мамонтовцы узнают, будут пытаться, переубьют и старых и малых.

Волнения и опасения взрослых, конечно, передавались и нам. Когда подошли к городу с востока деникинцы и опять разгорелись жестокие бои, мы с другом Венейкой убежали к собору, что и поныне стоит на горе над рекой. Там расположились красноармейцы. До самого бегства золотопогонных деникинцев без устали подтаскивали мы красным бойцам патроны. И не то чтобы не боялись рвущихся вокруг снарядов, но рядом со смертью мы видели бесстрашие, смелость и веру. Все это было так же прекрасно, романтично, как природные стихии: разливы реки, град или бушующий ливень. А на нашей земле и гремели стихии неслыханных событий, перемен, бури страстей.

Конечно же, эти переживания раннего детства выплеснулись потом в первых же моих крупных сочинениях. Они ожили в финале Первой симфонии, в эмоциональном накале дуэта кларнета и виолончели, в драматическом напряжении минорной коды. И уже совсем зримо воскресли картины тогда еще недавнего грозного прошлого в период работы над первой моей оперой. Она создавалась по мотивам романа Н. Вирты «Одиночество». Сюжет увлек меня сразу, воскресив былое и виденное: бесчинства бандитов, слезы матери об ушедших на войну сыновьях, жестокость незримых границ, разрушающих порой надвое семьи, и удивительную мудрость простых тружеников, чутьем, сердцем ищущих правду. Вихри всероссийской бури бушевали и на Орловщине и под Тамбовом.

И такие же пели там песни. Бесхитростные, но поразительно прекрасные, теплые, сердечные, они впитывали и несли в будущее драматизм пережитого, величие и красоту души их создателей. Неповторимые интонации родины моей вонзались в сердце навечно, заставляли его биться особо—в едином ритме с судьбой и красой земли, породившей нас. На этом языке говорили с миром Иван Тургенев, Иван Бунин, Михаил Пришвин, Василий Калинин—знаменитые земляки мои... Этот музыкальный язык я осваивал с пеленок—еще не зная нот, не умея играть...

А играть захотелось рано. Музыка звучала не только на улице, но и в нашем доме. Отец, сестры и братья—все играли на каких-нибудь инструментах, хорошо пели, и я с ними. Особенно притягивала висевшая на стене гитара погибшего на германском фронте брата Глеба. Но мама не разрешала трогать ее: все надеялась, а вдруг не убили сына, придет он домой, сам снимет со стены гитару... Но чуда не случилось, брат не вернулся.

Рано выучившись читать, прочел я шестилетним книжку о великом композиторе Вольфганге Амадее Моцарте. Больше всего поразило, что уже маленьким ребенком проявил он свой могучий талант. Прижимая драгоценную книжку к груди, забрался я тогда на сеновал, долго размышлял в одиночестве, кажется, даже со слезами, и торжественно поклялся себе, что непременно стану музыкантом. А пока, хотя годы еще не подошли, сам без ведома родителей определился в школу. Отец моего друга Венейки, с которым мы «сражались» с деникинцами, был директором. Так я просто пришел к нему и попросил: «Возьмите в школу, хочу учиться!»

В школе рассказывали и читали много интересного. Был там и свой школьный оркестр. Я придумал для себя сольный номер на... стаках. Подобрал уроени воды на двенадцать нот—и выступил на них мелодии, как на ксилофоне.

Сестра Лида вышла замуж и купила старый рояль. Необыкновенный инструмент буквально потряс меня. Целый час неподвижно стоял я рядом, боясь прикоснуться: так много костяшек белых и черных, а струн не видать!.. Это потрясение стало любовью с первого взгляда и навсегда. Ошеломила богатая палитра звучания, овладеть ею представлялось огромным счастьем.

В этом помогла другая сестра—Надежда, жившая в Москве. Она попросила местного флейтиста, чеха Кветона, давать мне уроки музыки, обязалась их оплачивать. Часами разучивал я за роялем заданные Кветоном упражнения и маленькие пьески, а потом подолгу сам подбирал знакомые мелодии, упоенно вслушивался в новые сочетания звуков.

Мне было одиннадцать лет, когда в Елец приехал пианист Владимир Петрович Агарков, ученик знаменитого профессора Московской консерватории Кон-

ставится мне возможность рассказать со сцены о том, какой давно представляла Италия в моей душе—сказочно-романтической, по-южному темпераментной, терпкой и знойной, порой грациозной и в то же время по-русски широкой, безудержной во всем. И окажется правдой музыкальная фантазия. Реально увиденные картины только подтвердят истинность вымышленного и останутся со мной навсегда музыкальные образы шекспировского «Много шума из ничего», вращая то в драматическую постановку, то в балет, то в художественный фильм.

...Сестра Надежда привезла как-то из Москвы погостить свою подругу. Услышав мои фортепианные фантазии, загорелась эта подруга показать меня М. Ф. Гнесину. Той же зимой—в 1928 году,—по-деревенски укутанный в полушубок и башлык, приехал я в Москву. Повели к Гнесину.

—Заканчивайте школу, приезжайте, тогда и решим, кем будете: композитором или пианистом,—сказал Михаил Фабианович.

И через несколько месяцев я уже усердно потел за роялем в музыкальном техникуме имени Гнесиных. Полифонией занимался у Г. Литинского, фортепиано—у Э. Гельмана, композицией—у самого Михаила Фабиановича. А все свободные часы просиживал в концертных залах, наслаждаясь симфонической музыкой, слушая лучших музыкантов.

Первые учителя мои! Сколько бесценного подарили вы мне, как многому научили, как чутко помогли найти себя, свою дорогу. Больше не возвращались мы к вопросу: что выбрать, фортепиано или композицию—и то и другое—как Агарков! Неистовая влюбленность в искусство, неутомимая и неутолимая страсть к знаниям, щедрое желание поделиться ими, отзывчивость и стремление помочь всем, кто в этом нуждается,—если есть что во мне из этого, так все от вас, Анна Федоровна, Михаил Фабианович и другие умные и красивые душой учителя мои! И если вдруг нарушу я когда-нибудь закон этой естественной человечности—значит, перечеркну в своем сердце светлую, благодарную память о вас!..

За три года закончил я полный курс музыкального техникума и поступил сразу в второй курс Московской консерватории. Новые талантливые друзья.

КЛУБ
 «Музыка
 с тобой»

МЕРО РАЖДАНС ПРИЗВА

стантина Игумнова. После первого же концерта, прошедшего с большим успехом, я подошел к нему и попросил взять своим учеником. Больше всего поразили его вдохновенные импровизации. Упорство и одержимая увлеченность постепенно давали мне все большую свободу в исполнении сложных, виртуозных сочинений. Пытался по примеру учителя и потихоньку импровизировать, сочинять музыку. А однажды подготовил в подарок родным к Новому году фортепианный этюд собственного сочинения. Все, естественно, пришли в восторг, я был горд успехом и уже совсем уверенно стал писать новые этюды, прелюдии, танцы, романсы. Сочинил даже свой вариант песни пушкинской Земфиры: «Старый муж, грозный муж...»

Поселилась тогда в нашем городе одна удивительная женщина, Анна Федоровна Варгунина. Дочь богатого фабриканта порвала со своей семьей, стала сельской учительницей. Она воспитывалась в доме Ивана Михайловича Сеченова, дружила с Климентом Аркадьевичем Тимирязевым. Высокообразованная, добрая, щедрая, она была еще и тонким музыкантом. У нее тоже брал я уроки музыки. Как магнитом притягивала к себе большая библиотека Анны Федоровны. Книги оттуда я буквально заглывал, а подобраны там были шедевры мировой литературы. Тогда познакомился я с Пушкиным, Толстым, Достоевским, с Шекспиром, Гете, Бальзаком, прочитанное оживало в картинах и звуках. Много лет пройдет, прежде чем увижу я своими глазами живую красоту старых итальянских городов. Гораздо раньше пред-

Новые педагоги—выдающиеся музыканты, блестящие эрудиты. Профессора Виссарион Яковлевич Шабалин и Генрих Густавович Нейгауз стали непосредственными наставниками, руководителями моих первых профессиональных сочинений, первых выступлений на эстраде.

Перед ними, консерваторскими педагогами и друзьями, впервые сыграл я свой концерт для фортепиано с оркестром. Написал концерт быстро, буквально на одном дыхании. Сейчас особенно отчетливо вижу, как сконцентрировалось, спрессовалось в нем все, чем жил тогда, что переполняло сердце,—стремящаяся наружу энергия, светлые надежды и уверенность молодости, дорогие песенные образы родных мест. Надолго Первый фортепианный концерт стал моим главным исполнительским материалом. Только в 1972 году для обогащения своего пианистического репертуара я напишу Второй, а еще спустя десять лет—Третий концерт для фортепиано с оркестром. В поисках новых форм старался сохранить главные достоинства своего первенца: неподдельность чувства, мелодизм, жизнерадостность. Иначе и быть не может: ведь я адресуя свои концерты—в том числе и скрипичные и виолончельные—молодым. Эта музыка о них и для них. А техническая трудность привлекательна для исполнителей всех возрастов.

По-моему, композитор просто обязан мастерски владеть инструментом. Кто, как не он сам, должен представить свои сочинения в полном блеске! Просто сердце радуется, когда видишь на сцене таких вели-

коленных композиторов-пианистов, как Андрей Эшпай, Родион Щедрин, Борис Чайковский...

Думаю, что своими первыми удачами в симфонической музыке во многом обязан знанию и владению фортепиано. Благодаря этому с юных лет чувствовал себя артистом. Правда, такое чувство не спасло от совершенно панического страха перед первым серьезным выступлением. Меня послали в 1935 году в Ленинград на Второй международный фестиваль искусств. К тому времени я только однажды играл в Большом зале консерватории и то перед друзьями и коллегами, и вдруг — международный масштаб... В общем, я так струсил, что просто не мог шагнуть на сцену: ноги приросли к полу. Дирижер Александр Шамильевич Мелик-Пашаев сначала посмеивался, подбадривал, а потом, видя полную мою неспособность, просто... вытолкнул меня к оркестру. Играл, ничего не видя и не слыша вокруг. Но сказались упорные занятия за инструментом — руки сами «вывели». Да, хотелось бы и сейчас такой уверенности в технике.

В годы учебы родились еще два сочинения, признание которых определило всю мою дальнейшую судьбу. Это моя дипломная работа — Первая симфония, которую после дебюта в Москве под управлением Георга Себастьяна почти тут же исполнили в Нью-Йорке и Чикаго знаменитые Леопольд Стоковский и Юджин Орманди. И музыка к комедии Шекспира «Много шума из ничего», заказанная театром имени Вахтангова.

Я впервые взглянул на волшебный театральный мир «изнутри», заново прочувствовал и пережил комический драматизм фабулы, вглядывался в ситуации, такими разными представляющие персонажей — возвышенно-благородными или низменно-коварными, иронично-язвительными или откровенно-грубоватыми...

Консерваторию я окончил с отличием и был удостоен высокой чести: мое имя записано на Золотую доску почета, вслед за именами тех, у кого я учился, кому поклонялся. Некоторое время еще занимался у Шебалина в аспирантуре. Однако больше влекла композиция и особенно театр, откуда так и посыпались заказы: музыка к вахтанговским спектак-

Тихон ХРЕННИКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий,
народный артист СССР

И КОГО НИИЯ

лям «Без вины виноватые» по А. Островскому, «Дон Кихот» по М. Булгакову, увлекательная работа в Детском музыкальном театре — спектакль «Мик», наконец, первая опера — «В бурю» — в Музыкальном театре, который теперь носит имена К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

На мысль об опере натолкнул меня Владимир Иванович Немирович-Данченко. Он же подсказал и сюжет по роману Н. Вирты.

До сих пор не могу до конца осознать, как, каким образом опытный режиссер, драматург, педагог, теоретик театра, имевший большой выбор соавторов, разглядел во мне, тогда совсем юном, начинающем композиторе, способность создать оперу.

Потрясенный доверием знаменитого режиссера, я взялся за дело с подъемом, работал как одержимый, без отдыха, исключив и отодвинув все другие дела. Я жил этой работой, в буквальном смысле отдавал ей каждую минуту, даже во сне не мог отойти от ставших дорогими героев. Неумолимый Владимир Иванович без конца будоражил новыми идеями, возбуждающими творческую фантазию...

В молодости особенно интересно было встречаться все с новыми жанрами, постигать их специфику, знакомиться с новыми талантливыми людьми. Моя первая встреча с кино — это фильм «Свинарка и пастух» Ивана Пырьева. Кинокомедия увлекла меня теплым лиризмом, изысканным юмором, искренностью, грациозным весельем и добротой. Радостно было сочинять, работать с талантливыми артистами, режиссером, услышать, как зазвучали мои песни по стране. Вскоре состоялась новая плодотворная встреча с Пырьевым... И тоже в комедии. Но...

Наступило тяжелое для всех нас время. На нашу страну надвинулась новая буря. Затемненная Москва оцетинилась надолгами и зенитками. Жена и дочка

эвакуировались в Свердловск. Я изредка выбирался туда: дорога была долгой и нелегкой, а работы много, как никогда.

Немало композиторов и артистов ушли в то время на фронт. И мне казалось, что так должен поступить каждый. Про себя и вслух повторял фразу: «Когда гремят пушки, музы молчат». Однако оказалось, что мы еще нужнее были, делая свое обычное и любимое дело.

Музыкальная жизнь в стране не только не затихла, но как-то особенно напряглась. Сформированные из поредевших театральных и симфонических коллективов новые оркестры в самых разных условиях давали почти ежедневные концерты. Фронтные бригады, составленные из ведущих артистов, выступали на самой фронтной полосе, вызывая то аплодисменты, то стрельбу фашистов. Шатающиеся от голода ленинградцы слушали премьеру (!) Седьмой симфонии Шостаковича. А в Москве симфоническая музыка не смолкала в Колонном зале Дома союзов. Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио посылал в эфир для всей страны музыку Чайковского, Бетховена, Бородина, Римского-Корсакова... На постоянно прерываемых бомбежками концертах исполнялись произведения советских классиков и новые наши сочинения.

В январе 1943-го под управлением Н. С. Голованова впервые прозвучала моя Вторая симфония. Как и почти все создававшееся в искусстве в то время, она воплотила драматизм происходящих событий.

В день премьеры я был в Колонном зале и, конечно, очень волновался. Я понимал, что людям, пришедшим сюда после тяжелейшей работы на фабриках и заводах, приехавшим ненадолго с фронта, надо было услышать что-то такое, что хоть в какой-то мере отвечало бы тому наполняющему их жизнь великому и значительному, ради чего вели они борьбу, не жалея сил и самой жизни.

Выразительное молчание и аплодисменты были величайшей наградой: слушателям нужна была моя музыка.

Жилось трудно. Но не было времени думать об этом. Мы с волнением следили за событиями на фронтах, как праздник, встречали вести о каждой небольшой победе.

Как и многие из моих коллег, я постоянно выезжал с авторскими концертами в воинские части, госпитали. При этом работал в Театре Советской Армии: заведовал музыкальной частью. В 1942 году там готовили к постановке пьесе Александра Гладкова «Давным-давно» — о девушке-гусаре, прообразом которой стала знаменитая кавалерист-девица Надежда Дурова, прославившаяся доблестью в Отечественной войне с Наполеоном. Патриотический порыв, отвага юной героини, веселый романтический сюжет, оптимизм и несокрушимая вера в победу над врагами Родины оказались очень созвучными тем суровым дням, что переживали и создатели и зрители спектакля.

Надо ли говорить, как задела меня эти благородные, жизнерадостные характеры, как ярко предстали

передо мной. С ними не расстался я и сегодня: они обрели новую жизнь в кинофильме и балете—оба называются «Гусарская баллада». Вышел в свет цикл моих песен на стихи Роберта Бернса в переводе С. Маршака. А в 1944 году с киноэкранов зазвучала музыка в новом фильме Ивана Пырьева «В шесть часов вечера после войны». И сейчас не перестаю восхищаться смелостью постановщиков, которые за долгие годы до окончания войны так уверенно и достоверно описали День Победы!

Рассказывают, что после этого фильма люди действительно назначали друг другу свидания на том самом мосту у Кремля. Сам я не видел: День Победы встретил в Берлине.

Еще в первых числах марта 1945-го мы с Матвеем Блантером выехали в распоряжение Политуправления 1-го Белорусского фронта. Стоял трескучий мороз—что-то за двадцать градусов. Но, казалось, через холод и грохот орудий уже пробивалось теплое дыхание близкой Победы. На машине добрались до польско-германской границы. В маленькой деревушке нас принял легендарный командарм—дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Василий Иванович Чуйков. Встреча проходила в небольшой избе, где расположился Военный совет 62-й армии, отстоявшей Сталинград.

Чуйков, весь в броне боевых наград, был сердечным и радужным. После обеда в обществе членов Военного совета до двух часов ночи продолжалась увлекательная беседа. А потом вдруг непостижимо отсюда в комнату появилось пианино. «Не пора ли и вам высказаться, дорогие гости!»—хитро улыбнулся командарм. И мы с Блантером долго играли и пели свои песни.

— А еще говорят, что композиторы плохо поют!—шутливо возмутился Чуйков.— Кто еще может почувствовать песню лучше самого автора!—И добавил уже более торжественно:— Вручу вам боевую путевку. Поезжайте по частям армии и сами исполняйте ваши песни. Благодарность слушателей вам обеспечена.

За два с половиной месяца мы дали более пятидесяти авторских концертов на батареях, в дивизиях, полках и госпиталях.

Вместе с нашими частями мы вошли в Берлин, участвовали в концерте для воинов, взявших рейхстаг. С тех пор храню дорогую реликвию: фото у его колонн рядом с участниками штурма. Сохранилась и еще одна бесценная живая деталь времени. 7 мая 1945 года на берлинской радиостанции К. Симонов, Е. Долматовский, М. Блантер и я записали на пленку свои песни и стихи в собственном исполнении. Эта передача сохранилась. Когда сейчас слушаешь фрагменты той записи, сердце колотится, как и в момент исполнения: в ней дыхание Великого времени, непосредственность неповторимых чувств.

Еще в те тревожные годы Владимир Иванович Немирович-Данченко предложил мне сюжет для новой оперы. Я вообще очень люблю смех, юмор, шутку, считаю оптимизм самым естественным состоянием человека. А «Комедия о российском дворянине Фроле Скобееве» Дмитрия Аверкиева, написанная по мотивам старинной русской повести, вся кипит остроумным весельем. Изобретательные, в самых трудных ситуациях не унывающие герои—жизнерадостные, безудержные, настырные, без суетности широкие во всем,—я видел такие характеры с детства, в них воплотился для меня истинный русский человек. Пробуждали фантазию и остроумные ситуации и размашистые, колоритные бытовые сцены. Все это так свободно вменялось в интонации старинных бытовых песен. Сам яркий материал подсказывал новые и новые мелодии, настойчиво терпел память и творческую мысль. Я никогда не использую в своей музыке фольклорных цитат, но обстановка городской и деревенской песни, в которой вырос, по-видимому, навсегда определила стиль мышления.

Ко времени окончания и постановки «Фрола Скобеева» (в позднейшей редакции она обрела новое название — «Безродный зять») в моей жизни произошли большие перемены. В 1948 году меня избрали первым секретарем Союза композиторов СССР. Отныне много сил и времени отнимали административные дела, частые поездки в другие города для знакомства с творчеством местных авторов, участие в конгрессах и конференциях, в работе жюри конкурсов и смотров, встречи с исполнителями. Постепенно прибавлялись все новые сферы общественной деятельности: работа в Советском комитете защиты мира, в Музыкальной ассоциации Союза обществ дружбы, в Верховном Совете СССР, в Комитете по Государственным и Ленинским премиям... Да еще класс композиции в консерватории.

Все меньше оставалось времени сочинять музыку. Однако общественная работа неотделима от творческой. Впрочем, за все эти годы написано не так уж мало: Третья симфония, три фортепианных, виолончельных и два скрипичных концерта, опера «Мать», три балета, детская опера «Мальчик-великан», оперетты «Сто чертей и одна девушка» и «Белая ночь», музыка к кино- и телефильмам, много песен. И вот совсем недавно комическая опера «Доротея». Но, конечно же, могло быть намного больше. Годы прошли, прежде чем научился я сочетать такие разные виды работы, рационально распределять время и силы.

Постепенно как-то сам собой сложился режим: композиторской работе посвящаю утро и часть ночи, остальное время дня—дела административные, педагогические и общественные.

Что греха таить, нередко в приемные дни ко мне приходят с самыми различными просьбами и проблемами, решать которые должны совсем другие органи-

зации и ведомства. Но я чувствую желание, необходимость помогать, чем могу.

Надо сказать, мне всегда везло на хороших людей. Педагоги, коллеги, исполнители, друзья мои! Порой сами того не ведая, вы становились моими соавторами, наталкивали на идеи, подсказывали сюжеты, поддерживали верой в меня, демонстрировали великие возможности сцены, оркестра, инструмента, голоса! Генрих Нейгауз, Наталия Сац, Алексей Файко, Николай Голованов, Константин Иванов, Евгений Светланов, Иван Пырьев, Леонид Коган, Элеонора Андреева—невозможно перечислить всех, кто не только прививал мне беззаветную любовь к музыке, но учил жить, постоянно напоминая, что труд музыканта—вечное подвижничество, что дело нашей жизни—нести людям настоящее искусство.

А настоящее искусство—это прежде всего искренний, доверительный разговор со своими современниками о том, что их волнует. Что же волнует сегодня наших молодых слушателей?

На радио, телевидение, в адрес газет и журналов и непосредственно к нам в Союз композиторов идет бесконечный поток писем от слушателей всех возрастов. Много вопросов нам задают и на многочисленных встречах. Молодежь волнуют проблемы современной музыки, так называемого «современного музыкального языка».

Я считаю, что такого вообще не существует. Разве можно говорить о, например, «музыкальном языке XIX века»? Нет, зато есть музыкальный язык Глинки, Мусоргского, Чайковского, Верди, Бизе, Вагнера! «Современный язык»—это язык большой выразительной силы, способный воздействовать на ныне живущих людей. Если у художника есть свой такой действенный язык, собственные яркие средства, свойственные только ему, значит, его музыка современна.

Разумеется, личность каждого композитора—порождение определенной эпохи, национальности, она формируется под воздействием определенных событий, окружения, социальных условий. И все же... Какие они, звуковые приметы нашего времени? Лязг и грохот? Стремительное движение? Но разве желание остановиться, передохнуть, подумать, поговорить спокойно—это не другая сторона той же медали? Неужели диссонанс, какофония—это современно, а красивая мелодия—старомодно? Между тем далеко не все молодые люди увлекаются только джазом и поп- и рок-музыкой. Не менее безудержно стремление молодых к старинной, камерной музыке, к фольклору. Похоже, старинный музыкальный язык для них не анахронизм, а естественная и ничем не заменяемая часть языка сегодняшнего.

К чему ближе музыкальный стиль, скажем, Родиона Щедрина—к Мусоргскому или нашему современнику Свиридову? А язык другого очень современного автора—Андрея Эшпая—к Щедрина или к национальному мариетскому мелосу?

Думаю, людям вообще свойственно время от времени в угоду каким-либо новшествам что-то привычное объявлять отживающим. Но довольно часто такие прогнозы бываю ошибочными. Телевидение не отменило театр и кино, а поп-музыка не заменит ни оперу, ни балет, ни симфонию. Больше того, строятся все новые и новые оперные театры и концертные залы, и соответственно прибывает число жаждущих слушать серьезную музыку.

И все-таки по сей день раздаются голоса, предвещающие кончину оперы. Говорят, будто в век сверхскоростей, футбола и рок-музыки этот жанр устарел. А французский композитор-авангардист Пьер Булез прямо заявил, что оперные театры следует взорвать, ибо они тормозят прогресс искусства, мешая публике «модернизировать» музыкальный слух.

Но чтобы называть себя «авангардом» в музыкальном искусстве, надо прежде всего создавать музыку. Но даже это не дает права топтать шедевры. А тут мнение сочинителей, которых «не хотят слушать». Главный пропагандист авангарда—западногерманская фирма «Верго»—стоит на грани краха: пластинки с записями авангардистской музыки не покупают и не заказывают. Австрийский музыковед и социолог Десмонд Марк в одной из своих статей, анализируя репертуарную политику ведущих австрийских оркестров, приходит к выводу, что эти оркестры не включают в свои программы сочинения современных композиторов по вине авангардистов. Или такой факт. Швейцарское радио и телевидение предложили слушателям своеобразную звуковую анкету: 47 вопросов—примеров музыки разных эпох и стилей. Кстати, авангардизм был представлен пьесой того самого «взрывателя» оперных театров Булеза «Молоток без мастера». Более или менее охотно ее прослушали 3 процента ответивших на анкету, 19—отнеслись безразлично, а 78—резко отрицательно.

Полагаю, что этой вопиющей непопулярностью не в последнюю очередь и объясняются раздражение и выпады против иных, успешно развивающихся направлений в музыке. Но главное, оказав плохую услугу себе, эти «представители прогресса» пытаются вызвать недоверие публики ко всей создаваемой сегодня музыке.

Все сказанное не означает, конечно, что следует отвергать все написанное авангардистами. Они изобрели немало интересных колористических приемов, которые, безусловно, пригодятся очень многим композиторам в их экспериментальной кухне, в решении некоторых вопросов профессиональной техники. Существуют же специальные упражнения, этюды, предварительные варианты сочинений. Но не часто они могут представлять интерес как произведения искусства. Намеренно укладывая себя в заданные формальные рамки—значит, заведомо связывать собственную фантазию, разрушать самый принцип искусства. И жаль тех, кто тратит время на явно бесплодные эксперименты.

Поиски формы ради формы, разрушение мелодической выразительности, гармонии, образов... Новая форма создается отнюдь не для того, чтобы кого-то удивить сложностью и новизной. Внешние приемы—всего лишь способ выразить художественные позиции автора, воплотить его чувства и мысли. И об этом следует говорить неустанно, чтобы уберечь молодых композиторов от ошибок, на которые напрасно потерял годы не один талантливый автор.

У нас исполнение подобных «новаторских» сочинений порой может собрать аудиторию. Но это скорее любопытство, чем действительная духовная потребность. Я много бывал в разных странах и могу только подтвердить: нигде не только не хотят слушать авангардистов, но ныне вообще во всем мире резко упал интерес к «формальной» музыке, потому что большинство зарубежных современных композиторов скомпрометировали себя в глазах публики хотя бы временными увлечениями, модными, но бесплодными направлениями.

Думаю, чаще всего кажущееся «стремление» уйти от мелодии означает просто неспособность автора создать красивую мелодию.

Я часто играю в молодежной аудитории, и эти концерты—из самых радостных. Очень трогают интерес и тепло юных сердец. Люблю, когда мои сочинения исполняют молодые музыканты. Мой скрипичный концерт, вслед за Леонидом Коганом, вскоре блестяще стала играть японская девочка Екко Сато. А на последнем авторском вечере в Большом зале консерватории с огромным успехом выступил одиннадцатилетний скрипач из Новосибирска Вадик Репин. Мы легко находим взаимопонимание и с моими учениками в консерватории, среди которых уже есть известные композиторы: Вячеслав Овчинников, Александр Чайковский, Татьяна Чудова. Мне близки их интересы, радуют их творческие поиски и удачи. Рядом с ними просто невозможно состариться, растерять задор, оптимизм, энергию, пусть это безудержно льется в новых моих сочинениях. Многие из них я посвящаю молодежи.

И, наконец, мне хочется обратиться непосредственно к вам, мои юные читатели. Трудно и вряд ли правомерно выделять в музыке то, что относится непосредственно к молодежи и ее эстетическому воспитанию. Но, безусловно, вы—одна из самых обширных и значительных наших аудиторий, и мы, композиторы, в ответе за ту музыкальную атмосферу, что вас окружает.

Увы, немало молодых людей заблуждается в своих эстетических привязанностях, порой нигилистически относится к классической музыке. Но ошибкой было бы утверждать, что молодежь интересуется только джаз: на симфонических концертах всегда много молодых.

Знаю только один способ разжечь интерес к музыке: рассказывать о ней, побуждать слушать ее. Как привить тягу к живописи, если не видеть полотен Рембрандта? Как понять гениального Пушкина, если не читать «Пиковой дамы» и «Евгения Онегина»? Не может человек заинтересоваться тем, чего он не знает. Зато чем больше знает, тем безграничнее жажда к познанию. Искусство существует тысячелетия, время отбирает и сохраняет для нас лучшие его образцы. Они необходимы всем людям, это наша духовная атмосфера. Только слушая много музыки, активно занимаясь ею в любительских коллективах, в музыкальных школах и кружках, читая о ней, вы можете научиться отличать настоящее искусство от суррогата.

А наши сочинения, обращенные к молодым, должны быть особенно яркими, увлекательными, с полетом фантазии, с чутко подслушанными и верно обобщенными современными интонациями. И непременно остронациональными и искренними. Фальшь, надуманность всегда отвращают от музыки, потому что по самой природе своей музыка—это **искренний голос сердца**.

Большое счастье—владеть этим великим голосом. Поэтому, если бы случилось вдруг чудо и вернулось назад далекое и прекрасное детство, все равно выбрал бы я для себя один-единственный возможный и радостный для меня путь—музыку!

Записала
Эдда ЗАБАВСКИХ.

АНОНИМНЫЕ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

— Так-а-к,— повторил Борис Дмитриевич, и в его голосе к горьким ноткам прибавились нотки плохо скрываемого возмущения.— Значит, весь этот сыр-бор из-за какого-то уголовника?! Допросы, психологический нажим...

— Какой же психологический нажим, товарищ Осокин?— спросил Корнилов, дивясь метаморфозе, только что совершившейся у него на глазах.

— Вы что же, не считаете психологическим нажимом ваше требование повторить мой маршрут?

— Все наши действия проводились в строгом соответствии с законом,— очень спокойно сказал Корнилов, опасаясь, что выход из состояния апатии может вылиться у Осокина в истерику. Но Осокин его не слушал. Горько поджав губы, он продолжал:

— Боже мой, весь сыр-бор из-за уголовника! Уголовника, который к тому же исчез! Товарищ Корнилов, вы понимаете, сколько нам пришлось пережить за эти дни? И мне и жене с дочерью...

— Понимаю,— кивнул Корнилов.— Каждый на вашем месте чувствовал бы то же. Каждый честный человек.

Осокин метнул на него злой взгляд и тут же опустил глаза.

— И что, собственно, изменилось, Борис Дмитриевич? Почему вы так разволновались, узнав, что потерпевший — бывший уголовник? Преступление-то вы совершили.

— Преступление? Это еще надо доказать! Произошел несчастный случай. Где у вас доказательства, что человек умер? Погиб?

— Преступление уже в том, что, сбив человека, вы оставили его без помощи. Скрылись. Милиция потратила много времени и сил, чтобы разыскать вас. И вы сами признали это.

— Нет, я просто не в силах вас понять!— вскричал Осокин, глядя куда-то поверх головы Корнилова. Фраза прозвучала у него так патетически, так ненатурально, что Корнилов не сдержался и усмехнулся. Но Борис Дмитриевич не заметил его усмешки. Он уже видел и слышал только себя одного.— Я не могу понять того, что милиция, как вы говорите, тратит силы и время ради какого-то уголовника! Допросы, горы испанской бумаги — и ради чего?— Он помолчал немного, смешно сложив губы в трубочку, а потом спокойно сказал, покачивая головой:— Я отказываюсь от своих показаний. Отказываюсь от своего признания. И никакой суд не вынесет человеку приговор, если нет жертвы. А ее нет. Нет вашего уголовника!

— Скажете, что вас насильно заставили подписать все это?— Корнилов положил руку на протоколы.— У нас есть магнитная лента допроса. А может быть, вы, умный, интеллигентный человек, заявите, что вас били в милиции? Некоторые забубенные рецидивисты идут и на такую чудовищную ложь. Но ведь судят не на основании заявлений, а на основании доказательств. А доказательства у нас есть. Отпечатки пальцев сбитого вами Льва Котлукова на бампере ваших «Жигулей»...

— У вас нет самого Льва,— с торжеством сказал Борис Дмитриевич.— Этот Лев посчитал за лучшее где-нибудь отлежаться, чем попадать в руки милиции. Даже в качестве жертвы несчастного случая.

— Мы его найдем,— пообещал Корнилов.— Найдем его труп.

— Желаю успеха. А теперь, я надеюсь, вы не будете меня задерживать?— Осокин встал.

— До суда мерой пресечения в отношении вас следователь избрал подписку о невыезде,— сказал Игорь Васильевич.— Такую подписку вы дали еще раньше...

— Значит, до суда? Если суд состоится. Только я еще со школьной скамьи помню — у нашей Фемиды повязки на глазах нет! Она с открытыми глазами судит.— Осокин поклонился, молча взял подписанный Корниловым пропуск и вышел, забыв притворить за собой дверь.

«А он ушел чуть ли не героем,— подумал полковник.— Будет считать теперь, что избавил общество от преступника! И можно не мучиться угрызениями совести.

Если мы не доберемся до бандитов и не найдем труп Котлукова, суд может оправдать его за недостатком улик. А если найдем... Ох, не просто будет пройти вам, Борис Дмитриевич, снова весь путь к признанию. Непросто!»

18

Прошло два дня, а долгожданного звонка все не было. Время от времени, чтобы не создало впечатление, что он кого-то ждет, Бугаев ходил в ресторан, просиживал там по несколько часов. Исподволь приглядывался к официантам, к метрдотелям. Отпускал при случае веселую шуточку. Если официанткой была молодая женщина, заводил ни к чему не обязывающий, пустой флирт.

Бугаеву хотелось проверить, есть ли в ресторане еще один выход, кроме главного и черного хода во двор, откуда завозили на склад и на кухню продукты. Но Корнилов категорически запретил ему совать нос в подсобные помещения. Сказал: «Без тебя есть кому этим заняться». И вскоре, во время одного из своих контрольных звонков, Семен узнал от полковника, что такой выход есть. Старинный дом, первый этаж которого занимает ресторан, имел два двора-колодца. В один двор выходил черный ход, а в другой — несколько зарешеченных окон из подсобных помещений. Окна можно было открыть. В жаркие дни сотрудники ресторана — кастелянша, шеф-повар, работники бухгалтерии — этим постоянно пользовались. Но в тот поздний час, когда ушел из-под наблюдения рыжий парень, ни кастелянши, ни бухгалтеров в ресторане уже не было, комнаты их были заперты и опечатаны.

— Значит, шеф-повар у него знакомый?— спросил Бугаев.

— Интересуемся, Сеня, интересуемся,— ответил Игорь Васильевич.— Твой друг Белянчиков на два фронта разрывается, пока ты книжечки почищиваешь.

— Какие книжечки?— обиделся Бугаев.— Вы когда-нибудь видели у рецидивистов книжечки дома?

— Да,— согласился Корнилов,— у них с литературой напряженно. Если только они книжками не промышляют. Но все равно отдыхай. Я думаю, эти дни придется у тебя из отпуска вычесть...

— Игорь Васильевич!

— Посмотрим,— усмехнулся полковник.— Если операция пройдет удачно, может быть, и засчитаем их рабочими днями.

...Рыжий парень позвонил ночью. Накануне вечером Бугаев сидел в ресторане, пришел в квартиру поздно и, приняв душ, лег спать. И сразу уснул, что в последнее время случалось с ним не часто. Телефонный звонок резко прозвучал в полупустой комнате. Раз, второй, третий... Бугаев слышал звонок, но никак не мог сначала понять, во сне звенит телефон или наяву. Ему снился какой-то красивый цветной сон, и в этом сне он, развалившись в удобном шезлонге в парке, на берегу моря, тоже слышал, как звонит большой красивый телефон, стоявший рядом на плетеном столике. И тянул руку к телефонной трубке, ожидая услышать мягкий ласковый женский голос. Проснувшись, наконец, окончательно, он стремительно соскочил с раскладушки и, наткаясь на стулья, подбежал к аппарату. «Наверное, кто-то ошибся номером»,— подумал он, снимая трубку, и спросил недовольно:

— Кто?

— Семен Иванович?— прозвучал мягкий баритон, и Бугаев сразу узнал голос рыжего парня.

— Семен Иванович спит по ночам!— грубо ответил Бугаев.— Чего надо? Федька, что ли?— назвал он первое пришедшее в голову имя.

— Семен Иванович, не сердчай,— ласково, словно уговаривая ребенка, попросил баритон. Наверное,

рыжий знал, что Бугаев вечером был в ресторане, и думал, что он пьян.— Это Василий. Нас с вами как-то Женя в «Адмиралтейском» знакомил. Помните?

— Мало ли кто меня с кем знакомил?— сбавляя тон, сказал Бугаев.— Если все начнут меня по ночам будить...

— Мне Женя срочно нужен,— перебил его рыжий.— Под зарез.

— Не знаю я никакого Жени,— сказал Бугаев.— Ошибся ты, парень.— И повесил трубку. Но телефон тут же снова зазвонил.

— Семен Иванович, да ты меня вспомнишь — в «Адмиралтейском» Жогин нас познакомил. Ты еще угощал нас шикарно. Коньяк «Отборный» заказывал...— Он замолчал, ожидая ответа.

— Кого я только не угощал...— пробормотал Бугаев, но уже примирительно.— Вроде голос мне твой знаком. Рыжий, что ли?

— Рыжий,— добродушно хохотнул парень.— Теперь вспомнил?

— Вспомнил, как ты смылся в тот раз.

— Не сердись, Семен Иванович. По телефону не объяснишь. А выпивка за мной! Так что с Женей?

Семен, конечно, прекрасно понимал, что рыжий и его дружки уже все знают. И про Женин инфаркт и про больницу. И не Жогин ему сейчас нужен, а он, Семен Иванович, с его набором инструментов и машиной. Но какой же вор или бандюга, прошедший предварительное заключение в «крестах» или в «матросской тишине», прошедший долгие выматывающие допросы у следователя, замиравший при каждом слове прокурора и защитника в судебном заседании, когда призрачная надежда на снисхождение судей то гасла совсем, то разгоралась с новой силой и в конце концов оставалось одно тупое равнодушие и обреченность, какой же блат, испытавший на себе все это и отсидевший от звонка до звонка свой срок в колонии, мог расколоться, услышав по телефону голос едва знакомого человека?

— Не знаю я никакого Жени,— повторил Бугаев спокойно.— А вот от выпивки не откажусь, если ты решил мне поставить.

— Хоп!— удовлетворенно сказал рыжий.— Завтра и поставлю. Ты где живешь?

— В справочном все знают,— отрезал Бугаев.

Парень засмеялся.

— Ты, Семен Иванович, крутой мужик. Завтра утром позвоню.

— Я сплю долго,— буркнул Бугаев, но парень, не дослушав, повесил трубку.

«Ну, Сеня,— прошептал Бугаев, подойдя к окну и глядя в темноту туда, где темнел залив,— начинается работа».

Далеко в заливе медленно двигались красный и белый огоньки. Наверное, шел в порт большой корабль.

Снова зазвонил телефон. Бугаев снял трубку и рявкнул от души:

— Чего надо?

— Можно Веру?— спросил женский голос.

— Ушла в баню!— отрезал Семен и положил трубку. Его проверяли. Его проверяли, не стал ли он названивать куда-нибудь после разговора с рыжим.

Заснул он только под утро, когда совсем рассвело. Но в девять — контрольный срок его звонка в управление — проснулся словно по будильнику. Взялся за телефон. Корнилов, как всегда, был уже на службе.

— Состоялся, Игорь Васильевич,— сказал Семен вместо приветствия.— Ночью позвонили. Думаю, что сегодня встретимся.

— Понял, Сеня,— в голосе полковника чувствовались удовлетворенные нотки.— Диктуй им свои условия. Поезжай на машине — пускай убедятся, что ты на колесах. Место встречи выбери людное. Пошлем за тобой «хвоста». Чемоданчик с инструментом возьми с собой. Спрячь под сиденье. Не исключено, что в твое отсутствие они к тебе в квартиру наведуются.

...Они договорились с рыжим встретиться у Гостиного двора. Со стороны Думы.

— Там есть где машину поставить,— сказал Семен.— Я сегодня на колесах.

— А как же выпивка?— ехидно спросил рыжий.

— Для хорошей выпивки колеса не помеха.

Рыжий расхохотался.

Площадь между Гостиным двором и Думой, за усеченным портиком Руска, была удобна тем, что большая автостоянка давала возможность сотрудникам, приехавшим вслед за Бугаевым, расположиться, не привлекая никакого внимания. Но и рыжий получал преимущество— в любой момент мог нырнуть в метро или смешаться с нескончаемым людским потоком, обтекающим Гостиный двор, скрыться в торговых залах.

Бугаев поставил свой старенький «жигуленок» рядом с большим запыленным автобусом. У автобуса был псковский номер, и Семен подумал: «Псковичи в Ленинград за товаром приехали». Напротив, с думской стороны, остановилась зеленая «Волга». Он заметил ее, когда выезжал от дома на Наличный проспект. И пока ехал к месту свидания, то время от времени видел зеленую «Волгу» в зеркало заднего обзора. Машина шла за ним на приличном расстоянии. «Чего это они такую приметную прислали?— подумал Семен.— Я вроде бы у нас в управлении зеленых «Волг» и не видел».

До встречи с рыжим оставалось еще минут семь, и Бугаев, заперев машину, прошел несколько шагов в сторону Невского. Там всегда продавались жареные пирожки с мясом. Вокруг двух, как на подбор, плотных, с загорелыми лицами продавщиц толпились народ. Семен вынул из кармана мелочь и пристроился в очередь. Люди ели пирожки тут же, стоя под арками Гостиного двора. Промасленные бумажки, в которые продавщицы заворачивали пирожки, валялись около урны на тротуаре. Чуть поодаль несколько женщин в цветастых платках что-то горячо обсуждали. Прислоненные к стене, лежали их покупки— тугие сетки с оранжевыми апельсинами, большие свертки, из которых выглядывал голубой шелк ватных одеял.

И на меня пару горячих,— раздался за спиной Бугаева знакомый бархатистый голос. Семен лениво повернул голову. «Вот сволочь, незаметно подошел. Небось, караулил уже».

Рыжий был в сером берете. От этого плоское лицо его показалось Бугаеву еще более плоским и бесцветным.

— Угощаю,— усмехнулся Семен, оглядывая парня. На рыжем была надета замшевая курточка на «молнии» и синие вельветовые брюки. «Не отстает от моды».— подумал Бугаев.

Он купил шесть пирожков и три протянул парню. Тот молча взял их, но есть не стал. А Бугаев тут же с аппетитом откусил полпирожка.

— А я думал, вы и завтракаете в ресторане,— сказал парень. Он снова перешел на «вы». Наверное, по телефону ему разговаривать было проще.

— Много будешь думать, быстро состаришься,— пережевывая пирожок, ответил Бугаев.

— Пойдем в тачку, пожуем. А то тут все ноги отдают,— попросил рыжий.

«Он видел, как я приехал, этот рыжий,— отметил Семен.— Рыжий, рыжий, конопатый,— вспомнил он детский стишок,— стукнул бабушку лопатой... Этот стукнет и дедушку. Да он не такой и рыжий...»

В машине парень снял берет и сунул в карман. Его волосы были, и правда, с еле заметной рыжиной. А ведь и в ресторане в первый момент он не показался Семену очень рыжим. А вот окрестил «рыжим», думал Бугаев, и пошел он у меня за «рыжего».

Они молча жевали пирожки, выжидая, кто начнет разговор первым.

— А запить у вас нечем?— спросил парень.

Бугаев кивнул на «бардачок». Рыжий открыл его. Хмыкнув, с удовлетворением вытащил бутылку пива. Там лежала еще большая, «долгоиграющая» бутылка «Столичной».

— Запашливый вы мужик, Семен Иванович,— улыбаясь, сказал парень и зубами открыл пробку с пивной бутылки. У Бугаева по спине пробежали мурашки, так бывает, когда по стеклу чиркает ножик.

— Никогда не знаешь, чем день кончится,— сказал Семен.— Не бежать же ночью за таксистами.

В это время пыльный псковский автобус отъехал, выпустив из выхлопной трубы тучу темного и пахучего дизельного дыма, и Бугаев увидел темно-серую «Волгу» и за рулем Сашу Углева, одного из лучших водителей управления. Саша читал, уткнувшись в какой-то журнал, а Володя Лебедев, следивший, наверное, за «Жигулями» Бугаева, пока их разделял автобус, из толпы, сядил на заднее сиденье.

«Так вот они где пристроились! А зеленая «Волга»?— пронеслось в голове у Бугаева, и он сказал сердито:

— Ну, ладно, помолчали и будет! У меня сегодня дел невпроворот. Я за свою жизнь в молчанку уже наигрался...

— Есть серьезный разговор, Семен Ивано-

вич.— Парень нахмурился, словно хотел придать себе выражение значительности, и посмотрел на часы.

— Так не тяни резину.

— Один мой кореш потолковать хочет...— Почувствовав, что Бугаев собирается возразить, парень торопливо добавил:— Серьезный мужик. Поладите с ним— в прогаре не останетесь. Это почище, чем ваши колхознички...

— Ну, Женя, сядка!— пробормотал сквозь зубы Бугаев.— Я-то думал, он человек, а не баба трепливая. Попляшешь ты у меня!

По «легенде» Семен гулял после того, как ограбил колхозную кассу.

Рыжий хотел что-то сказать, может быть, о том, что Жогин пропал, но только махнул рукой.

— Поехали, Семен Иванович?

— Поеду. Но прежде с Жечкой поговорю. Я тебя второй раз вижу, а третьего может уже не быть...

— Вы что же, меня за падаль держите?— усмехнулся парень.

— Кто тебя знает. Вон ты какой улыбчивый, Вася. Думаешь, я и вправду поверил, что тебя папа с мамой Васей нарекли?

Рыжий нерешительно улыбнулся, не найдя что ответить.

«Интересно, сколько же ему лет?— думал Семен, искоса поглядывая на нервничающего парня.— Такая рожа, что можно и двадцать дать и двадцать пять. На скопца похож. И никакой он не блатняк. Нахвтался блатных словечек...»

— Вася не Вася... Разве в этом дело?— наконец сказал рыжий.— Я-то у вас паспорт не спрашиваю? А Жогина дома уже третий день нету. В больницу попал.

— В больницу?— недоверчиво спросил Семен и, проследив, как парень выдвигает пепельницу, отметил с удовлетворением: «Теперь у меня твои пальчики останутся. Только вряд ли они найдутся в нашей коллекции».

— В больницу,— подтвердил рыжий.— Я у соседней спрашивал. Утром у него мотор отказал. На «Скорой» увезли...

— Жаль. У него «фанерка» и в колонии шалила.

— Фанерка?

Бугаев в первый раз услышал в голосе парня искреннюю нотку. Удивление.

Семен постучал себя по левой стороне кожанки:— «Фанерка». Тонкая «фанерка»,— и сказал, словно решил наконец:— Поедем, что ли, к твоему кирюхе?

— Поедем!— обрадовался парень. Видно, ему строго наказали без Семена не возвращаться.— Он нас на Васином острове ждет. На набережной, напротив садика.

— Соловьевского, что ли?

— Ну да. Обелиск там стоит большой...

Бугаев включил зажигание, осторожно отъехал от тротуара, свернув направо, в полуметре от оперативной «Волги». Саша Углев, выткнув шею, сердито проследил за «Жигулями» Бугаева, словно боялся, что они ненароком заденут его автомобиль. Уже выехав на Невский, Семен обернулся— зеленая «Волга», стоявшая на думской стороне, тоже тронулась. «Ребята ее, конечно, приметили. Еще на Наличном. Неплохой улов для начала». Потом его мысли перескочили к месту встречи. Опять Васильевский, и рядом Соловьевский переулок, где напали на Колокольникова. Неужели кто-то из них там живет? Глупо «следить» около дома. И еще на одну деталь обратил внимание Бугаев: рыжий Вася город знает плохо. Не смог даже назвать, что за садик.

— Эх, жалко Женю!— вздохнул Семен.— А в какую больницу его увезли?

— Соседи не знают.

«Значит, до завода вы, ребята, не добрались. Это хорошо. Иначе бы вам там сообщили про академию».

— Леву Буря надо будет отыскать,— задумчиво сказал Семен.— Он Женю уважал.

Рыжий промолчал.

— Ничего, может, оклемаются! Правда, Вася?— Семеном овладело нервное возбуждение, как бывало всегда, когда он чувствовал, что события вот-вот должны развернуться, что в воздухе повеяло опасностью.— А в зоне ты, Вася, никогда не был, нашел кому голову морочить! Я вот к тебе присмотрелся— думаю, что детдомовский ты парень...

Рыжий было напустился, но не сдержался— улыбнулся. И улыбка получилась у него искренняя и чуть виноватая.

— Это точно, Семен Иванович, десять лет в детдоме прокантовался.

— Пел там, небось, в хоре? Или солистом? Голос у тебя— попы услышат, в семинарию определят.— Покосившись на парня, Семен увидел, как зарделось его плоское лицо. Они уже проехали Дворцовый мост и ждали, когда дадут левый поворот.

— Откуда вы все знаете?— недоверчиво спросил парень. В голосе его все еще проскальзывали настоятельные нотки, но Семен чувствовал, что завоевал его расположение. Когда хотел, он умел это делать быстро.

На светофоре зажглась стрелка левого поворота. Они выехали на набережную. Бугаев посмотрел в зеркало— зеленая «Волга» сзади не было. Не было и серой оперативной машины. «Наверное, зеленая пошла через мост Лейтенанта Шмидта,— решил Бугаев,— а наши двинулись за ней». И сказал:

— Пройдешь с мое, тоже знать будешь. После первой отсидки профессором станешь...

Рыжий хмыкнул презрительно.

Бугаев от души расхохотался:

— Зря хмыкаешь. Думаешь, это мы, лопухи потерянные, попадаем? А ты всех умнее, до тебя уголовка не доберется? Ну, насмешил! Женя мне говорил, что ты слевой Буром знаком. Свидишься с ним— от меня привет передай и возьми у него интервью. Сколько раз он в зону топал. А Лева ас.

— Я живым не дамся,— хмуро сказал рыжий, и Бугаев понял, что у него есть оружие.— У садика припаркуйся.— Он показал рукой, где Бугаеву остановиться.

— Что я, сумасшедший?— проворчал Семен.— Знак видишь?— Там, и правда, висел знак «стоянка запрещена».— Сейчас за угол сверну, там и встанем. Я подожду, а ты сходишь за своим «кирюхой». Нечего нам на пустой набережной отсвечивать.

— Он просил туда подойти,— в нерешительности сказал рыжий.— Если у нас кто «на хвосте»— сразу видно будет.

— Кроме этой зеленой «Волги»,— показал Бугаев на знакомую машину, уже стоявшую тут же, около Академии художеств,— «на хвосте» у нас никого нет. Если это мильтон, значит, «хвост» за тобой...

— Не мильтон это,— усмехнулся рыжий.

— И я так думаю. Топорная работа. С Наличного за мной увязалась.

— Точно!— восхищенно сказал рыжий.— Это мы вас там ждали. С кирюхой.

— В такой машине только на ярмарку ездить,— сязвил Бугаев.— Расцветочка яркая, что надо. Издалека видно.

Парень рассмеялся:

— Да это мы на один день у знакомого взяли. Ему какой-то актер в ремонт привез, а сам на неделю уехал.— И, покачивая головой, сокрушенно сказал:— Ну, я пошел за другом. Будет мне от него, да разве с вами сговоришься?

«Кирюха» оказалась молодым, лет тридцати, красивым мужчиной. Только рот его Бугаеву не понравился, вернее, губы— резко очерченные и красные. Словно обведенные помадой. Внешне он был спокоен, но когда вместе с рыжим проходил мимо «Жигулей» и слегка кивнул, показывая, чтобы Семен проехал дальше, Бугаев увидел в его взгляде бешенство. Рыжий хмурился. Видать, ему досталось на орехи. Семен подождал, пока они прошли метров триста, и поехал следом. Ни Лебедева, ни оперативной машины не было видно. «Машину, наверное, поставили со стороны Первой линии,— подумал Семен.— А Володя в саду». Когда он проезжал мимо рыжего и его приятеля, рыжий обернулся и поднял руку. Бугаев притормозил. Рыжий подбежал к машине, открыл дверцу. Шепнул:

— Подвел ты меня, Семен Иванович.

Потом повернулся к «кирюхе», махнул рукой, приглашая в автомобиль. Дескать, «левак» согласен. Подвезет куда надо.

Рыжий сел сзади. Его сердитый приятель буркнул:

— Привет!— и сел рядом с Семеном.

— Куда изволите?— ернически осведомился Бугаев.

— Покатаемся немного, а потом на набережную. К пристани...

— Пристаней много,— уже сердито сказал Семен, давая понять, что разговаривать с ним нужно поласковее.

— К Тучкову мосту. Там удобно.

Когда Бугаев остановился около пристани, краснотелый обернулся к рыжему. Тот мотнул головой, удостоверив, что слезки не было. Быстрая езда, наверное, успокоила сердитого пассажира. Он улыбнулся Семену и, протянув руку, примирительно буркнул:

— Теперь давай знакомиться...

Утром у Корнилова собрались Белянчиков, Лебедев и Алабин— начальник угрозыска Васильевостровского района, когда-то служивший под началом полковника. Игорь Васильевич накануне вечером позвонил ему. Сказал:

— Что-то, Василий, в твоём районе часто мелькают наши «подопечные». Не у тебя ли на Острове гнездо себе свили? Приезжай, подключайся...

— Вот, знакомьтесь.— Полковник бросил на стол веером пачку фотографий.— Во всех ракурсах. Наши ребята постарались.

— А у этого самая наглая рожа,— ткнул пальцем

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Белянчиков в то фото, на котором Бугаев стоял в очереди за пирожками.

— Да он же на Семена Бугаева похож! — сказал Алабин.

— Неужели? — притворно удивился Юрий Евгеньевич.

Все рассмеялись.

Алабин смутился, взял фотографию в руки.

— Что-то есть общее. Резкость здесь, что ли, плохая?

— Ну-ну, с резкостью все в порядке. Может быть, тебе очки пора надевать? — усмехнулся Корнилов. — Смотри, Алабин, а вдруг неспроста у тебя бандюги обосновались? Может, шуток пошел, что у тебя зрение притупилось? — И постукал костяшками пальцев по столу, давая понять — разминка закончена.

— Кое-что уже прояснилось, — Корнилов взял фото, на котором рыжий парень выходил из машины Бугаева, стоявшей у решетки Соловьевского сада. — Молодой субъект, назвавшийся Бугаеву Васей, на самом деле Николай Борисович Осокин, шестьдесят второго года рождения. Родился в Сочи. Мать умерла, когда ему было семь лет. Попал в детский дом. — Игорь Васильевич заглянул в лежащую перед ним справку. — Про отца ничего не известно. Окончил ПТУ. В армии не служил. Что-то по медицинской части. Прописан временно у своей тетки на Малом проспекте Петроградской стороны. Он ли тетку разыскал, она ли его, выяснить пока не удалось. Тетка на пенсии. Участковый инспектор отзывается о нем хорошо.

— А как этот участковый познакомился с Николаем Борисовичем Осокиным? Такие знакомства обычно не по-доброму начинаются...

— Как, как ты сказал? — вдруг насторожился полковник. — Николай Борисович Осокин?

— Это вы сказали, Игорь Васильевич.

— Я, я сказал! — нетерпеливо согласился Корнилов. — Но когда ты говоришь, это звучит убедительнее. Этот коллекционер, на которого мы целую неделю потратили... Осокин Борис Дмитриевич! — Он снова внимательно взгляделся в фотографию рыжего парня.

— Вы думаете? — Белянчиков взял со стола несколько фотографий. Бегло взглядывал, передавал по

одной Лебедеву. Алабин с недоумением следил за товарищами.

— Нет, не похож. Совсем не похож, — сказал Юрий Евгеньевич. И Лебедев согласно кивнул:

— Тот симпатичный мужчина. Благообразный. А у этого физиономия — не приведи господи! Уж я на него наглядялся.

— Тоже мне аргумент нашли — физиономия не понравилась, — рассердился Корнилов.

— Совпадение интересное, — усмехнулся Лебедев, — у этих Осокиных...

— Вот и надо проверить. Возьмешь это на себя. — Он задумался на секунду. — На чем мы остановились? Ах, да! Откуда инспектор рыжего знает? Когда парень к тетке приехал, она к участковому за содействием обратилась — по поводу прописки. Ну, а потом он пару раз с теткой встречался, спрашивал: как племянш?

— Теток послушать... — подал голос Белянчиков.

— Бугаев, кстати, сказал мне, что парень, похоже, влип в эту историю по недоразумению. Держат его за «шестерку», на побегушках. И отпечатков его пальцев ни в нашем, ни в центральном дактилоскопическом бюро нет. А второй... — Корнилов вздохнул. — Трудный случай. Восемь лет назад проходил по делу о мародерстве в Московском крематории. Тогда он в преступной группе на побегушках был...

— По кличке «студент», что ли? — спросил Белянчиков.

— Вот-вот! «Студент». Только какой он студент! Из института его за пьянство с первого курса выгнали, он устроился в крематорий. Полгода проработал, а успел немало натворить. В прошлом году вышел из колонии. На пять лет лишен права проживать в крупных городах.

Белянчиков, сосредоточенно о чем-то думавший, перебил Корнилова:

— вспомнил! Райко! Райко его фамилия.

— Хвалю, Юра, — с едва уловимой иронией сказал Игорь Васильевич. — Память у тебя прекрасная. Зовут его Райко Михаил Данилович. Но где он обитает, нам пока установить не удалось. Если бы у наших сотрудников еще к хорошей памяти и прыти побольше было, мы бы уже арестовали его.

Лебедев виновато опустил голову.

Пока Райко вел переговоры с Бугаевым, рыжий, поймав такси, съездил к Соловьевскому садику,

пригнал оттуда зеленую «Волгу». Через полчаса Райко сел в эту «Волгу» вместе с рыжим, высадил его на Среднем проспекте, а сам, завернув на Шестую линию, заехал во двор шестьдесят третьего дома. Лебедев знал, что двор этот проходной, и послал Углева к подворотне на Пятой линии. Райко же во втором дворе остановился перед воротами гаража, открыл замок, загнал в гараж машину и закрыл ворота уже изнутри. Больше его Лебедев не видел. Наверное, Райко и ушел через парадную, выходящую на улицу. Удалось узнать, что гараж принадлежит слесарю, отремонтировавшему актерскую «Волгу», и что из гаража есть вход в его квартиру. Имеет ли этот слесарь отношение к преступной группе, предстояло еще выяснить.

— А сколько всего человек в группе, не удалось установить? — спросил Алабин.

— Трех мы знаем, — ответил Корнилов. — Райко, Осокин и неизвестный нам мужчина, за которым ехал из Зеленогорска Колокольников. Судя по его описанию и по тому, что рассказал пьянчужка, которому Колокольников показал мужчине на станции, ни на «студента», ни на рыжего он не похож. Двое под вопросом — шеф-повар ресторана, через комнату которого ушел Осокин, и слесарь, ремонтирующий зеленую «Волгу». Бугаеву «студент» сказал, что в налете, кроме Семена, будут участвовать трое. Кто третий — будущее покажет. Во всяком случае, и повара, — он заглянул в свою бумажку, — Олсуфьева Кирилла Степановича и слесаря Пыжова надо постоянно держать под наблюдением. Это твоя задача, — полковник обернулся к Алабину.

— Бугаев, по плану «студента», должен привезти группу на своих «Жигулях» к какой-то кассе, вскрыть сейф, получить свои десять тысяч и — до свиданья.

— Ого! — сказал Белянчиков. — Что-то я в такую щедрость не верю.

— И Бугаев тоже не верит. И правильно делает. Скорее всего, от него захотят отделаться... Но не раньше, чем он им сейф откроет. А вот где этот сейф?

— В управлении, где работает Рогозина? — высказал предположение Лебедев.

— Вряд ли. Дополнительная проверка показала, что девица она честная. Скорее всего, даже не подозревала, зачем Бур с нею познакомился.

— А увольнение?

— Что ж, разве в жизни не бывает совпаде-

ний? — задумчиво сказал Корнилов. — Семен поставил им условие, — продолжал он, закурился, — чтобы не было никаких палубы, никаких «мокрых» дел. Он, мол, дорожит своим здоровьем... Но оружие у них есть. Даже у рыжего. — Полковник внимательно оглядел своих сотрудников.

Сколько операций они закручивали в этом кабинете, горячо обсуждая каждую деталь, нещадно споря, даже ссорясь иногда! Корнилов не любил соглашателей, а если иногда ошибался, приглашая нового сотрудника, что бывало не часто, но все-таки бывало, «соглашатель» не задерживался в управлении. А люди, что сидели сейчас вместе с ним за покрытым зеленым сукном, немного старомодным столом, были дороги полковнику. Он знал их достоинства и недостатки, их привычки. Знал, чего от них можно ожидать, а чего нельзя. Чего ждать от упрямого скептика Белянчикова, которому Игорь Васильевич верил, как самому себе, от скромного на совещаниях, но цепкого в деле Лебедева, которого всегда следовало хвалить чуть-чуть больше, чем он того заслужил, — в этом случае Володя мог совершать чудеса. И Вася Алабин, проработавший с Корниловым всего четыре года и ставший теперь начальником угрозыска большого района, был дорог полковнику. И отдал-то он Алабина из управления только потому, что Василий шел на повышение, а в таких случаях Корнилов никогда не мешал. Многих не было сейчас за этим столом — в

угрозыске, как любил говорить полковник, надо работать и ножками. Но больше всех ему не хватало сейчас майора Бугаева — одного из самых толковых своих сотрудников. И самого горячего спорщика. Корнилову сегодня было мало скептицизма Белянчикова, рассудительности Алабина, — требовались «шалыные» и «бредовые» идеи, на которые был мастер Семен Бугаев. «Товарищ полковник, — обычно говорил майор. — А мне вот такая бредовая идея в голову пришла...» И начинал с увлечением развивать эту идею, которая могла и вправду оказаться «бредовой», но действовала на всех присутствующих как искра на фитиль зажигалки, как теплый дождь на поникшие от засухи посевы. Семен умел высекать искры, будить воображение, увлекать. Корнилов же умел направить разбуженное воображение в нужное русло, умел быстро ухватить полезные идеи и отказаться от бесплодных. Он умел — и любил — работать с талантливыми людьми. А это, как ни покажется странным, довольно редкое качество руководителя.

— Наверное, надо в первую очередь заглянуть в старое дело, по которому «студент» проходил, — сказал Белянчиков. — Определить его «подельцев». Все ли еще сидят или кто-нибудь, кроме него, вышел. А вдруг это не известный нам третий?

— Запрос на Петровку и в министерство я сделал. Просил срочно, — ответил Корнилов.

— А если арестовать «студента» и рыжего, как

только они выйдут на связь с Бугаевым? — спросил Лебедев.

— Знать бы, что на встречу с Семеном пришел Райко, надо было сразу брать, — с сожалением сказал Корнилов. — И его и рыжего. Да кто ж мог предположить, что такая опасная птица залетела? И кто знал, что мы ее потом провороним... Дальше тянуть нечего, будем сразу задерживать. Вдруг они решат без Семена обойтись?

— Игорь Васильевич, — встрепенулся вдруг сосредоточенно чертивший домики на листе бумаги Белянчиков, — а если фото Райко и Осокина той старухе показать?

— Какой еще старухе?

— Блошкиной, — улыбнулся Белянчиков, вспомнив рассказ Семена Бугаева о том, как старуха падала в обморок к нему на руки. — У которой Лева Бур комнату снимал!

— Так, так, так... — заинтересовался полковник. — Это она говорила, что к Лева приличные люди ходят?

— Она.

— Покажем. В розыске «студента» она нам не поможет, но если опознает, цепочку мы замкнем.

Окончание следует.

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию задания шахматного конкурса «Смена». Читателям журнала предстоит решить трехходовую задачу и этюд.

Игра в трехходовой задаче носит явно комбинационный характер и заканчивается красивыми правильными матами. Уверен, эта задача понравится многим участникам нашего заочного соревнования.

Шахматный этюд, наверное, не покажется очень уж трудным для опытных решателей, правда, потребуются немалая изобретательность, чтобы отыскать красивую финальную позицию, где белые достигают ничьей. Интересно и то, что этот шахматный этюд принадлежит известному советскому шахисту В. Соколову!

Седьмой тур

Белые: Крd2, Фd3, Лс4, Кd6 (4).
Черные: Кра5, Ла6, Лd5, пп. а3, а4, с5, d4 (7).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крс4, Лd5, Сс1, п. g7 (4).
Черные: Крg8, Ла1, Сf3, пп. а6, с3 (5).
Белые начинают и делают ничью (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83, 7-й тур». Последний срок присылки ответов — 1 января 1984 года (по почтовому штемпелю).

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Права и обязанности участников.

1. Участники личных соревнований имеют право по всем вопросам, связанным с ходом игры, обращаться непосредственно к судьей.

2. Участники соревнований обязаны:

— знать правила Шахматного кодекса, регламент и положение о данном соревновании и строго выполнять их;

— строго соблюдать дисциплину;

— выполнять указание судей (при этом за участником сохраняется право последующего обжалования решения судейской коллегии перед организацией, проводящей соревнование);

— участвовать в соревновании до его окончания и играть каждую партию с полной отдачей сил.

3. Во время игры участникам запрещается:

— спрашивать совета или мнения о своей партии у кого бы то ни было;

— пользоваться печатными или рукописными материалами, которые могут иметь отношение к происходящей игре;

— отходить от доски при своей очереди хода;

— анализировать в турнирном помещении позиции и партии;

— вести какие-либо разговоры с участниками и зрителями;

— прикасаться к полям доски или указывать на них для облегчения расчета;

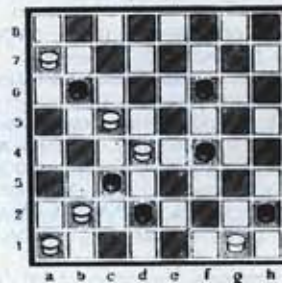
— мешать своему партнеру сосредоточиться на обдумывании ходов;

— своим поведением нарушать нормальный ход соревнований.

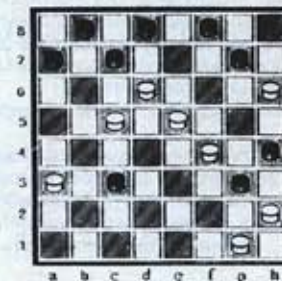
4. Записи партии, подсчет количества ходов и перевод часов производятся самим участником, помощь со стороны не допускается.

Седьмой тур
Публикуются впервые

1. Г. Кетлер (Кривой Рог)

2. И. Сутягин (г. Саратул, Удмуртской АССР)

В обеих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок присылки ответов на задания седьмого тура — 1 января 1984 года (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «Шахматный конкурс-83, 7-й тур».

Вероятно, вы, Игорь, имеете в виду гарантийные доплаты, которые положены несовершеннолетним работникам.

Прежде всего отметим, что для несовершеннолетних, подростков, установлен сокращенный рабочий день. При этом за ними сохраняется право на получение заработной платы в таком же размере, как и за полный рабочий день.

Для подростков от 16 до 18 лет рабочая неделя не должна превышать 36 часов, а для пятнадцатилетних и шестнадцатилетних — 24 часов, а то время как у взрослых рабочих она равна 41 часу.

При шестидневной рабочей неделе разность рабочего времени у подростков от 16 до 18 лет составляет 5 часов, а у подростков от 15 до 16 лет — 17 часов. Исходя из этого, ежедневная доплата подсчитывается следующим образом: подростку от 15 до 16 лет — 5 дней за 3 часа в день и в субботу — за 2 часа; подросткам 16—18 лет — доплата производится ежедневно в течение 5 дней за 1 час.

При пятидневной рабочей неделе недельный размер доплаты несовершеннолетним не меняется. Но при этом следует иметь в виду следующее: в связи с тем, что продолжительность рабочей смены подростков 16—18 лет при пятидневке не может превышать 7 часов и они не могут полностью отработать за 5 дней недельную норму часов, для них вводятся так называемые отработочные дни. За работу в эти дни доплата не производится, так как она уже полностью вошла в недельную норму доплаты.

Таким образом, если подросток занят на работе с повременной системой оплаты труда, то он получит полный оклад или дневную тарифную ставку. Труд подростков, занятых на сдельных работах, оплачивается в соответствии с тарифными ставками, установленными для взрослых рабочих, с доплатой за время, на которое сокращается продолжительность их ежедневной работы.

В том случае, если несовершеннолетние рабочие непосредственно на производстве проходят индивидуальное или бригадное обучение, в течение всего этого периода за ними сохраняется право на оплату их труда как за полный рабочий день взрослых.

Редакция нашего журнала с глубоким прискорбием извещает о смерти члена КПСС с 1928 года, ветерана Великой Отечественной войны, главного редактора журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» в 1954—1959 гг. Величко Михаила Арсеньевича и выражает соболезнования семье и близким покойного.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.09.83. Подписано к печати 30.09.83. А 02795. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2667. Заказ № 1459. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Владимира ЗУЕВА
Слова Татьяны КУЗОВЛЕВОЙ, Владимира САВЕЛЬЕВА

МОЙ ПЕРВЫЙ КЛАСС

Иду к доске
девчонкой загорелой.
Над партами нависла тишина.
И крупно на доске пишу я мелом
Слова:
«Россия. Родина. Страна».
И жду,
чтобы учительница чудо
Открыла мне немедленно,
тотчас.
Да разве я когда-нибудь забуду
Тебя, мой первый,
самый первый класс!

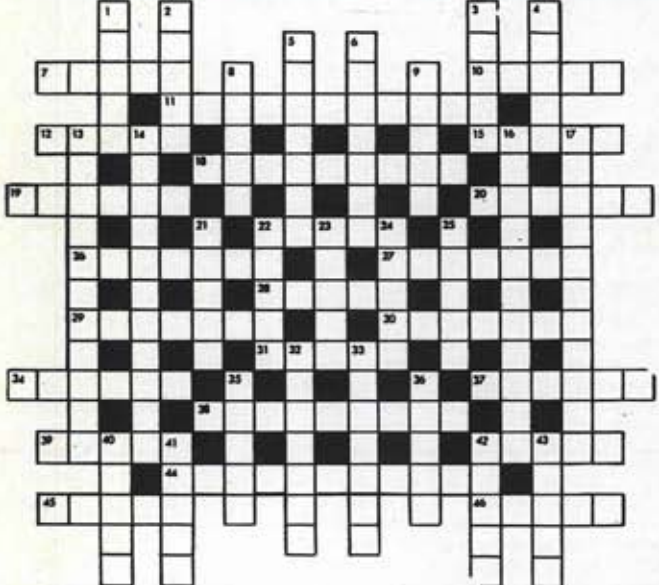
С тех пор звонков
немало отзвенело.
И я сама урок вести должна.
И снова на доске
пишу я мелом
Слова:
«Россия. Родина. Страна».

Дрожит в волненье голос почему-то,
Летит ко мне
тепло ребячьих глаз.
И от меня он ожидает чуда —
Совсем другой,
но тоже первый класс.

А наши годы
мчат без передышки,
Летят они куда-то торопясь.
Как быстро вы,
девчонки и мальчишки,
Растете
и уходите от нас.
Над новыми делами
и словами
Светло восходят ваши имена.
За вами только я,
а перед вами
Теперь —
Россия, Родина, Страна.

К Р О С С С В О Р Д

Составил А. МИЗОВ,
село Псыгансу
Кабардино-Балкарской АССР

По горизонтали:

7. Кавказский хлеб.
10. Предложение, обращение избирателей к депутату.
11. Вид парусного спорта.
12. Болотная трава.
15. Место в пустыне, где есть растительность и вода.
18. Герой Отечественной войны 1812 года.
19. Левый приток Печеры.
20. Смола некоторых деревьев, изоляционный материал.
22. Порт в Болгарии.
26. Морская промысловая рыба.
27. Герой рассказа И. С. Тургенева «Муму».
28. Осветительная аппаратура на полу сцены.
29. Социалистическое государство.
30. Верхний полуэтаж дома.
31. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь».
34. Карликовое государство в Европе.
37. Древнее метательное оружие.
38. Выдающийся русский химик.
39. Заяц.
42. Приступ, натиск на укрепленные позиции, крепость.
44. Высшее учебное заведение.
45. Певчая птица.
46. Переносное средство связи.

По вертикали:

1. Канал вулкана, по которому поднимается лава.
2. Бахчевая культура.
3. Южный плод.
4. Набросок чертежа, рисунка.
5. Домашняя птица.
6. Мужской голос.
8. Сплав стали с никелем.
9. Летчик.
13. Способ заготовки кормов.
14. Русская плясовая песня.
16. Драгоценный камень.
17. Герметичное окно на корабле.
21. Электроизоляционный материал, заменитель кожи.
22. Исторический русский крейсер.
23. Советский космонавт.
24. Крупная тропическая ящерица.
25. Атмосферное явление.
32. Советский скульптор, автор портретов В. И. Ленина.
33. Шведский химик, открывший скандий.
35. Кондитерское изделие.
36. Сообщение, новость.
40. Трехмачтовое парусное судно.
41. Женское украшение.
42. Тонкая линия, черта.
43. Международная мера золота.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 20

По горизонтали:

5. «Тарпоф».
7. Мастер.
9. Астра.
12. Реоловер.
13. Затишник.
14. «Лакме».
15. Квадрига.
16. Пристань.
17. Фраза.
20. Турман.
24. Сафлор.
27. Егорлык.
28. Мальр.
29. Уксус.
30. Паташон.
31. Ходьба.
34. Славка.
38. Штраф.
41. Волнушка.
42. Либретто.
43. Римша.
44. Холстина.
45. Норвежка.
46. Драже.
47. Живца.
48. Цинния.

По вертикали:

1. Павлодар.
2. Ставрида.
3. Осетрина.
4. Чернотал.
6. Фарлаф.
7. «Мазепа».
8. Сервет.
10. Такса.
11. «Пионер».
18. Реостат.
19. Золушка.
21. Уамбо.
22. Милль.
23. Нерпа.
24. Скунс.
25. Фаска.
26. Отсек.
31. Хлопок.
32. Династия.
33. Башкирия.
35. Лаборант.
36. Введение.
37. Аптека.
38. Шарара.
39. Румба.
40. Фланец.

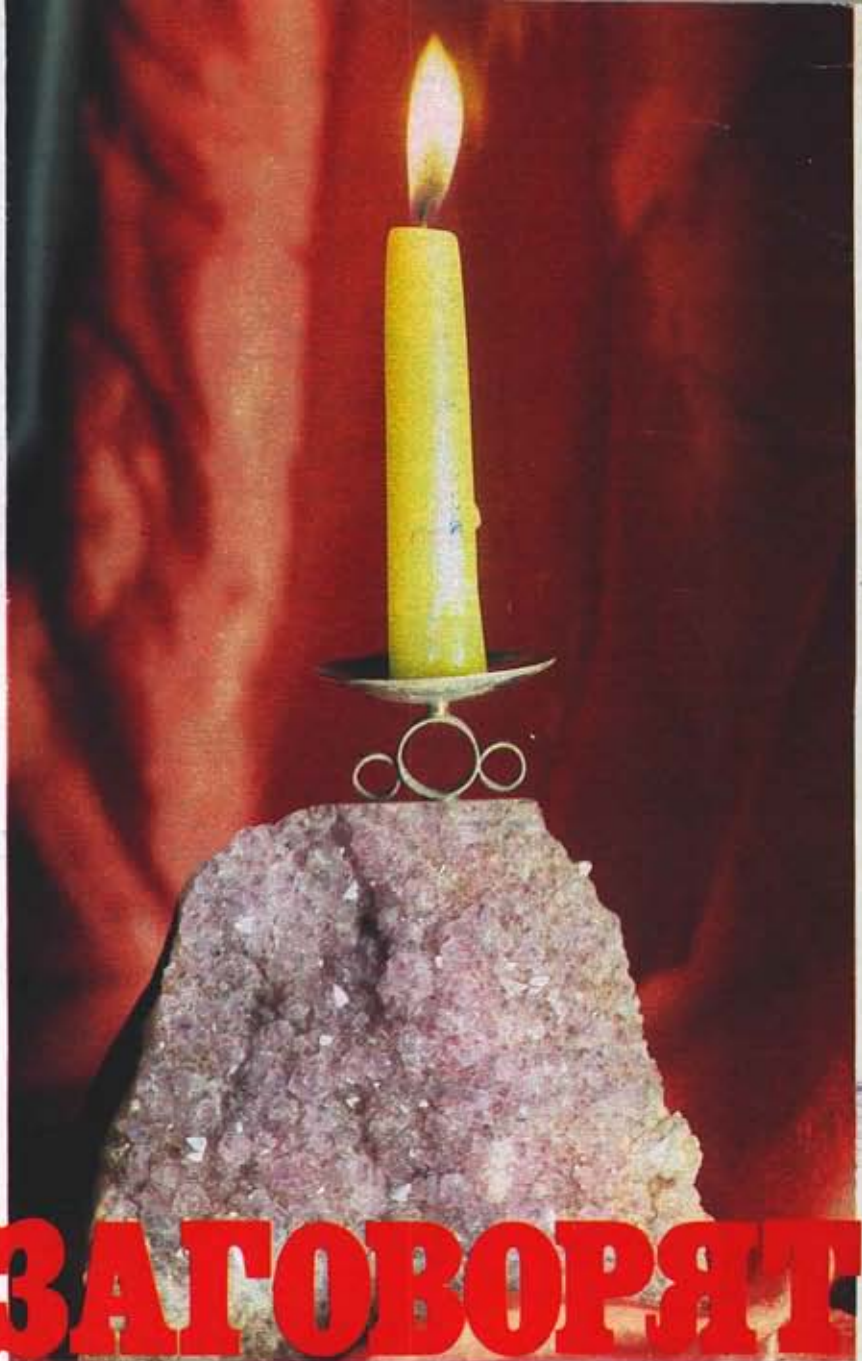
...Этот маленький ветхий верстачок со старинным квадрантом — приспособлением для крепежа камня — да наполовину изношенным то ли оловянным, то ли латунным диском для полировки я увидел в музее знаменитого предприятия «Уральские самоцветы» в Свердловске. Увидел здесь и фотографию почтенного деда со знатной бородой. «Уж не сам ли Данила-мастер?» — в шутку спросил я. «А ведь вы почти угадали», — ответила хранительница музея. Через час я смог уже лично познакомиться с Григорием Даниловичем Зверевым. Происходило это в

**ЧТО ЯРЧЕ: КАМНЯ СВЕТ
ИЛИ РУК МАСТЕРОВЫХ РАБОТА?**

**В ТРЕПЕТОМ ПЛАМЕНИ СВЕЧИ
УРАЛЬСКИЙ САМОЦВЕТ
СКАЗОЧНО ОЖИВАЕТ.**

день, предшествовавший его 89-летию. Сколько камня прошло через руки мастера за долгие десятилетия! А начал он свое ремесло мальчишкой. В те давние годы, в начале века, отец Григория Данила Кондратьевич Зверев уже слыл большим знатоком камня. В двадцатые—тридцатые годы трест «Рус-

И КАМНИ КРАСОТОЙ ЗАГОВОРЯТ

**ПОБЫВАВ В РУКАХ МАСТЕРА,
КАМНИ ОБРАТИЛИСЬ
В УКРАШЕНИЯ.**

**ЗДЕСЬ ВСЕ — ГАРМОНИЯ,
ВСЕ — ДИВО**

ские самоцветы» назначает знаменитого горщика экспертом по оценке драгоценных камней. Зверев участвует в работе столичной Академии наук, его знают и ценят Карпинский, Кржижановский, Ферсман... «Нет такого камня, чтоб не было его на Урале», — говорил Зверев-отец, знал и не таил от других множество месторождений самоцветов, являясь их первооткрывателем. Урал считал он своим настоящим домом, а сам жил в полуподвальном помещении — здесь вечно ночевали заезжие горщики, попивали чай да вели долгие разговоры... Не судьбу ли Зверева-старшего положил в основу образа Данилы-мастера Павел Петрович Бажов?

На стендах музея «Уральские само-

цветы» горят и искрятся топаз и хрусталь, рубины, изумруды, переливаются краски многоцветных яшм... Иной камень и название имеет от той игры многоцветья: шайтанский переливт, например. Родонит — розовый с черными жилками камень — имеет здесь свое название, уральское: орлец. А вот и гость из далекой Сибири — фиолетовый чароит, найденный в Забайкалье... Но как ни богат музей, все это лишь крохотная доля того, что составило славу уральскому камню. Камень этот в творениях зодчих Петербурга и Москвы. В лучших музеях, таких, как Эрмитаж, Павловский дворец, хранятся уникальные произведения уральских мастеров, сработанные по эскизам знаменитых художников, архитекторов... А чего стоит чаша из каклканской яшмы, украшающая Эрмитаж! Изящная и легкая, поражающая совершенством пропорций и чистотой рисунка, глубиной и благородством тона камня и невесомостью орнамента, словно кисеей охватившего вазу. Трудно представить, что это чудо родилось из многометрового монолита камня необыкновенной твердости. И вершилось это чудо почти тридцать лет!.. А уральские малахиты — они ли не говорят сами за себя?

«Ископаемого царства произведения, превращенные через искусства здешних гранильщиков в многообразные виды», — написано в одном старинном документе об уральском самоцвете. Свидетельство, многократно подтвержденное жизнью.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ.
Фото автора